

Ольга Малышкина

БРЫСЬ, ИТИ ТАЙНЫ ЦАРСКОГО СЕЛА

Случайно узнав, как трагически закончилась история правления Романовых, Брысь решает отправиться в новое путешествие во времени. О отважный герой оказывается в прошлом, в самом начале Февральской революции 1917 года.

В историко-приключенческом повествовании читатель увидит, как разгорался пожар революции; узнает, кто такой Григори Распутин, побродит по таинственным подземным туннелям, побывает в взбунтовавшемся Петрограде, познакомится с царской семьёй и замечательными людьми, такими как доктор Боткин, матрос Климентий Нагорный и другими, для кого «долг, честь и совесть» не пустые слова...

А ещё – вместе с Брысем будет искать клад!

ISBN 978-5-6042350-9-6

9 785604 235096

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

**Международного литературного конкурса
«Новая сказка – 2015»**

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БРЫСЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ

БРЫСЬ,

и ти таўны

царского сета

Ольга Малышкина

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6
М20

Малышкина О. В.

М20 Брысь, или Тайны Царского Села:
Приключенческая повесть / Художник О.Кагальникова.
– М: Брысь & Со; 2023. – 384с. – Б.ц. – ил.
ISBN 978_5_6042350_9_6

Случайно узнав, как трагически закончилась история правления Романовых, Брысь решает отправиться в новое путешествие во времени. Отважный герой оказывается в прошлом, в самом начале Февральской революции 1917 года. В историко-приключенческом повествовании читатель увидит, как разгорался пожар революции; узнает, кто такой Григорий Распутин, побродит по таинственным подземным туннелям, побывает в взбунтовавшемся Петрограде, познакомится с царской семьёй и замечательными людьми, такими как доктор Боткин, матрос Климентий Нагорный и другими, для кого «долг, честь и совесть» не пустые слова... А ещё – вместе с Брысем будет искать клад!

Для среднего школьного возраста.

Серия «Невероятные приключения Брыся в пространстве и времени»

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6

Охраняется законом об авторском праве.
Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания,
включая размещение в сети Интернет, возможна только
с письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978_5_6042350_9_6

© Малышкина О., 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брысь – кот с богатой биографией. Судьба не раз испытывала его, забрасывая в разные исторические эпохи. Он даже побывал Котом Его Высочества – будущего императора Александра Второго! От сотрудниц Эрмитажа он получил элегантную кличку Ван Дейк, хотя «за глаза» друзья называют его по-старому. Брысь слывёт искателем приключений, полиглотом, грамотеем, обладателем изысканных манер и любителем совершать добрые дела. В его «команде» два кота: Савельич – пожилой философ и Рыжий – дворцовый мышелов из XIX века, волею судьбы очутившийся в нашем времени. А также пёс Мартин – неизвестной породы и очень крупных размеров, питомец мальчика Саши из города Пушкина (бывшего Царского Села), семья которого приняла к себе и всех троих котов («*Брысь, или Кот Его Высочества*», «*Брысь, или Один за всех, и все за одного*»).

Среди приятелей Брыся есть даже грызун! Это белый крыс Пафнутий, питомец Сашиного

друга, соседа и одноклассника Вовы Менделеева — юного химика и изобретателя эликсира перемещений. Пафнутий считает себя м.н.с. (то есть младшим научным сотрудником) и убеждён, что у него два образования: экономическое, так как любит смотреть по телевизору новости про экономику, и химическое, так как дегустирует «перемещатели». Вовкина тяга к экспериментам однажды забросила Пафнутия в суровое послереволюционное время, в 1918 год. Он подружился с мальчиком Колей — сыном бывшего царского офицера, оказавшимся прапра... Вовы Менделеева. А ещё... Пафнутий наткнулся на клад в подвале одного из особняков Царского Села и вместе с Брысем пытался отыскать сокровища в наше время. Однако, проделав долгий и опасный путь (даже провалившись под землю, в странный туннель с рельсами), друзья обнаружили на стенах подвала только подсказки — отпечатки собственных лап, указавших на место, где располагалась секретная ниша. Из всех драгоценностей там оказалась лишь маленькая чёрная жемчужина... Луна — частая собеседница Брыся в его снах — заверила кота-путешественника, что это он опять побывал в прошлом и потратил сокровища на благое дело. Вот только не сказала, какое. А потому Брысь придумал его сам — решил исполнить долг Кота Его Высочества перед потомками бывшего хозяина и спасти семью последнего российского императора (*«Брысь, или Приключения одного м.н.с.»*).

Глава 1

БРЫСЬ ПРИДУМЫВАЕТ ПЛАН

Прискатывать к исполнению задуманного Брысь решил с теоретической подготовки, а поскольку привлекать к делу спасения императорской семьи всезнающего, но не одобряющего вмешательства в историю Савельича – значило загубить идею на корню, то не оставалось ничего другого, как добыть необходимые сведения самому. Не зря же судьба выделила ему в качестве «хозяина» преподавателя истории! На полках следовало найти нужный фолиант и тайно им завладеть.

Можно было бы, конечно, воспользоваться той книгой, что уже лежала на столе в детской комнате, – о царскосельских дворцах и их последних обитателях (там даже и фотографии царской семьи имелись), однако его интерес обязательно заметит наблюдательный Савельич и замучает вопросами... Заглянуть в компьютер? Со стороны поиск информации не выглядел пугающе сложным – жми на мышшь, что уже само по себе приятно, или дави на кнопочки с буквами на клавиатуре! Но, рыская в Интернете, он точно вызовет подозрения, и тогда придётся сочинять небылицы. А Савельич не Пафнутий и, тем более, не воробей –

его на мякине не проведёшь! (Кот-полиглот надеялся, что правильно употребил поговорку и что «мякина» — та же «лапша», которую вешают всем, у кого есть уши.)

Утвердившись в этой мысли, Брысь отправился в гостиную и принялся изучать книжные корешки. В общих чертах его план выглядел довольно просто: выбрать в соответствующем фолианте подходящую по времени и месту фотографию; накапать на неё вкусный, приготовленный на фруктовых сиропах, Вовкин эликсир; слизнуть; переместиться в искомый исторический отрезок (получилось же с романом Дюма «Три мушкетёра») и убедить августейших особ срочно эвакуироваться из Царского Села, для чего вступить в контакт с их питомцами — своим-то собакам они быстрее поверят, чем незнакомому коту!

Единственная сложность заключалась в том, что, по словам Пафнутия, юный химик перестал проверять на нём свои изобретения, а потому белобрысый «м.н.с.» не имел полной уверенности, в какой из заветных склянок, что хранились в обувной коробке под Вовкиной кроватью, находится волшебный эликсир. Впрочем, ради доброго дела Брысь готов был испробовать на себе содержимое всех накопившихся у младшего Менделеева бутылочек из-под валерьянки. А судя по отпечаткам лап грызуна рядом с его собственными на стенах

подвала старинного особняка, Пафнутий не устоит перед сладким и отправится спасать августейшую семью вместе с ним.

Трель будильника, заклятого врага любителей поваляться в постели, а также тех, кто не нуждается в свидетелях, нарушила спокойное течение утра и вынудила Брыся ретироваться из гостиной на кухню, чтобы стать первым в очереди за завтраком.

Зевая во всю ширину необъятной пасти и сонно волоча длинные лапы, в дверях возник Мартин. Утомлённый проходом по коридору, он рухнул возле стола, расположил морду на вытянутых передних лапах и смежил веки в ожидании хозяина, Николая Павловича, ради традиционной совместной трапезы с которым и покинул тёплую подстилку. Серо-белый источник неприятностей остался вне поля его зрения. Брысь тактично кашлянул, и псу пришлось дёрнуть ухом, стряхивая дрему.

– Я на тебя сержусь за вчерашнее! – строго заявил он, стараясь не показывать, что готов лопнуть от любопытства, где же пропадал неугомный кот, да ещё в компании с грызуном.

Искатель приключений таинственно сощурился, подогревая собачий интерес и загадав, что не успеет досчитать до пяти, как пёс будет валяться у него в лапах и умолять рассказать о пережитом. Однако ошибся – произнести смог только «раз».

– Не томи! Выкладывай, почему ваш след оборвался возле дыры, – не выдержал Мартин. – И как вы оттуда выбрались? И вообще, почему ты взял с собой Пафнутия, а не меня? – обиженно добавил он.

– И нас не предупредил! – раздались оскорблённые голоса Рыжего и Савельича, намеренно проигнорировавших свои мисочки, словно пришли на кухню исключительно ради выяснения отношений, а не за утренней порцией еды.

Брысь, в жёлтых глазах которого не читалось ни капли раскаяния, поведал на ходу сочинённую душещипательную историю о том, как питомец Вовы Менделеева возомнил себя птицей и вылетел из форточки, как попал в зубы оказавшемуся поблизости дворовому коту и как отважному герою в лице их покорного слуги пришлось спасать безрассудного грызуна, и...

Поток красноречия был прерван появлением Сашиных родителей. Помешивая сахар в чашке с крепким кофе, Николай Павлович окинул хвостатое собрание внимательным взглядом и остановил его на виновнике вчерашнего (очередного!) переполоха.

– Мы уж думали, сгинули вы с Пафнутием в наших царскосельских подземельях!

– И вас утащил призрак Екатерины Первой, жены Петра Великого, как и всех, кто забирается без спросу в её владения! – сияясь

сохранить серьёзность, внесла свою лепту мама Лина.

Круглые глаза разномастных питомцев стали квадратными, и коты, как один, перестали жевать, а Мартин даже икнул от ужаса, представив, как рисковал, когда во время поисков засовывал голову в отверстие, в котором исчезли беглецы.

– В те времена не строили железных дорог! – авторитетно возразил Брысь, когда вздыбившаяся шерсть улеглась на место.

– Ага! Значит, ты всё-таки туда спускался! – немедленно отреагировал Савельич.

Брысь вспомнил полёт в черноту бетонного бункера и сознался, радуясь возможности добавить в рассказ хотя бы толику чистой правды:

– Спускался! Но только потому, что туда провалился Пафнутий и я не мог бросить питомца Сашиного друга в беде!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Екатерина I (5 [15] апреля 1684 – 6 [17] мая 1727) – вторая жена Петра I Великого, российская императрица с 1721 г. как супруга царствующего императора, с 1725-го – как правящая государыня; мать императрицы Елизаветы Петровны. В её честь Петром I учреждён орден Св. Екатерины (1713) и назван город Екатеринбург (1723). Её имя носит также Екатерининский дворец в Царском Селе (выстроенный при её дочери Елизавете на месте деревянного дворца, подаренного супруге Петром I). При Екатерине I появилась и легенда о существовании под Царским Селом разветвлённой системы подземных ходов.

Глава 2

БРЫСЬ ПЫТАЕТСЯ РАЗДОБЫТЬ НУЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Лина и Николай Павлович не смогли принять участие в дальнейшем «разговоре» и с сожалением переглянулись, опять почувствовав человеческую ущербность. И почему такой односторонний контакт?! Несправедливо! Питомцы понимают их отлично, а они в их беседе – ни «словечка»!

Чтобы вернуть внимание хвостатых, глава разношёрстного семейства как бы между прочим заметил:

– Ещё вы могли наткнуться на призраки царских офицеров, которые погибли, пытаясь освободить семью Николая Второго из-под ареста. По слухам, их замуровали вместе со всеми известными входами в подземный лабиринт...

Шерсть на белоснежном загривке искателя приключений опять приподнялась – хорошо, что эти жуткие подробности не были известны ему вчера, когда они с Пафнутием «разгуливали» по катакомбам. А то бы так и сидели в каком-нибудь сыром и мрачном уголке, сжавшись от страха и боясь шевельнуться!

– Впрочем, я бы с удовольствием составил вам компанию, – неожиданно размечтался пре-

подаватель истории. — Так хочется проверить версию о существовании секретного царского метро! В Александровском парке в течение нескольких лет, начиная с 1904 года, велись грандиозные земляные работы, по всему периметру охранявшиеся казаками. А ещё раньше, в 1896-м, запустили самую мощную по тем временам электростанцию и Царское Село стало первым полностью электрифицированным российским городом, что немало удивило местных жителей и породило предположения о тайных технических проектах. В частности, строительстве железной дороги в бывших подземных ходах.

Лина хмыкнула, представив мужа рыскающим под землей с горящими от воодушевления глазами вместо фонарика в сопровождении троих котов, собаки и грызуна, а Николай Павлович посмотрел на часы и со вздохом поднялся из-за стола: пора было менять аудиторию благодарных слушателей на учащих колледжа, гораздо менее увлечённых историей родного края.

Дальше день протекал как обычно, за исключением того, что Саша из-за подхваченной накануне простуды не пошёл в школу, вверенный заботам бабушки (чему он несказанно обрадовался).

Копаться на книжных полках в присутствии десятка любопытных глаз было бы крайне неразумно, и Брысь постарался извлечь максимальную пользу из визита Александры

Сергеевны, которая водила экскурсии по царскосельским дворцам, а значит – была знатоком интересующего бывшего Личного Кота предмета. В детской он запрыгнул на письменный стол и будто в рассеянности принялся вылизывать сладковатые на вкус глянцевые страницы фолианта, постепенно перелистнув их на чёрно-белую фотографию царского семейства. Фотография занимала целый разворот, и не заметить её не смог бы только слепой. Впрочем, как и его хитрой уловки, о чём незамедлительно сообщил Савельич:

– Хочешь побольше узнать о Николае Втором? Опять что-то задумал?

Сочинять оправдания не пришлось, потому что бабушка уже обратила внимание на знакомую книгу.

– Читаете о последних обитателях Александровского дворца? – полюбопытствовала она, усаживаясь в кресло и принимая Брыся в свои объятия. (Так уж повелось, что искателю приключений отводилось лучшее место во время её «лекций» – на коленях, а остальные располагались на Сашиной кровати, включая Мартина и красную утку. Хотя латексная птица относилась к бабушкиным рассказам без всякого интереса, с тех пор как лишилась голоса, а с ним – возможности пронзительно верещать в самые волнующие моменты повествования, когда пёс особенно сильно сдавливал ей горло.)

Александра Сергеевна погрузилась: зверскую расправу над императорской четой, юными царевнами, старшей из которых исполнилось всего двадцать два, а младшей — семнадцать, и наследником, тяжело больным мальчиком неполных четырнадцати лет, она считала одним из самых позорных пятен в российской истории.

— Однажды, когда государь прогуливался с дочерьми, мимо проезжала почтовая карета. Внезапно с неё свалился тяжёлый ящик. Николай Второй тут же сошёл с тротуара на мостовую, поднял его и подал служащему. А на вопрос, зачем он так беспокоился, ответил, что чем выше стоит человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения. Этому он учил и своих детей... — поведала Александра Сергеевна, как всегда радуясь заинтересованности, с какой внимали её рассказам любимый внук и его многочисленные питомцы.

Брысь обвёл друзей горделивым взглядом, словно хорошее воспитание членов императорской семьи было его личной заслугой, и снова не мигая уставился на Сашину бабушку, ожидая продолжения и надеясь получить от «источника информации» ценные сведения, которые пригодились бы в благородной спасательной миссии.

— Их высочества росли добрыми, скромными и бережливыми. Запросто играли с детьми

дворцового персонала; младшие донашивали одежду и обувь за старшими; спали на жёстких походных солдатских кроватях, как и сам государь; по утрам обливались холодной водой, а карманные деньги тратили на благие дела. Ольга, например, скопила на операцию для мальчика с больными ногами, которого видела несколько раз на улице на костылях. Когда началась Первая мировая война, старшие великие княжны – Ольга и Татьяна – закончили курсы медицинских сестёр и вместе с императрицей Александрой Фёдоровной до изнеможения трудились в госпитале.

– А я думал, царевны на балах танцевали! – удивился Саша.

– На балу танцевала только Ольга. И то лишь однажды, в день своего шестнадцатилетия...

Брысь заёрзал, придумывая, как направить беседу к подробностям ареста императорской семьи...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

В апреле 1896 г. была создана Комиссия, которая пришла к выводу, что с учётом предполагаемого увеличения нагрузки на электростанцию в Царском Селе лучше построить ещё одну и разделить дворцовых и городских потребителей. Новая станция заработала осенью 1897 года, автор проекта С. Данини.

Расстрел царской семьи и четверых членов свиты был осуществлён в полуподвальном помещении дома Ипатьева

в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года во исполнение постановления исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Царские дети:

Ольга Николаевна (после февраля 1917-го официально именовалась по фамилии Романова; 3 ноября 1895, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – великая княжна, первенец императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. После Февральской революции находилась под арестом и была расстреляна вместе с семьёй.

Татьяна Николаевна (29 мая (11 июня) 1897, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – великая княжна, вторая дочь императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. По воспоминаниям палачей, после расстрела из её муфты выпала собачка. Её добили штыком. Это была любимая бульдожка Татьяны – Ортино.

Мария Николаевна (14 (26) июня 1899, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – великая княжна, третья дочь императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. Долгое время считалась выжившей и даже периодически объявлялись Лжемарии, однако экспертиза ДНК, проведённая на месте найденных останков, опровергла эту легенду.

Анастасия Николаевна (5 (18) июня 1901, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – великая княжна, четвёртая дочь императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. По воспоминаниям палачей, расстреляна вместе со своей собачкой Джимми, которую держала на руках.

Алексей Николаевич (30 июля (12 августа) 1904, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – Наследник Цесаревич и Великий Князь, пятый ребёнок и единственный сын императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. В двухмесячном возрасте у цесаревича выявилось тяжёлое наследственное заболевание – гемофилия. По воспоминаниям палачей, самостоятельно спуститься в подвал дома

Ипатьевых не мог, его нёс на руках отец. Как и в случае с великой княжной Марией, он долго считался выжившим. Однако экспертиза ДНК подтвердила его гибель. Питомец Наследника – спаниель Джой – погиб вместе с хозяином.

Гемофилия – тяжёлое наследственное заболевание, связанное с нарушением коагуляции (процессом свёртывания крови). При этом заболевании возникают кровоизлияния в суставы, мышцы и внутренние органы, как спонтанные, так и в результате травмы или хирургического вмешательства. При гемофилии резко возрастает опасность гибели от кровоизлияния в мозг и другие жизненно важные органы, даже при незначительной травме. Заболевание появляется из-за изменения одного гена в хромосоме X. Гемофилия передаётся по женской линии, но болеют лишь лица мужского пола.

Глава 3

БРЫСЮ ПРИШЛОСЬ ВСПОМНИТЬ МУШКЕТЁРСКОЕ ПРОШЛОЕ

Александра Сергеевна поняла нетерпеливое ёрзанье кота по-своему, по-человечески, и принялась почёсывать его за ушком, мешая слушать. Брысь терпел, надеясь, что повествование рано или поздно дойдёт до нужного ему исторического отрезка. Лучше бы, конечно, пораньше, пока желание укусить надоевшую руку не оказалось сильнее вежливости! Однако Сашу как прорвало на вопросы, совершенно не относящиеся к делу, поэтому пришлось узнать:

– что младшую великую княжну Анастасию за бойкость характера прозвали «Швыбзиком»;

– что царевна Мария отличалась недюжинной силой и часто таскала на руках братика Алексея, когда тот не мог ходить из-за сильных болей;

– что Ольга отказалась выйти замуж за румынского принца, лишь бы не уезжать из России;

– что сёстры придумали для себя общее имя «ОТМА» (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия) и подписывали им письма родителям;

– что Мария и Анастасия обожали включать граммофон на полную мощность и скакать по кроватям;

– что царевич Алексей предпочитал простую солдатскую еду: щи, кашу и чёрный хлеб, да ещё ложку облизывал, нахваливая повара;

– что Наследник с раннего детства мужественно терпел невыносимые страдания, а любовью порез или ушиб мог стать для него смертельным;

– что он любил пускать мыльные пузыри;

– что все дети боготворили отца и называли Николая Второго «папа-душка»;

– что в последний путь отец нёс сына на руках, потому что из-за сильных болей тот не мог идти самостоятельно...

На этом месте рассказа бывший Придворный Кот не выдержал и, оцарапав Александру

Сергеевну (ненамеренно!), выскочил из комнаты, промчался по коридору на кухню и через минуту втискивался в форточку к Менделеевым.

Услышав знакомый шум, Пафнутий слез с колеса-тренажёра, на котором наматывал уже десятый круг, чтобы компенсировать калорийный завтрак, и пошёл встречать приятеля.

Руководитель неудавшейся кладоискательской экспедиции выглядел возбуждённым.

— Молочка? — спросил гостеприимный грызун.

— Давай! — согласился искатель приключений, хотя мысли его были заняты совсем другим напитком...

С этого дня количество бутылочек в обувной коробке, что хранила в себе сладкие эксперименты юного химика, стало неуклонно уменьшаться. Но поскольку законы физики никто не отменял, то, исчезая из квартиры Менделеевых, склянки не пропадали бесследно, а выстраивались под кроватью у Саши в похожей картонке, для чего Мартину пришлось предварительно вытащить из неё новые кроссовки Николая Павловича и зачихнуть башмаки в тумбочку в прихожей. (Обнаружив их там, Лина какое-то время ломала голову, когда успела выкинуть упаковку с чеком для обмена в случае возможных дефектов, но так и не вспомнила. Видимо, всё произошло машинально, потому что мозг был занят другими домашними делами, решила она.)

Прежде чем вручить компаньону первую бутылочку, Пафнутий (уверенный, что кот собрался в прошлое за «их» кладом) вытребовал обещание, что Брысь возьмёт его с собой, когда потрясающий собачий нюх обнаружит склянку с однажды испробованным волшебным составом. Правда, сам пёс в тот момент даже не догадывался об отведённой ему роли эксперта, поскольку продолжал слушать бабушкин рассказ.

Брысю ничего не оставалось, как, памятуя о мушкетёрском прошлом, дать грызуну «слово дворянина», то есть самую что ни на есть нерушимую клятву!

Вернувшись домой, серо-белый авантюрист надёжно спрятал пузырёк под кухонным шкафом и извлёк его оттуда поздней ночью, когда Саша, Лина и Николай Павлович крепко спали. Брысь надеялся, что Савельич с Рыжим тоже не притворяются и видят приятные сны, а вот Мартин был ему нужен, и, растолкав пса, он вызвал его в коридор для секретного разговора.

Однако не успели заговорщики уединиться, как их тет-а-тет нарушили приятели, недовольные таинственным поведением Брыся.

– Не думай, будто я не понимаю, что ты замышляешь! – сердито нахмурился Савельич.

– И я! – вставил Рыжий, не совсем уверенный в собственной правоте.

Мартин пока ничего не понимал, только чувствовал, что затевается нечто серьёзное. Пёс

обвел друзей пытливым взглядом и поставил точку в колебаниях Брыся.

– Один за всех, и все за одного! – торжественно напомнил он своим котам...

Глава 4

ДРУЗЬЯ ПРОЯВЛЯЮТ НАХОДЧИВОСТЬ И СИЛУ ВОЛИ

Рыжий с восторгом уставился на Мартина – как же здорово иметь собственную собаку! Да ещё такую умную! Почти как Савельич!

А Брысь загрустил, что не он произнёс славный мушкетёрский призыв. Кроме того, искателю приключений было стыдно, что он так мало доверял друзьям.

– Но ведь ты против вмешательства в историю! – в попытке оправдаться обратился он к философу.

Савельич тяжело вздохнул:

– Против! Но очень хочется помешать злодейству! К тому же, если всё получится, мы не слишком изменим дальнейший ход событий.

Брысь изумлённо взирал на приятеля, и даже Рыжий сильно удивился, хотя привык безоговорочно полагаться на суждения чёрного мудреца (правда, уже украшенного седыми шерстинками от солидного возраста, но зато

не такого тощего, как раньше, когда Савельич просвещал уток возле пруда в Летнем саду).

– Как ты пришёл к такому странному выводу? – осторожно спросил бывший Придворный Кот, боясь спугнуть удачу (с всезнающим Савельичем шансы на успех спасательной операции резко возрастали).

– Ну... мы поможем Николаю Второму и его семье не как августейшим персонам, а как частным лицам! – чуть сердито ответил философ, переживая, что собирается нарушить собственные принципы.

– Правильно! – вдруг радостно завопил Мартин, но тут же осёкся и продолжил шёпотом: – Ведь ещё до ареста Император отрёкся от престола и за себя, и за Наследника. И если бы ты дослушал бабушку и не убежал так стремительно, то знал бы это сам!

Рыжий переместился поближе к рассудительному псу, а тот с благодарностью покосился на восторженного поклонника.

– Надеюсь, ты не планировал снова залезать в вентиляционные трубы или прыгать в ливневые колодцы и у тебя есть разумная идея, как нам попасть в прошлое? – осведомился Савельич, намекая на нетерпеливость отважного друга.

Тут и настала очередь бутылочки: Брысь выколупнул её из-под шкафа и предложил Мартину определить ингредиенты заключённой в склянке жидкости. Пёс аккуратно хрустнул

крышечкой и опасно повёл большим влажным носом. (От напряжённого ожидания глаза Рыжего снова превратились в жёлто-зелёные блюдца с чёрными пятнами посередине.)

– Состав похож, но соотношение не то! – вынес вердикт Мартин, и все выдохнули. Оказалось, что во время работы «эксперта» никто не дышал.

Так заговорщики, сами того не подозревая, приступили к иллюстрации закона, прозванного физиками «принципом сохранения массы» и в общих чертах гласящего, что если в одном месте убудет, то в другом прибудет ровно столько же: пузырьки один за другим исчезали из квартиры Менделеевых и появлялись под Сашиной кроватью. Крышечки тоже не пропадали бесследно, а в виде пластмассовых осколков перемещались в мусорное ведро.

Запах валерьянки, поселившийся в детской, сначала свёл с ума котов, доведя их силу воли до необычайной крепости, а потом и Лину. Как заправский Шерлок Холмс, она пошла «по следу» и вытащила из укрытия картонную упаковку с чеком на кроссовки и склянками, которые тут же последовали, нет, не за осколками, а значительно дальше – сразу в контейнер, что стоял на улице возле подъезда (на первом Сашином этаже мусоропровод архитектором не предусматривался).

Инцидент имел последствия: Лина и Николай Павлович заподозрили сына в опасном,

на их непрофессиональный взгляд, увлечении и обвинили Вову Менделеева в дурном влиянии. Правда, больше в шутку, чем всерьёз, но покров секретности с операции по выявлению эликсира с подходящими свойствами был сдёрнут.

Юный химик и его закадычный друг теперь глаз не спускали с питомцев, для чего объелись мороженым и слегли по квартирам с ангиной. Хвостатым заговорщикам пришлось усилить конспирацию и изменить способ доставки бутылочек «эксперту». Поскольку совсем не спать ни Саша, ни Вовка не могли, как бы им ни хотелось стать свидетелями «сговора» крысюка с котами (Мартин остался вне подозрений), то Пафнутию всё же удавалось извлекать пузырьки из обувной коробки и передавать Брысю. Только отныне находчивый авантюрист складывал их под окном, а Мартин исследовал склянки во время утренней прогулки, пользуясь длиной поводка и доверием хозяев, которые не считали необходимым следить за каждым шагом преданного пса.

И вот однажды упорство было вознаграждено — очередная ёмкость пахла в точно-сти так, как и та, первая, переместившая всю компанию на страницы романа о мушкетёрах! Воспользовавшись природными данными, то есть вместительной пастью и обвислыми щеками, Мартин незаметно пронёс бутылочку в детскую, а Брысь тщательно закупорил горлышко бумажной салфеткой, чтобы ароматная волна не соблазнила кого-нибудь раньше времени.

Подготовка к спасению царской семьи вступила в решающую стадию...

Глава 5

У ПАФНУТИЯ ЕСТЬ ПОВОДЫ ДЛЯ ВОЛНЕНИЯ

У Пафнутия день не задался с утра. Начать с того, что Вовкина мама, которую он, впрочем, привык считать и своей тоже, почистила его сантехнический лоток с опилками. А ведь именно в них он закопал чёрную жемчужину – единственную свидетельницу былого богатства, которую любезно уступил ему разочарованный количеством сокровищ Брысь и которую он собирался преподнести семье в первый день летнего отпуска! И вряд ли стоило надеяться, что, прежде чем выкинуть содержимое в мусорный пакет, мама проверит его на наличие драгоценностей!

Другим существенным поводом для огорчения послужило отсутствие компаньона – он пропускал уже второй визит подряд, и Пафнутий мучился от разнообразных предположений, одно кошмарнее другого: серо-белый кот поскользнулся на мокром подоконнике (вчера шёл дождь), сорвался вниз и вдребезги разбился о каменную клумбу, где скоро проклюнутся

фиалки; или он поскользнулся, сорвался, но не разбился, а сломал лапу и лежит дома в гипсе; или поскользнулся, сорвался и решил больше не рисковать; или он уже глотнул эликсира, переместился в прошлое и теперь купается в роскоши...

Версиям не было конца, и помощник юного химика всё больше впадал в депрессию от мысли, что неумолимо приближающееся лето придётся провести не на палубе круизного лайнера, а на даче, где соседский кот ещё в прошлом году положил на него хитрый зелёный глаз. Конечно, можно сослаться на занятость и не поехать, но беда в том, что, кроме беготни по колесу, ему было решительно нечего делать и домашние об этом знали!

В общем, когда Пафнутий услышал знакомый шорох на кухне, он чуть не умер от счастья. (Если бы грызун мог предположить, в какую авантюру его втянет компаньон, то он бы согласился с известной истиной, что умереть от счастья не такая плохая перспектива. Гораздо лучше, чем лишиться жизни по какой-либо другой причине.)

Брысь, в свою очередь, с радостью оставил бы «тварь с интеллектом» дома, но данное им «слово дворянина» лишало свободы выбора, а потому накануне он признался друзьям, что в опасном приключении их будет сопровождать белобрысый питомец Вовы Менделеева, сразу прозванный Савельичем «никчёмным

балластом», только и умеющим, что падать в обморок в самые неподходящие моменты!

Окрылённый появлением полностью здорового приятеля, Пафнутий не догадывался не только о нелестных замечаниях в свой адрес, но даже о том, что станет частью большой компании. (Если бы знал, возможно, и сам отказался бы от участия в экспедиции. Тем более, как выяснилось позже, снаряжалась она вовсе не за сокровищами.)

— Не передумал? — с затаённой надеждой спросил Брысь, но сверкающие от восторга рубиновые бусины красноречиво свидетельствовали о готовности грызуна к путешествию во времени.

Пафнутий учёл опыт предыдущего «полёта» и вслед за компаньоном прыгнул сначала на подоконник второго, а затем и первого этажа. Правда, совершить последний прыжок наискосок, чтобы попасть в квартиру соседнего подъезда, у него не получилось, и пришлось перебираться по тонкому бордюру вдоль кирпичной стены. Но в конце концов «м.н.с.» благополучно достиг жилища Брыся и его сотоварищей, с которыми не виделся с того памятного дня, когда чуть не стал их обедом.

Теперь у него имелось могущественное покровительство «в лице» серо-белого кота и звание поставщика волшебного эликсира, что давало некоторые гарантии сохранности. Тем не менее чувствовал себя Пафнутий не очень

уверенно и хотел бы скорее оказаться вдали от хищно сощуренных кошачьих глаз и внушительной собачьей пасти.

Настроение окончательно испортила внезапная мысль, что он не уточнил у «руководителя» детали предстоящей экспедиции. Более того, «м.н.с.» лишь сейчас сообразил, что действие эликсира не распространяется на драгоценности! Пафнутий переводил встревоженный взгляд с одной усатой физиономии на другую, не решаясь встрять в беседу, которую вели питомцы Вовкиного друга и которая совершенно не проясняла ситуацию, а, наоборот, ещё больше всё запутывала!

— Итак, я перемещаюсь первым и отвлекаю внимание, а вы следом! — тоном, не допускающим возражений, заявил Брысь.

Однако Рыжий проявил неожиданное упрямство и не согласился:

— Почему ты первый? Пусть лучше Мартин! Он большой! От него они сразу убегут!

На столе лежала открытая книга, но вместо текста близкий к панике грызун увидел чёрно-белую фотографию: парк с дорожками и раскидистыми деревьями, припорошенными снегом; в отдалении — дом-дворец с колоннами; в центре снимка — объёмистый дуб с раздвоенным стволом; в развилке — мальчик, одетый на военный лад: в шинель и папаху. Рядом с ним расположился пёс с длинными кудрявыми ушами, а на снегу — тень того, кто фотографировал.

Это никак не походило ни на деревянный особняк, в подвале которого кладовскателей ждала секретная ниша с сокровищами, ни на окружающий его сад, какими их запомнил помощник юного химика. Но самое страшное притаилось под снимком — цифры, сложившиеся перед затуманенным взором Пафнутия в ужасную последовательность — «1917». То есть тот год, когда шла Первая мировая война, а страну сотрясли революции, поделившие мир Людей на «белых» и «красных».

Пафнутий беззвучно открывал рот, удивляясь, куда подевался его тонкий голосок, и с беспокоеством косился на знакомую бутылочку с тёмной вязкой жидкостью, заткнутую бумажной салфеткой и готовую к применению...

Глава 6

ПАФНУТИЮ ОЧЕНЬ СТЫДНО

С Гавельич наконец заметил попытки белобрисого грызуна вставить словечко.

— Что, ты хочешь быть первым?

Пафнутий отчаянно замотал головой, однако был понят с точностью до наоборот — видимо, от волнения перепутал язык жестов и вместо слева направо двигал мордочкой вверх-вниз!

— Ишь, какой смелый! — удивился философ, подумывая, не изменить ли своё мнение

о питомце Сашиного приятеля как о никчёмном балласте.

От обморока «младшего научного сотрудника» спас Брысь, который отмёл идею с засылкой крысюка в качестве отвлекающего манёвра ввиду его малых размеров и сливающейся со снегом окраски.

— А меня они могут перепутать с Васькой, котом великой княжны Ольги, так что больше шансов сохранить конспирацию! — выдвинул искатель приключений решающий аргумент.

Савельич перелистнул в книге о семье последнего российского императора несколько страниц и остановился на снимке с домашним любимцем старшей цесаревны. Тот действительно походил на их приятеля. Только если в Брысе серого и белого было поровну, то у Васьки преобладали тёмные тона, да и полоски на спинке заметнее выделялись, тогда как бывший Придворный Кот имел таковые лишь на хвосте. Брысь терпеливо ждал — он уже насмотрелся, запоминая внешность тех, с кем придётся вступать в непосредственный контакт. Всю ночь этому занятию посвятил!

— Ну что ж! — согласились чёрный с проседью Савельич и огненно-оранжевый Рыжий, слишком явно отличающиеся от Васьки. (Мартин так и не понял, почему забраковали его кандидатуру, — он, разумеется, не кот, но зато его внезапное появление гарантировало бы полную зачистку территории, необходимой для

перемещения! Наверное, Брысь некстати вспомнил его драку с овчаркой во время поисков Янтарной комнаты и решил, что он сцепится с этим, с кудрявыми ушами.)

Пафнутий, обрадованный, что не он первым отправится в неизвестность, сразу забыл, что хотел бы вообще отказаться от участия в экспедиции, цели и задачи которой оставались ему совершенно неясны. Видимо, голова у него и впрямь чересчур мала, чтобы помнить о нескольких вещах одновременно!

А потому, как только серо-белый покровитель лизнул эликсир и заснул крепким сном, что свидетельствовало о начале действия «перемещателя», Пафнутий тут же сунул розовый язычок в сладкую лужицу и свалился рядом с Брысем, лишь бы не оставаться наедине с гигантским псом и двумя недружелюбного вида котами, ошарашенными его неожиданным поступком.

— М-да! — только и произнёс Савельич, возвратив нелицеприятное мнение об умственных качествах грызуна.

* * *

— Фу! Брось! Плюнь! — раздались непонятно откуда взявшиеся человеческие голоса, хотя самих людей он не видел. Впрочем, оказалось, что у него просто закрыты глаза. Открыв их на мгновение, помощник юного химика тотчас снова зажмурился, потому что боялся высоты,

а он, несомненно, находился гораздо выше тех, кто требовал от него что-то выплюнуть.

Но оставаться в темноте, слыша крики и визгливый лай, судя по высокому тембру принадлежащий вовсе не Мартину, тоже было страсть как жутко. В довершение к вышеперечисленным неприятностям «младший научный сотрудник» чувствовал, что его конечно-сти болтаются в воздухе, но, как ни странно, он не падает. Видимо, переместился на дубовую ветку и зацепился шкировкой за сучок!

Здравым размышлениям мешала суэта внизу и необычное ощущение, что земля удаляется всё дальше, а значит, он удивительным образом поднимается всё выше! И когда Пафнунтий всерьёз задумался, не упасть ли ему в обморок, чтобы перестать слышать и соображать, а соответственно, и беспокоиться о творящихся вокруг непонятностях, к пронзительному лаю добавился низкий, звучный, могучий и... знакомый, который постепенно удалился вглубь парка. Призывы людей сменились на: «Джой, ко мне! Вернись!» Вероятно, их пёс помчался за «пришельцем», а следом отправились и обладатели голосов, потеряв интерес к белобрысому грызуну.

Можно было перевести дух и, приподняв веки на узкую щёлочку, оглядеться в поисках руководителя экспедиции, а заодно попытаться разгадать загадку своего «подвешенного состояния». Однако внезапно неведомые силы

повлекли Пафнутия вниз, заставив всё-таки лишиться чувств. Блаженное забытьё нарушил холод – он добрался сквозь короткую редкую шерстку до самых косточек и вернул к печальной действительности: «м.н.с.» лежал на снегу под раскидистым дубом, а над ним с озабоченными выражениями на мордах склонились питомцы Вовкиного друга, чтоб им пусто было!

Вслух Пафнутий, правда, сказал совсем другое:

– Привет! А я летал вверх-вниз! Наверное, что-то не то с этим эликсиром!

Брысь возмущённо фыркнул:

– Нужно было послушаться и бросить тебя, вот тогда бы ты точно полетал!

– Вообще-то, это он твою тушу в зубах таскал, чтобы тебя пёс не слопал, которому ты прямо под нос переместился. И вместо того, чтобы убегать и уводить собаку и Людей подальше от места нашей высадки, Ван Дейку пришлось спасать тебя – хватать за шкуру и забираться на дерево! – разъяснил отходчивый Рыжий, пока остальные продолжали дуться на «никчёмный балласт».

Пристыженный «м.н.с.» подавленно молчал, с ужасом осознавая, что его шикарные тёплые апартаменты остались в далёком будущем и он не вернётся туда ни к обеду, ни к ужину. А про отпуск на море вообще думать расхотелось, ведь именно из-за этой дурацкой мечты он так пострадал...

Глава 7

МАРТИН ЧУТЬ БЫЛО НЕ СПРАВИЛСЯ САМ

Мартин решил, что уже достаточно далеко увёл кудрявого пса и его хозяев от места высадки «спасательного десанта» и пора перестать убегать, чтобы чёрно-белый спаниель не счёл нарушителя территории трусом. Он резко затормозил и развернулся на сто восемьдесят градусов, встретив охрипшего от лая царского питомца могучей грудью.

Тот, кого звали Джой, тоже остановился и, оценив статью противника (в несколько раз превосходящую его собственную), задумался, вцепляться ли в неизвестного прямо сейчас или подождать подмогу. Оба тяжело пыхтели, окутывая друг друга клубами пара, и усердно размахивали хвостами, чтобы выпросить передышку и восстановить голос.

Мартину удалось сделать это первым и, не обученный дипломатии, он сразу выложил цель визита:

— Вам всем угрожает опасность! Нужно покинуть дворец и бежать за границу!

Джой оторопел.

— Немцы прорвали фронт?

— При чём тут немцы? Впрочем, не знаю,

может, и прорвали, – смутился «пришелец из будущего», жалея, что плохо владеет историей Отечества, а начитанные приятели, как назло, остались далеко позади. – Но вас очень скоро арестуют наши же и расстреляют!

Спаниель с облегчением выдохнул.

– А, так ты просто сумасшедший! Или бешеный? – вдруг испугался любимец Наследника престола и резво отскочил в сторону.

– Эх! – расстроился Мартин. – Да пойми ты, я и мои друзья: три кота и белый крыс, тот, правда, не мой друг, но это неважно, специально переместились из будущего, чтобы предупредить вас и спасти!

Пена вокруг пасти странного гиганта не пузырилась, а значит, о смертельной болезни речь не шла, и Джой почти успокоился, вспомнив правила поведения при встрече с умалишёнными: ни в чём не перечить, разговаривать ласково, голоса не повышать.

– Ну и славно! – дружелюбно закивал он. – Считай, что уже предупредили и мы примем необходимые меры!

Мартин обрадовался – оказывается, он и сам лихо справился с миссией и не обязательно было являться в прошлое такой большой компанией! Ведь неизвестно, когда закончится действие эликсира, а найти жильё и пропитание для пятерых гораздо сложнее, чем для одного!

А перед глазами Джоя внезапно мелькнула почти забытая за время преследования

картинка – белобрысый грызун, возникший будто из воздуха, и кот (которого он сначала перепутал с Васькой), схвативший этого самого грызуна и взлетевший с ним на дерево. Месье Пьер, воспитатель его любимого Алёши, и «дядька» Андрей, который раньше служил на императорской яхте «Штандарт», а последние одиннадцать лет присматривал за цесаревичем и носил мальчика на руках, когда тот не мог самостоятельно передвигаться, тоже приняли серо-белого котяру за питомца великой княжны Ольги и испугались, что он слопает крысу и, чего доброго, отравится!

– Говоришь, ты тут с друзьями? – задумчиво произнёс спаниель, гадая, могут ли сразу несколько безумцев оказаться в одном месте в одно время, да ещё так, чтобы он не почуял их запаха заранее. А ведь он, между прочим, не какая-нибудь дворняга, вроде этого чужака, а породистый охотничий пёс!

– Что ты там бормотал про опасность? – августейший питомец решил на всякий случай разузнать подробности.

Мартин понял, что поторопился с радостными выводами, поскольку всех деталей он не знал, а дотошный спаниель, кажется, не очень поверил в его историю. Пришелец из будущего с тоской прислушался, далеко ли коты, однако призывы людей, обращённые к Джою, заглушали прочие звуки.

– Тут такое дело, – проямлил он, – ты

своих уведи, а потом возвращайся к дубу, там всё и обсудим!

Кудрявый любимец его высочества ещё раз внимательно всмотрелся в честные и вроде бы вполне разумные глаза статного незнакомца дворовой породы и пообещал, что непременно придёт и даже приведёт с собой Котьку или Ваську.

– Или обоих, – добавил он, немного подумав.

– А им можно доверять? – проявил бдительность Мартин.

– Вполне! Хотя они всего-навсего коты, но тоже преданы Семье!

В глубине души оба ликовали, что ответственность за исход благородной миссии можно переложить со своих плеч на кошачьи (фигурально выражаясь, поскольку ни у собак, ни у котов нет плечевых суставов и псам это было хорошо известно).

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Первая мировая война (28 июля 1914 – 11 ноября 1918) – один из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества. Поводом к войне послужило убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда в городе Сараево 28 июня 1914 года 19-летним сербским террористом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом, членом террористической организации «Млада Босна», борющейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство. В результате войны прекратили своё существование сразу четыре империи: Российская,

Австро-Венгерская, Османская и Германская (хотя возникшая вместо кайзеровской Германии Веймарская республика формально продолжала именоваться Германской империей). Страны-участницы потеряли убитыми более 10 млн солдат и около 12 млн мирных жителей, около 55 млн человек были ранены. Противниками в войне являлись, с одной стороны, Четверной союз (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария), с другой – Антанта (Россия, Франция, Великобритания). Союзниками Антанты также являлись: США, Япония, Сербия, Италия (с 1915), Черногория, Бельгия, Египет, Португалия, Румыния, Греция, Бразилия, Китай, Куба, Никарагуа, Сиам, Гаити, Либерия, Панама, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Боливия, Доминиканская республика, Перу, Уругвай, Эквадор.

Глава 8

ЗНАКОМСТВО

Замёрзшего Пафнутия пробирала дрожь, а зубы от холода и страха клацали так громко, что несчастный «м.н.с.» не знал, куда себя деть от стыда и осуждающих взглядов строгих кошачьих глаз. Наконец Брысь и Рыжий сжалились над горемыкой и накрыли его хвостами.

Едва проблема «как бы согреться?» отпала, мозг грызуна немедленно переключился на другую – «где бы поесть?». Однако решение этой насущной задачи пришлось отложить, так как на горизонте замаячили три фигуры, одна из которых принадлежала кудрявому псу с фотографии, а две – незнакомым котам, и Пафнутия снова потянуло в обморок.

Мартин, предупредивший приятелей о назначенной встрече, как флажком размахивал белой кисточкой на хвосте, приветствуя царских питомцев.

Пришельцы из будущего заготовили объяснительную речь, но всё равно волновались, ведь от того, поверят им или нет, зависело столько жизней! Беседовать с августейшими персонами вызвался Брысь. Впрочем, его друзья именно на это и рассчитывали, так как больше никто не имел опыта в придворном этикете.

Делегацию представителей семьи Романовых возглавлял большой серо-белый кот (чему никто из «команды Брыся» не удивился, порадовавшись, что и у них есть такой же). Шею любимца старшей великой княжны украшало изделие, инкрустированное полудрагоценными камнями. Ошейники остальных выглядели не менее роскошно.

— Наверное, от Фаберже, царского ювелира, — шёпотом предположил Савельич.

Брысь потянулся лапой к своему знаку отличия, пусть и не такому шикарному, но зато выполненному руками немецкой принцессы, между прочим, прабабушки венценосных хозяев Джоя, Котьки и Васьки, но потом вспомнил, что его золотистая «верёвочка» осталась на письменном столе в кирпичной девятиэтажке, архитектор которой ещё даже не родился.

Бывший Личный Кот церемонно поклонился и с гордостью назвал звучное прозвище (давно и прочно забыв, что его царственный друг знал своего питомца под кличкой Баюн, выдуманной строителями, которые восстанавливали Зимний дворец после устроенного им пожара, и уж тем более выкинув из памяти ту, какой обзавёлся на улицах Петербурга и какой продолжали величать его приятели, когда он их не слышал, — Брысь):

— Разрешите представиться, Ван Дейк!

Как он и ожидал, красивое имя произвело эффект и сбило вальяжность с любимца великой княжны Ольги, поскольку тому пришлось, смущаясь и запинаясь, пробормотать:

— Васька... Василий... Василий Ольгович...

Окончательно сконфузившись, предводитель делегации замолчал.

Тот, кого звали Котька, рыжеватый и пушистый (но не такой лохматый, как Рыжий) вообще постеснялся представиться, прячась за спину Джоя, который из-за своих небольших размеров, тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

«Всё ясно!» — подумал Брысь, ещё не решив, огорчаться или радоваться, что руководящая роль, а с ней и ответственность за успех, ложатся, судя по всему, опять только на него.

— Для начала позвольте полюбопытствовать, какое на календаре число, — задал он вопрос, повергнувший августейших особ в

ступор (хотя Джой и предупреждал своих приятелей-котов о необычности незнакомцев, забравшихся на территорию Александровского парка).

– Февраль одна тысяча девятьсот семнадцатого, – неуверенно молвил Васька, которому никогда не приходило в голову интересоваться датой наступившего дня.

– Вот вам первое задание – узнать поточнее! – распорядился Брысь, и представители венценосной семьи безоговорочно выпустили бразды правления и передали их в лапы чужака.

– Кто ещё в команде? – продолжил «переговоры», больше смахивающие на допрос, бывший царедворец.

– Ортино и Джимми, – поспешил с ответом кудрявый спаниель.

– Одна – французская бульдожка, а другой – неизвестной породы? – уточнил Брысь, вспоминая фотографии.

– Почему неизвестной? – хором удивились царские питомцы. – Джимми – кинг-чарльз спаниель, то есть английских королевских кровей.

– Лучше бы его королевская кровь не в название ушла, а в рост! – укоризненно заявил руководитель миссии, с сожалением констатируя, что «никчёмного балласта» прибавилось, а вот сила и мускулы как были, так и остались только у Мартина.

– Кто из Семьи сейчас во Дворце? – прозвучал следующий вопрос «пришельца».

– Цесаревич Алексей, а также их высочества Мария и Анастасия, – решился подать голос рыжеватый Котька. – Александра Фёдоровна и старшие княжны в лазарете. Государь вчера отбыл в Ставку, в Могилёв.

Брысь обернулся к Савельичу:

– Что такое «Ставка»?

– Наверное, Главный Штаб, – предположил философ, – война-то в разгаре!

– Мы принесли известия, не совсем вам понятные или, скорее, совсем непонятные, так что желательно подкрепиться! – произнёс в заключение первого раунда переговоров предводитель спасательной операции, и его слова прозвучали музыкой для пришедшего в сознание Пафнутия...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Петер Карл Густавович Фаберже (18 (30) мая 1846, Санкт-Петербург – 24 сентября 1920, Лозанна) – известный ювелир. Глава семейной фирмы и династии мастеров ювелирного искусства. Является создателем яиц Фаберже, которые высоко ценятся у коллекционеров всего мира.

Ставка Верховного Главнокомандующего (СВГ, Ставка) – орган высшего полевого управления войсками (силами) и местопребывания Верховного главнокомандующего вооружёнными силами России (действующей армией и флотом) на театре военно-полевых действий во время Первой мировой войны. С начала войны находилась в Барановичах, с 8 (21) августа 1915 года – в Могилёве, затем – в Орле. 16 марта 1918 г. Ставка была ликвидирована.

Глава 9

КОВАРНЫЕ ДАТЫ

Августейшие питомцы не меньше Пафнутия обрадовались предложению подкрепиться, поскольку неожиданный визит таинственных незнакомцев и странные их речи сильно отразились на аппетите, увеличив его как минимум вдвое против обычного. Они принялись совещаться, не вызовет ли появление такой большой толпы на дворцовой кухне нежелательных пересудов. Особенно переживая за внушительных размеров пса, который своим грозным видом мог запросто распугать всю челядь.

Поняв причину беспокойства царских любимцев, Брысь великодушно разрешил принести угощение в парк (развилка в стволе дуба прекрасно заменила бы непривередливым путешественникам во времени обеденный стол).

– Не забудьте узнать, какой нынче день! Это очень важно! – напомнил руководитель миссии кинувшимся исполнять поручения питомцам их высочеств.

Спустя полчаса они появились вновь, таща в зубах всё, что удалось стянуть (ну почти всё): солидный кусок мяса, ломтик чёрного хлеба для грызуна (поступок, какой всего час назад и представить было невозможно!)

и шматок ветчины. Легче всего пришлось Котьке, потому что именно ему выпало нести мучное изделие; Джой и Васька изошли слюной, пока не вручили аппетитные дары необычным чужакам.

Пафнутий жевал свой бесхитростный обед, блаженно прикрыв веки и стараясь не думать «вперёд», чтобы сохранить здравый рассудок. Однако совсем не прислушиваться к обсуждению непонятной миссии не получалось, и чем больше он узнавал, тем глубже в его маленькое тельце проникал холодный липкий страх.

— Что там насчёт числа? — насытившись, приступил Брысь к исполнению обязанностей предводителя.

— Двадцать третье февраля! — с готовностью доложил Васька, который специально сбегал в комнату старших царевен и посмотрел на перекидной календарь на столе. (Ортино, как всегда, спала на кровати Татьяны, оглашая храпом небольшую уютную девичью светёлку. Бульдожка с трудом разлепила сонные веки, но даже не успела поинтересоваться у приятеля, зачем он разбудил её шумом, поскольку Васька умчался так же стремительно, как и появился.)

— Значит, до начала беспорядков в Петербурге...

— Петрограде, — не удержался и поправил Пафнутий, вспомнив свой «визит» в прошлое, и тут же сжался под суровыми взглядами.

– ...осталось всего две недели! – озабоченно закончил Брысь (на заучивание важных для миссии дат он потратил ночью не меньше десяти минут, проверяя и перепроверяя память, чтобы не ошибиться в ответственный момент и не поставить выполнение плана под угрозу).

Таинственные «беспорядки», а ещё больше – обеспокоенный тон серо-белого кота, повергли августейших особ в сильнейший шок.

– Стоп! – вдруг громко воскликнул Савельич, так что все вздрогнули. – Здесь пока другое летосчисление!

Встревоженные взгляды тут же переместились на философа.

– И что это значит? – предчувствуя неприятности, спросил Брысь.

– До конца января 1918 года даты определялись в России по Юлианскому календарю, принятому Юлием Цезарем ещё в 45 году нашей эры! Но тот календарь был не совсем точным и постепенно, за столетия, накопились существенные отличия от астрономического времени, поэтому в 1582 году римский папа Григорий XIII ввёл другой, получивший название Грегорианского, разница между ними составила 10 суток, а потом увеличилась до 13! – оседлал Савельич любимого конька, с удовольствием делясь с «недорослями» накопленными за долгую жизнь знаниями.

– Как можно изменить летосчисление? – усомнился Джой (Васька и Котька постеснялись

выказать любопытство, унижающее, по их мнению, достоинство венценосных котов, а вот собакам задавать подобные вопросы Дворцовым этикетом не возбранялось!).

– Указом! Например, большевики приняли Постановление считать следующим днём после 31 января 1918 года – 14 февраля и сравняться с Европой!

Августейшие питомцы так растерялись, когда пожилой чёрный кот принялся рассуждать о будущем как о давно минувшем, что даже не уточнили, кто такие «большевики» и почему именно они взяли на себя командование страной.

– Как же пересчитать? – расстроился Брысь, ругая себя за то, что не обращал внимания на числа, заключённые в скобки, которые в книге про Николая Второго встречались после каждой приведённой даты.

– Прибавить тринадцать! – пискнул Пафнутий и чуть не лишился чувств от собственной отваги.

Савельич опять строго покосился на «никчёмный балласт» и покачал головой:

– Не всё так просто! Нужно помнить, сколько дней в каждом конкретном месяце и не високосный ли год!

Он зажмурился и принялся шевелить губами, занявшись сложными вычислениями.

Мартин напряг слух – ему хотелось разобрать, что бормочет философ.

– Так, 1917 на четыре не делится – значит, год обычный и в феврале 28 суток. Сегодня 23-е, остаётся пять до конца плюс ещё восемь...

Савельич внезапно распахнул зелёные глаза:

– Получается, что сегодня восьмое марта и первая революция началась!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Санкт-Петербург именовался Петроградом в период с 18 (31) августа 1914 до 26 января 1924 г. и Ленинградом в период с 26 января 1924 года до 16 мая 1992 года.

Большевики – левозкстремистское крыло Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) после её раскола на фракции «большевиков» и «меньшевиков». Название «большевики» появилось после II съезда РСДРП как группы, получившей большинство при выборах ЦК. С 1910 года большевики имели фракцию в Думе совместно с меньшевиками. Окончательно выделились в отдельную партию – РСДРП (б) – весной 1917-го, а меньшевики сохранили название РСДРП.

Глава 10

ЦАРСКИМ ПИТОМЦАМ ОТКРЫВАЮТ ЗЛОВЕЩУЮ ПРАВДУ

Взбудораженные смятением незнакомцев, царские любимцы ещё больше занервничали, не представляя, чего ждать от непонятного грозного слова «революция».

– Ничего хорошего! – без труда прочитал их мысли бывший царедворец. – Через неделю Николая Второго заставят отречься от престола!

– Императорскую чету обвинят в измене Отечеству и арестуют всех домочадцев! – перебил руководителя миссии Рыжий (видимо, сытый желудок положительно сказался на его обычной стеснительности).

– Государя и Государыню?! – потрясённо молвили августейшие питомцы. – В измене Родине?! Но они всей душой любят Россию!

Савельич, основательно изучивший материалы следствия по «делу Романовых», подтвердил:

– Дознаватели придут к выводу, что никакой измены не было, но, увы, это не спасёт династию от краха, а царскую семью от расстрела.

– Но почему не вмешались преданные присяге войска, друзья, слуги, заграничная родня, наконец?!

Разгорячившийся Васька принялся перечислять самодержцев, у которых семья могла бы найти приют, однако начитанный философ опровергал все предположения, пока августейшие родственники не кончились.

– В Испанию? – вопрошал Василий Ольгович.

– Испанский королевский двор выкажет сочувствие, но откажется пригласить к себе, – качал умной головой Савельич.

– Во Францию? – загибал когти питомец старшей великой княжны.

– Увы!

– В Данию, к двоюродному брату Государя Христиану Первому?

– Не примет.

– К его кузену Константину Первому в Грецию?

Опять отрицательный ответ.

– В Англию, к королю Георгу?

Угрюмое молчание философа положило конец бессмысленным поискам кандидатур на звание «добрых самаритян».

Царские питомцы опять загрустили, узнав о вероломстве тех, кто регулярно присылал подарки на Рождество.

– Но почему? За что?!

Брысь сочувственно вздохнул:

– Возможно, им не нравились порядки, заведённые в семье Николая Второго...

– Хорошие у нас порядки! – дружно встали на защиту любимых хозяев Джой, Васька и Котька. – Вот познакомьтесь с ними – сами увидите! И потом... Государя народ любит за простоту и душевность!

Савельич саркастически усмехнулся, а Рыжий, словно припоминая личный опыт «охранника» Эрмитажа, заметил:

– Если кот добрый, мыши наглеют...

– А если добрый пёс, то наглеют коты, – туманно высказался Мартин и потупился под

недоуменными взглядами обернувшихся на него приятелей.

– Такова печальная историческая действительность, – резюмировал Брысь и ободряюще произнёс: – Но мы явились в прошлое вовсе не за тем, чтобы горевать, а чтобы помешать свершиться злу!

Приунывшие августейшие питомцы с надеждой уставились на руководителя миссии, а Мартин скептически посмотрел на длинные уши спаниеля, свисающие чуть не до земли, и не удержался от вопроса:

– Тебе хорошо слышно?

Джой скосил глаза на свои кудряшки, потом перевёл их на большие «треугольники» могучего пса, которыми тот легко манипулировал, то ставя торчком, то непринуждённо сгибая кончики, и честно признался:

– Не знаю, не задумывался.

– А у нас во дворе представителям вашей породы уши прищепкой сцепляют, особенно по весенней грязи, чтобы не пачкались!

– Правда?! – изумился любимец Наследника престола и вообразил себя с незамысловатым деревянным украшением, которое прачки использовали для сушки белья. Впрочем, царский ювелир Фаберже мог бы инкрустировать его красивыми камешками...

Коты осуждающе посмотрели на болтунов, и те поспешно умолкли, а Пафнутий разочарованно вздохнул – слушать мирную беседу о

собачьей моде было куда приятнее и безопаснее для его хрупкой нервной системы, чем то, о чём вещал Брысь.

– Наша задача – убедить императорскую чету покинуть Царское Село и, пока не поздно, уехать в какую-нибудь страну, где они смогут вести простую человеческую жизнь! – продолжал тем временем предводитель.

Васька нарушил дворцовый этикет, по-простецки почесав себя за ухом, – он представил, как тащит хозяйку, великую княжну Ольгу, за подол длинной юбки в направлении границы...

– Хм... Вы владеете какими-то особыми методами убеждения Людей? – с надеждой заинтересовался он у пришельцев из далёкого будущего...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Для расследования так называемого дела о государственной измене Николая Александровича Романова и его супруги Александры Фёдоровны (статья 108 Уголовного Уложения) в марте 1917-го была создана Чрезвычайная Следственная Комиссия. Дело вёл следователь Руднев, однако состава преступления в действиях последней императорской четы не нашёл, о чём поставил в известность министра юстиции Временного правительства Керенского А.Ф.

На момент отречения Николая Второго от престола 2 (15) марта 1917г. один его двоюродный брат являлся английским королём (Георг V), другой – королём Греции (Константин I), а третий – королём Дании (Христиан X). Его кузены и кузины, племянники и племянницы, дяди и тётки носили самые высокородные титулы чуть ли не во всех европейских странах,

занимали видные места в общественной жизни своих государств. И самые влиятельные, наиболее именитые отреклись от поверженного русского родственника, а затем многие стремились предать забвению эту родственную связь.

Интересный факт: Николай II и Георг V были похожи как близнецы и часто разыгрывали родственников.

Глава 11

ПЛАН СПАСЕНИЯ ПО БРЫСЮ

Все взгляды устремились на руководителя миссии, и Пафнутий мысленно потёр крошечные лапки, довольный, что не только он не осведомлён о деталях предстоящей операции.

Однако вместо подробного инструктажа, на который рассчитывали «соратники», Брысь задал царским питомцам неожиданный вопрос:

— Как думаете, ваши хозяева очень к вам привязаны?

Джой, Котька и Васька, перебивая друг друга, принялись горячо убеждать пришельцев в безграничной любви их высочеств и в том, что они тоже ни дня не смогут прожить без обожаемых августейших отпрысков.

— Тем не менее вам придётся расстаться! — сурово заявил предводитель и поспешно добавил, увидев, как новые друзья принялись судорожно разевать рты и хватать морозный воздух: — В интересах дела!

Умный Савельич первым сообразил, что замыслил предприимчивый искатель приключений.

– Ты хочешь их похитить! – одобительно кивнул философ.

– Наследника и Великих княжон? – вскричали в изумлении царские питомцы.

Брысь нахмурился, разочарованный несообразительностью «подчинённых».

– Не их, а вас! К тому же не всех и понарошку, поскольку вы спрячетесь добровольно!

– Но что это нам даст? – старательно наморщили лбы «жертвы» запланированного коварства.

– Джой, как охотничий пёс, возглавит «поиски», и с нашей помощью, – тут Брысь оглянулся на могучего Мартина, – вся семья соберётся в одном месте, откуда во Дворец уже не вернётся!

– Но тут столько народу, что нас быстро обнаружат даже в этом огромном парке!

– Должен вас огорчить! Как только Николай Второй отречётся от престола, а Временное Правительство объявит об отмене самодержавия и аресте императорской семьи, слуги разбегутся, а те, кого вы считали верными друзьями, изменят! – в голосе Мартина звучало презрительное осуждение (пёс ставил преданность выше прочих достоинств, а потому этот пункт в рассказе бабушки Александры Сергеевны особенно его потряс).

– Все-все?! Не может быть! – воскликнули поражённые августейшие любимцы – они ещё не успели привыкнуть к мысли о предательстве заграничной родни, а тут очередной удар!

Савельич поспешил немного успокоить царских питомцев:

– Останутся несколько человек, для которых совесть и честь не пустой звук!

Васька, Котька и Джой с уважением уставились на философа – так витиевато они выражаться не умели, хотя и вращались в самых высших кругах!

– Но если наших хозяев посадят под арест, разве их не будут охранять? – заволновался Джой.

– Будут! – сурово откликнулся Брысь.

Руководитель миссии вообще очень по-серьёзней – план, который в тепле и уюте Сашиной детской казался вполне выполнимым, теперь, среди чёрных стволов и голых ветвей, раскачивающихся на февральском (или мартовском) пронизывающем ветру, перед взорами безоговорочно доверяющих его смекалке старых и новых друзей, стал не то чтобы выглядеть фантастическим, но чрезвычайно сложно осуществимым.

– И преследовать будут, так что помимо хитрости нам понадобятся зубы и когти! – мрачно продолжил бывший Придворный Кот.

Котька с горьким сожалением взглянул на свои лапы:

– А мне их регулярно стригут, чтобы я случайно не оцарапал Алёшу! У него тяжёлое заболевание – гемофилия, и любая, даже маленькая, травма может привести к непоправимому горю!

Джоя, помимо слабого здоровья юного хозяина и предстоящих кровопролитных схваток, волновали крошечные питомцы великих княжон – Ортино и Джимми, не способные ни быстро передвигаться, ни, тем более, встать на защиту девушек.

– Я же говорю – никчёмный балласт! – сердито ввернул Савельич и поискал глазами белобрюсого грызуна, которого тоже непонятно было, как использовать в спасательной операции.

Пафнутий, прекрасно устроившийся под пушистым хвостом Рыжего, на всякий случай зарылся глубже в мех. Лично он готов был хоть сейчас отправиться знакомой дорогой за кладом и подождать компаньона в подвале особняка, чтобы не мешаться во время грядущих бурных событий под ногами и лапами! Однако Брысь не дал его мечтам свершиться, заявив, что в придуманном им «спектакле» каждому найдётся достойная роль. И сознание несчастного любителя сокровищ опять затуманилось...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Четверо царских слуг приняли мученическую смерть вместе с государем и его семьёй и канонизированы Русской Православной Церковью:

лейб-медик Боткин Евгений Сергеевич;
комнатная девушка императрицы Демидова Анна Степановна;
камердинер императора Трупп Алоизий Егорович;
повар Харитонов Иван Михайлович.

На самом деле преданных людей было гораздо больше, но многие погибли за царскую семью ранее, другие были насильно изгнаны из мест, где содержалась под охраной семья Николая Второго.

Глава 12

ЗЛОЙ РОК

Пока пришельцы из будущего и преданные любимым хозяевам августейшие питомцы обсуждали грандиозный план спасения царской семьи (все, кроме Пафнутия, который, услышав, что и ему отведена «достойная» роль, благополучно лишился чувств и отлёживался под тёплым хвостом Рыжего), коварная судьба уже готовила козни, собираясь помешать благородным намерениям хвостатых смельчаков.

Вернее сказать, злой рок не делал ничего, что не было бы уже известно историкам, но отважные друзья полагались на весьма поверхностные сведения, вычитанные в добытом на книжной полке фолианте, и на рассказ Александры Сергеевны, в который она, при всём желании, не смогла бы вместить все подробности жизни коронованных особ.

А между тем именно от знания мелких деталей и зависит часто успех задуманного, грозя в противном случае обернуться неудачей...

К вечеру того самого дня, 23 февраля по старому стилю, у юного Наследника и великих княжон Ольги, Татьяны и Анастасии подскочила температура и семейный доктор Боткин Евгений Сергеевич поставил неприятный диагноз — корь.

Встревоженная императрица, снова переодевшись в облачение сестры милосердия, которое уже успела снять после дежурства в госпитале, заступила на вахту у постелей больных (к их числу добавилась и ближайшая подруга, фрейлина Анна Вырубова).

Из Петрограда пришли противоречивые вести о волнениях среди населения и солдат, отчего сердце Александры Фёдоровны сжалось в невыразимой тревоге за любимого Нику, как величали императора в «ближнем» кругу.

Беспокойство давило на грудь, а усталость — на глаза, и встретившийся ей возле комнаты Бэби его рыжий любимец Котька показался более лохматым, чем обычно, а Васька, мелькнувший в конце коридора, и вовсе будто почернел.

Рядом с кроватью цесаревича клевал носом «дядька», Деревенько Андрей Еремеевич. Услышав шаги государыни, он хотел вскочить, но Александра Фёдоровна остановила его жестом, мельком отметив про себя, как растолстел за последние годы бывший матрос «Штандарта», одиннадцать лет назад приставленный

к Наследнику, обласканный за преданную службу и искреннюю любовь к подопечному безграничным доверием, деньгами и наградами; его трое сыновей стали крестниками императора и императрицы и товарищами Алексея по детским играм.

Александра Фёдоровна потрогала горячий лоб мальчика, поменяла охлаждающий компресс и ласково коснулась плеча верного слуги.

— Ступай, Андрюша, прикорни. Я посижу.

В ногах юного хозяина, избалованный, как и все дворцовые любимцы, лежал спаниель Джой. Он глухо зарычал вслед коренастому усатому толстяку.

Императрица и дядька цесаревича удивились.

— Ты что, Джоюшка?

Андрей Еремеевич не поленился вернуться, чтобы погладить пса и напомнить о связывающей их дружбе, но тот отстранился от потянувшейся к нему руки и выразительно лязгнул зубами.

Бывший матрос дёрнулся в испуге и, пробормотав: «Что-то непонятное творится сегодня с псиной!», поспешил удалиться.

Александра Фёдоровна укоризненно покачала головой и подёргала спаниеля за кудрявое ухо:

— Ай-яй-яй, как нехорошо! Плохая собачка!

Чтобы доказать несправедливость обвинений, Джой завилал хвостом и лизнул нежную ручку государыни. Из складок одеяла тут же

высунулась рыжая пушистая лапа и схватила пса за дёргающийся хвост.

– Котька, ты когда успел сюда прошмыгнуть, так что я и не заметила? – шёпотом спросила Александра Фёдоровна, получив в качестве ответа усыпляющую кошачью руладу.

В приглушённом свете настольной лампы императрица взгляделась в заострившиеся от болезни черты обожаемого Бэби, её мужественного мальчика, никогда не роптавшего на судьбу. Даже в самые страшные часы, когда худенькое тельце ломала жесточайшая боль, маленький страдалец повторял лишь одно, неустанно и терпеливо: «Господи, помилуй!»

Каждый день на протяжении тринадцати с половиной лет она жила в постоянном страхе потерять долгожданного сына. Этот страх вынуждал её, сторонницу строгого воспитания, быть к Бэби снисходительней и ласковей, чем к дочерям. И если он двадцать раз на дню прибегал к ней за поцелуем, отрывая от важных дел, она сразу начинала ждать двадцать первый, лишь бы он был, ещё один поцелуй...

Александра Фёдоровна тяжело опустилась на колени перед образами (у неё болели ноги) и принялась горячо молиться...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Боткин Евгений Сергеевич (27 мая (8 июня) 1865, Царское Село - 17 июля 1918, Екатеринбург) - русский врач,

лейб-медик семьи Николая II, дворянин. Сохранил преданность царской семье и уехал с ними в ссылку. Расстрелян большевиками вместе с царской семьей.

Корь – острое инфекционное заболевание с высоким уровнем восприимчивости, которое характеризуется высокой температурой, воспалением слизистых оболочек полости рта и верхних дыхательных путей, конъюнктивитом и характерной пятнисто-папулезной сыпью кожных покровов, общей интоксикацией.

Вырубова Анна Александровна (урождённая Танеева, 16 июля 1884 года, Санкт-Петербург – 20 июля 1964 г., Хельсинки, Финляндия) – фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Фёдоровны, мемуаристка.

Деревенько Андрей Еремеевич – кондуктор гвардейского экипажа, проходил службу на императорской яхте «Штандарт», дядька цесаревича Алексея Николаевича. Под влиянием событий Февральской революции резко изменил своё отношение к подопечному и вскоре ушёл из Александровского дворца вместе с матросами Гвардейского экипажа.

Глава 13

ПАФНУТИЮ ДОСТАЁТСЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Однако злополучный вечер ещё не наступил, и участники спасательной операции с энтузиазмом заучивали распределённые их предводителем роли, главная из которых отводилась... Пафнутию. Да-да! И это, несомненно, требует объяснений!

Дело в том, что выводить семью бывшего царя с территории Александровского парка Брысь планировал через обнаруженные кладоискателями подземные туннели, но, как оказалось, никто из обладателей ошейников от Фаберже не знал об их существовании! (Что, вполне возможно, объяснялось не столько секретностью «объекта», сколько изнеженностью дворцовых любимцев, которые выходили на свежий воздух только в сопровождении их высочеств, а те предпочитали гулять по живописным парковым дорожкам, а не лазать в темноте недостроенных бетонных сооружений!)

Джой, бывало, выезжал за пределы Царского Села, когда сопровождал юного хозяина на фронт (Николай Второй считал, что будущий император и Верховный Главнокомандующий должен видеть ужасы сражений собственными глазами, чтобы с почтением относиться к воинам, особенно рядовым, и часто брал Наследника с собой), но и он не догадывался, что путешествовать можно не только по земле – на поезде или в автомобиле (спаниель смешно называл его мотором).

Единственный известный августейшим питомцам туннель протянулся от Кухонного корпуса до Дворца, по нему доставлялись продукты в кухни и буфеты, расположенные в подвалах, чтобы готовить блюда, которые следовало подавать горячими.

При упоминании о подвалах Пафнутий тут же пришёл в себя, а колотящееся со скоростью 400 ударов в минуту сердце забилося ещё быстрее: если удалось обнаружить сокровища под обычным особняком, то сколько же их скрывается под царским дворцом?! Хватило бы не только на морской круиз, но даже на целый лайнер, где он стал бы капитаном, а серо-белый кот, так и быть, его первым помощником! И для остальных нашлись бы должности: из Мартина вышел бы неплохой боцман, из всезнайки Савельича — штурман, Рыжий возглавил бы камбуз, а новенькие... Ну, матросы кораблю тоже нужны! Достоинства Ортино и Джимми оставались пока секретом, но если пёсики действительно такие крошечные, как говорят, то лучше их оставить на берегу, чтобы не путались под швабрами, которыми Котька, Васька и Джой будут драить палубы!

Пафнутий так глубоко погрузился в мечты о дальнем плавании, что даже стал раскачиваться, как будто воображаемое судно попало в шторм. Однако очнувшись, понял, что его всего-навсего теребил корабельный кок, тьфу, Рыжий.

— Ты слышал, что тебе поручили? — кричал тот прямо в ухо белобрысому грызуну, удивляясь, как можно спать с открытыми глазами.

Помощник юного химика смутился и робко попросил повторить.

Опасаясь, что тонкая нервная натура «м.н.с.» не выдержит высокопарных слов, Брысь не стал называть отведённую Пафнугию роль «главной», а сказал буднично:

– Ты должен опросить своих многочисленных дальних родственников и найти проход к подземной железной дороге!

– В метро? – при воспоминании о корнях-змеях, темноте и сырости на питомца Вовы Менделеева напала икота: – Но разве Император, ик, не знает, ик, как туда, ик, пройти?

– А ведь грызун прав! – задумчиво пробасил Мартин. – По какой-то причине Николай Второй не воспользовался возможностью тайно вывезти семью из Дворца!

– Не по «какой-то», а всё по той же – благородству и нежеланию, чтобы их бегство посчитали признанием в измене Родине! – отчеканил Брысь, недовольный, что его замечательный план ставят под сомнение.

Джой осторожно, чтобы не показаться бестолковым и не разбирающимся в вопросах внутренней и внешней политики, проямлил:

– Что-то я про измену никак не возьму в толк. В чём именно обвинят Государя?

– В симпатиях к Германии, основному противнику России в Первой мировой войне, к тому же, как известно, кайзер Вильгельм Второй – двоюродный брат Николая Второго. Впрочем, основные подозрения легли на

Александру Фёдоровну, она ведь до замужества была немецкой принцессой Алисой Гесенской. К тому же высшее дворянство считало Императора слабохарактерным и чересчур мягким, и будто бы не он правил страной, а Её Величество.

Мартин тут же переложил ситуацию в империи на отношения в своей семье – интересно, что бы сказала мама Лина, если бы папа Николай Павлович заявил, что главный он? Пожалуй, перепоручила ему все домашние дела, а не только починку книжных полок и вынос мусора, ведь чем больше от человека зависит, тем он главнее?

– И всё-таки что мы будем делать, если царская семья не захочет эвакуироваться? – вернул Рыжий отвлёкшихся «спасателей» к существу проблемы.

Брысь поморщился – ответ на этот вопрос был самым слабым пунктом в его задумке, но упрямо повторил:

– Я же вам объясняю: мы похитим понарошку их питомцев, всех, кроме Джоя, и в процессе «поисков» заманим в туннель, а уж там позволим им двигаться только вперёд, потому что сзади будем мы и он!

Взгляды опять переместились, теперь в том направлении, куда махнул лапой руководитель миссии, – Мартин горделиво выпятил могучую грудь и... эх, ему бы плечи, уж он бы их расправил!

О ВЕРНОСТИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

Впылу обсуждения друзья не заметили, как неяркое, цвета топлёного молока, зимнее солнце совсем побледнело, растворяясь в голубовато-серых сумерках. Зато все почувствовали, как в желудках без остатка растворился обед.

От имени «принимающей стороны» Васька всё же решился пригласить компанию перейти туда, где светло, тепло и сытно, то есть на Собачью кухню, расположенную в подвалах Дворца. Чтобы «пришельцы из будущего» не подумали чего плохого, например, что их новые знакомые привереды и воображалы, Васька пояснил, что число монарших любимцев не ограничивается только их особами, а включает в себя десяток колли, проживающих в отдельном домике-вольере (эту породу особенно почитал государь, но, после того как умерла его собака, верный друг, он больше не заводил себе «личного» пса).

Имелось и множество других животных, которых охотно дарили их величествам и высочествам родные и знакомые, так что пришлось организовать на территории целый зоопарк, где проживали кролики, овечки, козочки, ослик Ванька и даже слон.

– Слона с собой не возьмём! Слишком огромный, в туннеле не поместится! – тут же перепугался Пафнутий. (Он видел лопауких носатых монстров по телевизору, и, хотя ведущий уверял, что эти гиганты боятся мышей, в душе «м.н.с.» застряли сомнения. К тому же он не мышь.)

– Осла тоже! Эти звери отличаются неслышанным упрямством! – неожиданно поддержал грызуна Савельич.

– Зато он ловко забирается в карманы и вытаскивает их содержимое! – заступился за члена семьи Котька.

Пафнутий вспомнил своё «преступное» прошлое в качестве Хлыста, пособника «щипачей». В банде Ваньки Белки обрадовались бы умениям царственного тёзки воровского главаря!

– А что ещё ваш осел способен делать, кроме как воровать? – сердито поинтересовался Мартин, переживая из-за восторга, которым зажглись глаза Рыжего – поклонника его внушительных размеров – при упоминании более крупных животных.

– Он в Петербурге в цирке выступал, пока не состарился, и бабушка, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, три года назад подарила его Алёше на день рождения. Ванька катает его в тележке по парку. Точнее, раньше катал. Теперь-то Алёша считает себя взрослым! – поведал Джой (он тоже слегка ревновал к Ваньке).

Котька к достоинствам осла был равнодушен, поскольку тот не мог отнять у него законного места в ногах любимого хозяина и, уж тем более, не умел рассказывать усыпляющие вечерние сказки, однако в качестве транспортного средства для больного Наследника пригодился бы.

Своими мыслями он поделился с руководителем миссии, но тот ответил категорично:

– Никаких посторонних! И так группа большая набирается!

Джой радостно согласился:

– Алёша худенький и лёгкий, хватит и дядьки, который его на руках носит, когда требуется, Андрея Еремеевича!

– Деревенько? – проявил осведомлённость начитанный Савельич. – Гад он, этот ваш «дядька»!

Августейшие питомцы ошеломлённо взглянули на чёрного кота.

– Быть не может! Он любит Цесаревича как сына родного!

– Ага! Сейчас любит, а через неделю разлюбит, как только Император от престола отречётся!

У Васьки и Котьки от огорчения поникли усы.

– Страшно представить, кто же останется с Семьёй, если врагом окажется даже тот, кому много лет доверяли самое дорогое – жизнь Наследника!

– Скоро узнаем! – коротко бросил Джой и мстительно сощурился – ему не терпелось заглянуть в глаза будущему предателю и высказать всё, что он думает о притворщике!

А Котья вдруг громко и отчётливо, как на параде, произнёс:

– «Мы должны так жить, чтобы никому не навредить, чтобы наша жизнь служила примером для других. Верность – великое слово!» – и тут же застеснялся изумлённых взоров «пришельцев».

– Этому Государь и Государыня Их Высочеств учат! – разъяснил Васька неожиданную тираду застенчивого приятеля.

Гостей нужно было накормить и пристроить, а потому выяснение отношений с будущим изменником верный пёс цесаревича отложил до вечера.

Чтобы не привлекать внушительной командой ненужного внимания со стороны челяди и офицеров охраны, заговорщики разделились и в подвал (который, кстати сказать, намного превышал площадь Александровского дворца, поскольку тянулся не только под зданием, но и под обширным двором) вошли парами. Возглавляли процессию Котья с Васькой. Чуть поодаль, но так, чтобы не терять из виду кончики их хвостов, маршировали Рыжий с Савельичем. За ними на приличном расстоянии шествовали Джой с Мартином (кудрявый спаниель надеялся своим присутствием

сгладить впечатление, какое мог произвести на окружающих незнакомый гигантский пёс). Замыкали «делегацию» кладоискатели. К тому же Брысь чувствовал личную ответственность за белобрысого грызуна, да и потеряться он не боялся, так как прекрасно ориентировался и в необъятном подвале, и во Дворце, ещё с тех пор, как летом 1941-го прибегал сюда смотреть, как прячут от бомбёжек музейные ценности...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Мария Фёдоровна (при рождении Мария София Фридерика Дагмар, 14 (26) ноября 1847, Копенгаген, Дания – 13 октября 1928, замок Видёре под Клампенборгом, Дания) – российская императрица, супруга Александра III (с 28 октября 1866), мать императора Николая II.

Глава 15 ПАФНУТИЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ВЫПОЛНЯТЬ ЗАДАНИЕ

В буфетно-кухонной части подвала витали заманчивые запахи, и Мартин с удовольствием вытягивал большим влажным носом вкусный воздух, мысленно раскладывая его «по полочкам»: сюда – молоко и сметана, сюда – сыры, а сюда – самые главные ароматы, колбасно-

мясные. Мимо то и дело сновали Люди с тележками, на которых возвышались источающие соблазн кастрюли и стопки тарелок.

– Куда вам столько еды? – изумился «пришелец», давясь обильной слюной.

– Да нам-то много не надо, к тому же Государыня с детьми соблюдают строгий пост, он как раз сегодня начался! Но во Дворце знаешь сколько народу?! Человек двести, а то и больше! И все кушать хотят! Поэтому на кухнях, в основном, конечно, не здесь, а в отдельном здании, готовят не только для Семьи, но и для свиты, прислуги, солдат охраны, всех и не перечислишь! – с гордостью ответил питомец Наследника, но тут вспомнил, что всего через несколько дней от этой толпы не останется и следа, и снова исполнился презрения к предателям.

В одном из многочисленных закутков Джой попросил Мартина подождать, пока он не принесёт угощение.

– Уж слишком ты здоровенный – напугаешь поваров и они со страху что-нибудь переселят или переперчат!

Вернулся он в сопровождении котов, уже успевших отведать жирных сливок, и пригласил нового знакомцу возделенный кусок мяса, а задержавшиеся Брысь и Пафнутий (предводитель миссии совал любопытный нос в каждое помещение, какое попадалось на пути) получили, соответственно, ломтик бекона и аппетитный кусочек сыра.

– Ну вот! Теперь неплохо бы взглянуть на Ортино и Джимми! – произнёс руководитель.

После трапезы деловитый тон Брыся заметно подобрел, а суровый взгляд смягчился, однако это не спасло белобрысого помощника юного химика – возле электрического подъёмника, на котором обычно доставлялись наверх горячие блюда и который теперь августейшие питомцы собирались использовать в качестве лифта для своих гостей, предводитель миссии остановил сунувшегося было вперёд грызуна и строго напомнил:

– А у тебя уже есть задание! Встретимся здесь через два часа!

И, выждав несколько мгновений, не упадёт ли «м.н.с.» в обморок, коты исчезли в металлической пасти странного механизма, а Джой увёл Мартина по лестнице.

Пафнутий и сам удивился, что не лишился чувств, оставшись в полном одиночестве – неужели его трепетный организм начинает привыкать к злобным гримасам судьбы?!

Покрутив головой, маленький путешественник во времени выбрал то направление, откуда они только что пришли, – не из малодушия, а потому что по дороге они с Брысем обратили внимание на ступенчатый спуск к широкой полукруглой арке – входу в длинный коридор с массивными бетонными стенами, выкрашенными светло-серой эмалью. Руководитель предположил, что это и есть упо-

минавшийся питомцами их высочеств туннель между дворцовым подвалом и Главной кухней. Это подтверждалось и железными рельсами, по которым на шарнирах передвигались огромные ёмкости с продуктами (не сами по себе, конечно, а подталкиваемые работниками царского «пищеблока»).

Неподалёку от кухни, мудро рассудил Пафнутий, должны располагаться места скопления съедобных отходов, а в непосредственной близости от них просто обязаны обитать дальние родственники, особенно в зимний, не ласковый к грызунам сезон.

В туннеле, как и по всему подвалу, горели электрические светильники, хотя Пафнутий предпочёл бы темноту, чтобы сохранить в тайне своё пребывание в особо охраняемой санитарной зоне. Всё-таки на шейке пришельца из будущего не красовалось изделие от Фаберже, и белобрысый крысук не мог выдать себя за питомца августейшей семьи! Да и сопровождающего бывшему кладоискателю не выделили — мол, справляйся сам, раз навязался! А вдруг потребуются подтвердить его личность и полномочия?!

Пафнутий горестно вздохнул — не о таких приключениях он мечтал — и двинулся вглубь коридора, замирая и в страхе прижимаясь к выложенному каменными плитами полу, когда слышал приближение шагов или скрежет шарниров. Кроме всего прочего, беспокоила царившая

вокруг чистота, от которой сердце грызуна тревожно сжималось – вдруг в императорском окружении нашли изощрённый способ борьбы с его соплеменниками? Тогда придётся искать родню под снегом в холодном незнакомом парке!

Переждав, когда мимо проедет очередная тележка и прошагают начищенные до блеска сапоги, питомец Вовы Менделеева, покинувший уютный тёплый дом ради сокровищ, которых, вполне возможно, нет ещё и в помине, и оказавшийся втянутым в дело спасения царской семьи (благородное, конечно, возразить нечего), хотел было бежать дальше, но неожиданно не смог сделать и шагу – что-то крепко придавило ему длинный лысый хвост. Или кто-то...

Глава 16

КЛЕНОВАЯ ГОСТИНАЯ

Джою и Котьке не терпелось вернуться к юному хозяину, чтобы не прозевать момент, когда отношение усатого «няня» к подопечному начнёт меняться. И хотя пришельцы из будущего уверяли, что случится это не раньше, чем через неделю, питомцам Наследника хотелось уже сейчас разглядеть признаки трагических перемен, в которые их чистые сердца отказывались верить.

Васька тоже стремился поскорее добраться до своей комнаты, чтобы поделиться удивительными новостями с Ортино и насладиться обескураженным видом французской бульдожки, а уж после они бы вместе сбегали к Джимми и потрясли его воображение.

Правда, Васька подозревал, что в крошечной голове кинг-чарльз спаниеля не так много места, чтобы он в полной мере представил истинный размах надвигающихся событий, а потому вряд ли на его мордочке отразится та гамма чувств, какую мечтал бы видеть кот. (Кому-то покажется, что любимец великой княжны Ольги был настроен чересчур оптимистично и даже несерьёзно, но причина Васькиной бодрости крылась в непоколебимой вере в мощь кошачьего разума, тем более помноженного на пять!)

Учитывая столь веские причины для спешки, августейшие питомцы решили не искать пристанища для неожиданных гостей во втором этаже, где находилась «Детская» половина, а расположить их внизу, в покоях её величества, в просторной Кленовой гостиной, поделённой искусной расстановкой мебели на несколько уютных уголков. В мирное время там собиралась вечерами вся семья, но сейчас зал пустовал.

— Чувствуйте себя как дома! — радушно заявил Васька, когда компания переступила порог роскошной комнаты.

Из-за того, что стены, ковры и обивка мебели были только зелёных оттенков, а также из-за скульптур на мраморных постаментах и огромных благоухающих растений, помещённых группами в специальные цветочные ящики, пришельцам из будущего показалось, что они очутились в летнем парке.

Как истинный ценитель прекрасного Савельич тут же проверил, надёжно ли крепится к стенам рельефный штукатурный узор в виде переплетающихся стеблей роз с бутонами, который переходил на потолок и тянулся к самому его центру. По периметру гостиной шёл карниз, а от одной стены к другой перекинулся резной деревянный балкон, отделанный стеклянными панелями. Абажуры бронзовых светильников, тоже выполненные из стекла, напоминали летучих мышей и впечатлили даже Брыся — знатока дворцовых интерьеров. А Мартину пришлось по душе медвежьи шкуры, раскинутые на коврах, хотя пёс и не удержался поначалу от грозного рыка при взгляде на хищный оскал бывших лесных жителей.

— Фокус-покус! — воскликнул Котька и дёрнул за витой шёлковый шнур рядом с входной дверью.

В то же мгновение из-за карниза в гостиную заструился мягкий свет, отражаясь от белоснежного потолка и преломляясь в кусочках бледно-зелёного стекла.

– Скрытое электрическое освещение? – удивлённо хмыкнул бывший Придворный Кот – в его «времена» подобных технических ухищрений во дворцах не применялось.

– А куда ведёт эта дверь? – прозвучал сверху голос Рыжего – он уже успел взобраться по лестнице на балкон.

– Через антресоль к кабинету Государя! – с удовольствием объяснил Джой, радуясь благоприятному впечатлению, которое произвела комната на гостей из двадцать первого века.

Мартин поразился – в их квартире тоже имелась антресоль, но там хранились вещи, редко используемые в хозяйстве: швейная машинка, лыжи, санки и чемоданы, и уж точно по ней не получилось бы ходить в полный рост, разве что котам и то вряд ли – уж слишком много всякой всячины втиснули туда любимые хозяева!

– Ну, вы тут располагайтесь, обустройтесь, а мы к вам позже зайдём! – подвёл Васька итог экскурсии, и августейшие питомцы умчались.

Брысь потянул за шнур, снова погрузив Кленовую гостиную в сумрак.

– Для конспирации!

– Ладно! – вытягиваясь на мохнатой медвежьей шкуре, согласился Мартин – в темноте не так видно, что он уже грустит по Саше, маме Лине и папе Николаю Павловичу. Приятели-коты, как давно понял преданный семье пёс,

не испытывают такой же привязанности к Людям, как собаки. А может, искусно скрывают свои чувства! Хитрые они, эти коты... Хорошо хоть изобретённый Вовкой эликсир действует так, что дома не успеют заметить их отсутствие и поволноваться!

Савельича наступивший сумрак не смутил: пользуясь превосходным кошачьим зрением, он продолжил изучать детали великолепного интерьера, грациозно вышагивая по полкам, где государыня хранила фарфоровые и стеклянные безделушки.

Рыжий устроился в кресле перед камином. Правда, в нём не потрескивали дрова, создавая дополнительный уют, но зато подушка, на которой разлёгся кот, была чрезвычайно мягкой и приятной на ощупь, в чём Рыжий убедился, сделав ей необходимый массаж.

Брысь запрыгнул в шезлонг и теперь покачивался, словно на волнах, гадая, как далеко смог продвинуться «младший научный сотрудник» в поисках ценной информации. Не выдержав неизвестности, он соскочил на пол и направился к выходу.

— Вы тут пока без меня посидите, только не разбейте ничего и не поцарапайте — это будущие музейные ценности!

В дверях Брысь столкнулся с запыхавшимся питомцем великой княжны Ольги, который сообщил неприятное известие о болезни их высочеств.

– Не будем терять надежды! – успокоил взволновавшихся соратников руководитель миссии. – Может быть, корь пройдёт за неделю, оставшуюся до отречения Николая Второго! Всё равно нам нужно дождаться, пока они перестанут быть венценосной семьей.

Спустившись в подвал на том же «лифте», на каком их доставили в покои императрицы гостеприимные хозяева, Брысь кинулся по следу помощника юного химика...

Глава 17

ОПЯТЬ ВДВОЁМ

Боясь оглянуться, Пафнутий безуспешно дёрнулся ещё раз и приготовился к худшему (хотя оставалась надежда на спасительную потерю сознания).

– А ты молодец! Далеко ушёл! Я был уверен, что найду тебя там же, где оставил, – возле подъёмника! – раздался бархатный голос бывшего компаньона, а ныне – руководителя благородной миссии.

Питомец Вовы Менделеева так обрадовался, что земные дни не окончатся бесславно на чисто вымытом каменном полу дворцового туннеля, что даже не попенял за невежливость, с какой остановили его продвижение вперёд и которая чуть не привела к этому самому бесславному концу.

Брысь убрал лапу с лысого хвоста.

– И молодец, что в обморок не хлопнулся! Исправляешься на глазах! Пожалуй, замолвлю за тебя словечко перед Савельичем!

Впрочем, предводитель спасательной операции не без оснований решил, что излишнее ликование так же вредно для шаткой нервной системы «м.н.с.», как и внезапное огорчение, а потому речь свою продолжил уже привычным сосредоточенным тоном:

– В деле спасения царской семьи возникли непредвиденные обстоятельства: Их Высочества свалились с температурой под сорок, что даже для нас высоко, и сколько продлится болезнь – неизвестно! Так что познакомиться ни с ними, ни с крошечными недоразумениями не удалось – в комнате постоянно дежурят либо сама Императрица, либо её фрейлина Лили.

Под «недоразумениями» Брысь, конечно, имел в виду пёсиков Ортино и Джимми.

– А где остальные? – спросил Пафнутий, вновь обретя тонкий голосок, на время испуга пропадавший из организма.

– Джой и Котька вернулись в спальню Наследника, чтобы не оставлять его наедине с «дядькой», будущим изменником. Васька отправился лечить свою хозяйку, а наших разместили в Кленовой гостиной, там столько закутков, что слон бы спрятался!

– Значит, мы опять вдвоём?! – просиял бывший кладоискатель.

– Более того, ответственность за благополучный исход миссии лежит теперь полностью на тебе! – пошутил руководитель, но Пафнутий воспринял его слова серьёзно, снова представив себя капитаном огромного лайнера, стремительно идущего... ко дну, и в отчаянии уставился на опытного «первого помощника».

– Ты ведь не дашь нам утонуть? – заискивающе спросил он.

Брысь удивился странной формулировке, но ни уточнять, ни выслушивать соображения «м.н.с.» о том, где могут обитать серые родственники – потенциальные источники информации о царском метро, не стал. Вместо этого он развернул напарника в обратном направлении, и Пафнутий с облегчением осознал, что всё сказанное по поводу его персональной ответственности за успех предприятия – всего лишь не смешной розыгрыш.

– Мы идём в Кленовую гостиную? – оживился он, грезя о безопасном уголке под каким-нибудь резным буфетом из красного дерева.

Но одно короткое слово развеяло в прах мечты наивного грызуна:

– Нет!

И Брысь пояснил, таинственно понизив голос, словно спешащие мимо них Люди могли понять, о чём беседует забавная парочка (необычайное сходство пришельца из будущего с котом великой княжны служило отличным

прикрытием и надёжным «пропуском» по лабиринтам дворцового подвала):

– Я тут, пока тебя догонял, обнаружил кое-что интересное!

– Подземку? – ахнул Пафнутий и даже хлопнул в крошечные ладошки.

– Не совсем. Скоро сам увидишь!

Остановился Брысь возле распахнутых настежь дверей офицерской комнаты, которая располагалась непосредственно у входа в «кухонный» туннель и которую Пафнутий незадолго до того миновал со всей возможной скоростью, чтобы его не заметили находившиеся в помещении обладатели военных мундиров.

Впрочем, сейчас они прошляпили бы и более крупную «дичь», поскольку были поглощены ожесточённым спором на весьма повышенных тонах.

Осмелевший «м.н.с.» высунулся из-за спины старшего компаньона, пристально ощупал рубиновыми глазками сводчатые потолки, большой круглый стол, паркетный пол, массивные диваны вдоль крашенных эмалью стен, ещё один стол с громоздкими телефонными аппаратами, но ничего похожего на проход в «метро» не обнаружил.

Пафнутий перевёл вопросительный взгляд на предводителя, но тот внимательно слушал словесную баталию, грозящую в любой момент перейти в рукопашную схватку. Чтобы не ску-

чать, помощник юного химика тоже навострил мягкие круглые уши...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Юлия Александровна Ден (1885 – 1963) – подруга императрицы Александры Фёдоровны. В царской семье её звали Лили. Во время февральской революции она (одна из немногих) осталась в Александровском дворце и помогала Александре Фёдоровне в трудную минуту, несмотря на то что в Петрограде остался её малолетний сын. Автор книги воспоминаний «Подлинная царица. Последняя великая княгиня», вышедшей в Лондоне в 1922 году.

Глава 18

ДРУЗЬЯ УЗНАЮТ РАСКЛАД СИЛ

Пафнутий несколько минут добросовестно вслушивался в гневные выкрики, которыми одаривали друг друга разгорячённые спором военные, но не уловил ни одного упоминания ни о подземной железной дороге, ни о сокровищах, которые могли бы скрываться в огромном подвале. Речь (если это мирное слово подходило для кипевших страстей) шла о политике.

Довольно скоро даже не сведущему в сложных вопросах государственного устройства «м.н.с.» (всё-таки он был всего лишь химиком и экономистом) стало ясно, что офицеры примерно поровну поделились на несколько про-

тивоборствующих групп, одна из которых пыталась убедить остальные, что Россия катится в тартарары и что виной тому хилый и безвольный царь, оказавшийся под каблуком у чрезмерно религиозной жены, озабоченной лишь здоровьем Наследника.

Другая сторона заявляла, в принципе, то же самое, только ответственность за направление движения страны возлагала на просочившихся во все сферы жизни масонов. (Пафнутий похлопал рубиновыми глазками и покосился на Брыся, стоявшего рядом с умным видом. Вероятно, он знал, кто это такие.)

Третья — опять же нисколько не ставя под сомнение, что Отечество ждёт неминуемый крах, валила всё на испортивших армию большевиков. (Наверное, они поломали ружья и пушки, предположил помощник юного химика).

Кто-то пытался перекричать сослуживцев, сообщая свежие подробности о событиях в Петрограде, где почти двести тысяч военных ожидали отправки на фронт, а теперь, возможно, поддержат бастующее гражданское население, которое вышло на улицы с красными флагами и лозунгами «Долой войну!» и «Долой самодержавие!». Из полученных донесений следовало, что пострадало уже три десятка городовых, а власти ничего не делают, чтобы погасить разгорающееся пламя революции.

«Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» — вспомнилось вдруг Пафнутию.

Там, в охваченном волнениями Петрограде, на Гороховой улице, пока ещё с мамой жил Коля... Глазки-бусины вдруг защипало, и питомец Вовы Менделеева, возможного праправнука того самого сероглазого мальчика, принялся тереть их крошечными лапками.

– Прекратите визг, господа! – раздался чей-то спокойный голос.

И хотя прозвучал он негромко, властный тон тут же охладил спорщиков.

Принадлежал он единственному сидящему за столом (остальные уже давно для пущей убедительности повскакивали со своих мест). На золотистых погонах, прочерченных красной линией, острые глаза Брыся разглядели четыре звёздочки.

– Вы не согласны, штабс-капитан, что нам следует определиться с позицией? – попробовал возразить один из офицеров. – В казармах уже неделю не стихают митинги! Гарнизон, между прочим, требует поддержать восставших Петрограда!

– Наша позиция определена Присягой! – твёрдо отозвался «четырёхзвёздочный». – И наша первейшая задача – обеспечить охрану Её Императорского Величества, Наследника и царевен!

Брысь наклонился к Пафнутию и прошептал:

– Вот если бы ему волосы подлиннее и шляпу с пером, получился бы вылитый Атос, друг моего гасконца!

Помощнику юного химика опять пришлось хлопать глазами – его утомили загадки, которыми разговаривал кот, и он мечтал быстрее забраться под какой-нибудь шкаф и отдохнуть от суматошного дня, можно даже без ужина.

– Я не понял, что тут такого интересного, что мы не пошли к моим родственникам? – решил уточнить «м.н.с.».

– Как что?! – поразился Брысь. – Мы узнали расклад сил среди здешних военных!

– Ага! За нас один! – язвительно заметил Пафнутий, осмелев от усталости.

– Зато какой! Смотри, у него даже сабля есть!

Брысь не отводил восторженного взгляда от «союзника».

– Здесь у всех есть и сабли, и пистолеты! – продолжал упрямяться «младший научный сотрудник». – И я не представляю, как мы будем защищаться от них зубами и когтями!

– Трудновато придётся! – рассеянно согласился руководитель миссии. Он уже обдумывал, где и когда завязать новое и очень важное знакомство.

Пафнутий обречённо вздыхал, всем своим унылым видом намекая на необходимость срочного отдыха, и Брысь наконец вспомнил о маленьком напарнике:

– Ну вот, теперь можно отправляться на поиски твоей родни! – бодро произнёс он...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Масонство (в переводе с английского freemason «вольный каменщик») – религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII века – века крушения феодальных устоев – в Англии (точнее, в Шотландии), распространилось в различных странах, в том числе, и в России. Заявляя о том, что Бог является «Великим архитектором Вселенной», масоны объявляют себя «каменщиками», возводящими здание во славу Бога (начало масонства связывается с людьми, возводившими пирамиды). Отождествляя себя со средневековыми каменщиками, они так же трудятся над обработкой «дикого камня», стараясь придать ему правильные, совершенные формы. Только камень этот у них символический – душа человека со всеми присущими ей страстями. Так, совместными усилиями «братьев» всех стран по предначертанию Великого архитектора Вселенной работают масоны над сооружением своего символического Храма – Храма Духа, Храма Человечности. Символика масонов отражает эти строительные начала: циркуль, фартук, молоток и т. д.

Глава 19

ПАФНУТИЮ ОПЯТЬ НЕ ВЕЗЁТ

Пафнутий задохнулся от негодования – «достойная» роль оказалась чрезвычайно утомительной. Но высказать возмущение вслух побоялся: вдруг у приятеля больше не найдётся времени, чтобы его сопровождать, а с таким не знающим страха эскортом заниматься поисками хоть сокровищ, хоть дальних родственников всё-таки безопасней и веселее.

Вместо кухонного туннеля, руководитель миссии вывел «младшего научного сотрудника» на улицу. К вечеру подморозило, и снег поскрипывал даже от лёгких шажков белобрысого крысюка. Правда, скрип этот слышали разве что изумительные кошачьи уши, как и недозвольное бурчание.

— Что ты там бухтишь?

— Почему мы не пошли по тёплому коридору?

— Потому что здесь у нас больше шансов добраться целыми и невредимыми. Забыл, кто ты?

— Я-то помню, а вот ты забыл, что у меня нет такого густого подшёрстка, как у тебя! — продолжал капризничать помощник юного химика. — А кто такие масоны? — решил он на время сменить тему, пока необычное слово не улетучилось из его маленькой головы.

— Спроси у Савельича! — отмахнулся Брысь, потому что и сам имел о них лишь смутное представление. Когда-то, в бытность Личным Котом, доходили до него слухи о таинственных «вольных каменщиках», к которым принадлежал вроде бы и его любимый хозяин и друг цесаревич Александр, но подробностями он не интересовался, занятый исследованиями Зимнего дворца, а потом события закрутились с такой скоростью, что не до масонов стало...

— У Савельича не могу! Он меня не любит! — пожаловался «м.н.с.».

– Ну что ты! Он обожает грызунов! – поддел спутника Брысь.

Пафнутий обиделся на злую шутку и дальше брёл молча, уставившись в серое пятнышко на левой задней лапе руководителя миссии. Неожиданно пятнышко замерло на месте.

– Ну всё! Дальше ты сам! – возвестил кот. – А то, боюсь, твои родственники не будут нам рады!

Сквозь чёрные силуэты деревьев светилось двумя рядами окон здание, показавшееся помощнику юного химика таким же огромным, как Дворец. Широкая, расчищенная от снега до самой брусчатки дорога вела под прямоугольную арку, за которой просматривался мощёный двор.

– Прошу любить и жаловать – Главная кухня! – торжественно представил строение Брысь. – Уверен, что контейнеры для пищевых отходов где-то там!

И мягко (то есть не выпуская когтей), но категорично подтолкнул «младшего научного сотрудника» вперёд.

Пафнутий с опаской двинулся в заданном направлении, от нервного напряжения забыв про донимающий его холод, – в конце концов, какая разница, от чего высыпали мурашки: от мороза или от страха!

– Помни, что ты главный! – крикнул вслед предводитель, и питомец Вовы Менделеева рас-

ценил это как предупреждение — без ценных сведений не возвращаться!

Аккуратная шеренга больших железных ящиков обнаружилась через двор, возле другой арки, видимо, служебным выездом. Уже достаточно стемнело, чтобы маленький пришелец из будущего смог беспрепятственно добраться до предполагаемого места встречи с «семьсот семьдесят седьмой водой на киселе».

Ёмкости оказались теми, что нужно, и пахли соответственно. От мгновенно разыгравшегося аппетита потекли слюнки, и «м.н.с.» шустро забрался в ближний контейнер, с наслаждением погрузившись в объедки с царского стола.

Внезапно раздался грохот железа по железу, и на перепуганного Пафнутия обрушилась темнота. Затем таинственные силы сдвинули ящик с «вкусным» содержимым и безбилетным белобрысым «пассажиром» с его законного места и покатали в неизвестность...

* * *

Брысь ждал напарника, удивляясь, о чём можно так долго беседовать с дальней роднёй, с которой у пришельца из двадцать первого века нет даже общих знакомых, пока не закралось подозрение — с грызуном приключилась беда.

Он кинулся в кухонный двор и поспешил к выстроенным в ряд контейнерам. Вокруг

никого не было. Руководитель миссии запрыгнул на первый ящик – он оказался пустым, как и остальные, что означало лишь одно – накопившиеся за день отходы увезли. Судя по всему, вместе с тем, кому он поручил добыть информацию о подземке, с тем, за кого он нёс личную ответственность перед Сапиным другом, юным химиком Вовой Менделеевым...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Масонство (продолжение) – на масонском съезде в Вильгельмсбаде в 1782 году вся Европа была разделена на масонские державы или провинции. Масонство организовано в независимые великие ложи (в некоторых странах – «Великий Восток»), каждая из которых состоит из подчинённых ей лож. Некоторые великие ложи признают друг друга, некоторые нет. Масонство существует в форме местных лож – обычно небольших групп численностью до 40–50 человек, объединённых территориально. Как правило, в одной стране существует только одна «великая ложа» той или иной масонской юрисдикции. В одних ложах «братья-масоны» упражнялись в нравственном самоусовершенствовании, в других – увлекались мистицизмом, предаваясь алхимическим опытам или с целью выведения «гомункулюса» – искусственного человека, или с целью открытия панацеи – «всеобщего врачевства» – лекарства от всех физических и социальных болезней, или, наконец, деланием золота и разысканием философского камня. В России с масонством были связаны участники ранних декабристских организаций – П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, Н. И. Тургенев и др. Уже тогда франкмасоны внушали страх консервативному православному большинству из-за своих антимонархических, интернационалистических, пацифистских идей и призывов к веротерпимости.

В 1822 году масонские ложи были официально запрещены указом Александра I, но продолжали существовать. В 1905 году снова получили широкое распространение под эгидой Великого Востока Франции при попустительстве Николая II. По некоторым сведениям, сам монарх входил в масонскую ложу «Крест и Звезда» в качестве «верховного гостя» и «насаждал» в стране парламентские обычаи. Международные масонские ложи развернули в России пропаганду пацифизма. Государственная Дума, почти целиком состоявшая из масонов, всячески тормозила дело вооружения армии и флота, несмотря на то, что мир стоял на пороге Первой мировой войны.

Глава 20

ДРУЗЬЯ УСТРЕМЛЯЮТСЯ ПО СЛЕДУ

Брысь ворвался в Кленовую гостиную, где его друзья дремали в ожидании дальнейших распоряжений, и по возбуждённому виду руководителя миссии сразу стало ясно, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Пафнутий пропал! – с порога объявил запыхавшийся предводитель, и Савельич облегчённо выдохнул:

– Всего-то?!

– Не скажи! У грызуна было ответственное задание, – возразил Рыжий, – с которым нам одним не справиться!

– Мартин, ты должен взять след и найти его! – не слушая спора приятелей, потребовал Брысь, и пёс нехотя поднялся с облюбованной им медвежьей шкуры.

«Легко сказать – “взять след”, – ворчал он, скрупулёзно изучая запахи рядом с контейнерами для пищевых отходов, – попробуй найди среди этого многообразия единственно верный!».

– Вот тут он топтался, а в этот ящик забрался! – наконец сообщил Мартин итог своих изысканий.

– Но сейчас он пуст!

«Детектив» снова уткнулся носом в брусчатку.

– Правильно, потому что контейнеры вывезли со двора, – Мартин остановился на квадратной площадке, где на расчищенном снегу виднелись отпечатки автомобильных шин, – а здесь вытряхнули в грузовик, и он уехал!

– Да, но куда? – волновался «ответственный» за возвращение команды в двадцать первый век живой, невредимой и в полном составе.

Шумно фыркая, пёс направился к въездным воротам, расположенным в непосредственной близости от Кухонного корпуса. Чтобы «следопытов» выпустили с территории, Мартину пришлось громко гавкнуть на караульных. Те, нужно отдать должное, с первого раза поняли, на что намекает огромная собака, и приоткрыли решётчатые створки, ничуть не удивившись, что пса сопровождает кот (дворцовые питомцы всегда дружили, независимо от видовой принадлежности).

Оказавшись за пределами царской резиденции, приятели устремились по следу...

* * *

С контейнера сняли железную крышку, потом таинственный механизм со скрежетом приподнял его над землёй, а в следующее мгновение Пафнутий, кувыркаясь в воздухе и не выпуская из цепких лапок раздобытую в ящичке хлебную горбушку, переместился в такие же «райские кущи», только гораздо большего объёма, из чего «м.н.с.» сделал приятный вывод, что там, куда он попал, соединилось воедино содержимое нескольких ёмкостей для сбора ценных отходов.

Радость от пребывания в «голубой мечте» любого грызуна портило осознание невыполненной миссии и то, что вождельные объедки увозят всё дальше от Дворца и их спасательной группы, а значит, следовало проявить силу воли и расстаться с продуктовым изобилием, пока ещё можно отыскать путь назад.

Горюя о невозможности прихватить съедобное великолепие с собой, Пафнутий принялся выкидывать из мусоровоза то, с чем его душа никак не желала расстаться: пару кусков заплесневелого сыра, несколько сдобных печенинок, сваренное вкрутую яйцо, морковь, яблоко, сырую картофелину и, наконец, восхищаясь собственной смелостью, выпрыгнул сам, когда грузовик притормозил на повороте.

Едва коснувшись укатанного колёсами заснеженного полотна дороги, помощник юного химика кинулся собирать «сокровища» и складывать их горкой на обочине. Не успел он притащить последний аппетитный ломтик, совсем недавно возлежавший на фарфоровом блюде на одном из дворцовых обеденных столов, как в опасной близости от вкусной «пирамиды» возникла маленькая серая фигурка о-о-очень дальней родственницы, с которой белому красавцу с двумя образованиями и знаться-то не пристало!

Пафнутий обежал свой небольшой продуктовый склад, проверяя, всё ли в сохранности, и стараясь не смотреть в сторону «семьсот семьдесят седьмой воды на киселе».

Мышка скромно стояла поодаль, готовая юркнуть в сугроб, если симпатичный незнакомец окажется не таким уж милым.

Пришелец из будущего занервничал – ужасно не хотелось оставлять богатство, добытое с риском для жизни, на съедение местным грызунам. Эх, ему бы пакет полиэтиленовый! И что за время такое – никакой подходящей тары вокруг!

Переживания о способах транспортировки ценного груза оттеснили главные – о порученном ему ответственном задании. А когда «м.н.с.» о нём вспомнил, то сообразил, что мышь вполне может оказаться тем самым источником важной информации, который он искал!

Пафнутий окинул ревнивым взглядом съедобную «пирамидку», выбирая чем-бы пожертвовать ради дела, и остановился на кусочке печенья, отколовшемся от целого кругляшка, когда упало с грузовика.

– Сдоба! – сказал он, с сожалением протягивая вкусный ломтик упитанной, по его мнению, родственнице.

– Мерси! – почему-то по-французски отозвалась та и аккуратно выдернула угощение из коготков белобрысого крысюка, явно иностранца.

Чужеземец, однако, заговорил безо всякого акцента, хотя и употребил незнакомое слово:

– Не сможешь найти вход в царское метро?

– Метро? – удивлённо переспросила мышь, прожевав подарок.

– Ну да, туннели, по которым Люди ездят! – уточнил странный тип.

– Где ездят, не знаю, а вот где ходят, покажу! Тут недавно городок для царского конвоя построили с казармами, лазаретами и тра-а-а-пезной («родственница» мечтательно закатила глазки), и церковь возвели, Феодоровским собором величают. Так вот там имеется пещерный храм, где Государь иногда надолго уединяется, и в нём... угадай что!

– Что? – напрягся Пафнутий в томительном предвкушении тайны.

– Подземный ход...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Феодоровский Государев собор – православный храм на Академическом проспекте у Фермского парка. Приход храма относится к Санкт-Петербургской и Ладужской епархии Русской православной церкви. Строился с 1909 по 1912 год по поручению императора Николая Второго как церковь для Собственных Его Величества Конвоя и Сводного пехотного полка. Император лично указал и отмерил шагами место для постройки на поляне, прилегающей к парку, неподалёку от Александровского дворца. Принято считать, что архитектор В.А. Покровский взял за образец Благовещенский собор Московского Кремля в его древнейшем виде. Освящён 20 августа (2 сентября) 1912-го. Во время пребывания в Царском Селе семья императора посещала храм в праздничные и воскресные дни. В пещерном храме император молился в дни говения. По первоначальному проекту архитектора В. А. Покровского, пещерного храма в Фёдоровском соборе не предполагалось, занимаемое место предназначалось для устройства отопления и раздевальни для нижних чинов. Утварь и иконы временной Серафимовской церкви готовились к перенесению в верхний храм. Тем не менее было решено перенести её в целости в Фёдоровский собор в виде пещерного храма, с сохранением престола преподобного Серафима. С 1933 по 1991 год храм был закрыт. В годы ВОВ был сильно разрушен бомбёжками. В соборе ежегодно совершается Литургия в ночь на 17-е июля – день памяти святых Царственных мучеников.

Глава 21

ПАФНУТИЮ ПОМЕШАЛ ЛИШНИЙ ВЕС

Мартин мчался вперёд, в азарте преследования позабыв, что они с Брысем не соревнуются в скорости. Однако руководитель мис-

сии не отставал, лихо отталкиваясь поочерёдно то задними, то передними лапами и совершая необычайно длинные прыжки. Кота подгоняли воспоминания о рубиновых глазках-бусинах, взирающих с надеждой на спасение.

Внезапно Мартин застопорил бег и принялся обнюхивать небольшой холмик из объедков, аккуратно сложенный на обочине и припорошенный лёгким снежком.

– Ты проголодался, или это имеет отношение к нашей пропаже? – спросил Брысь, переживая, что уходит драгоценное время.

– Ещё как имеет! – воскликнул пёс. – Хотя и не представляю, как мелкому грызуну удалось такое провернуть, ведь мусоровоз ехал без остановок и скрылся за поворотом!

– Ты хочешь сказать, что он выпрыгнул на ходу? – поразился предводитель. Кажется, он явно недооценил способности «младшего научного сотрудника»!

– И, как видишь, даже припасы захватил! – в голосе Мартина тоже прозвучало невольное уважение.

– Но почему-то оставил их без присмотра! – опять разволновался Брысь, которому лучше всех было известно трепетное отношение помощника юного химика к продуктам питания.

– Оставили! – поправил его главный «следопыт». – К нашему крысюку присоединилась мышь.

– Значит, мы нашли вход в туннель! – возликовал руководитель миссии, тут же поместив

причитающиеся Пафнутию лавры в общую копилку достижений.

Вскоре взорам «сыщиков» открылся белоснежный храм с зелёными скатами причудливой крыши и золотым куполом. За ним мерцали огнями сказочные терема, обнесённые каменной стеной с шатровыми башнями по углам.

— Ух ты! Когда вернёмся назад в будущее, обязательно сюда заглянем! — заявил потрясённый красотой архитектурных сооружений Мартин.

Брысь промолчал, памятуя о плачевном состоянии «деревянного дворца», в подвале которого они с Пафнутием искали клад, не говоря о великом множестве других удивительных строений, вообще не переживших бурного столетия... Как бы восхищённого пса не ждало горькое разочарование!

— Интересно, кто тут живёт? — продолжал удивляться Мартин.

— Судя по количеству мундиров, военные! — резонно заметил руководитель миссии.

Люди в погонах были повсюду, и обрывки разговоров, долетавшие до ушей «следопытов», не сулили их венценосным подопечным ничего хорошего. Находились, разумеется, те, кто призывал следовать законам чести и соблюдать данную Царю и Отечеству присягу, но их голоса тонули в революционных призывах к мятежу и поддержке восставшего Петрограда...

Спутница Пафнутия замерла в нескольких метрах от белокаменной стены.

– Нам сюда! – пискнула она, указывая на дырочку в снегу.

Помощник юного химика сунул туда голову, хотя уже догадывался, что его раскормленное холёное тело ни за что не пролезет в мышиную нору, скрывающуюся под сугробом.

– А другие варианты? – попыхтев несколько минут в узком отверстии, спросил «м.н.с.».

Мышка подумала.

– Остаётся парадный вход!

Возле высоких резных дверей «родственница» остановилась.

– Вот! Эти ведут в нижнюю церковь.

Пафнутий пробежался вдоль препятствия.

– Ни одной щёлочки! – укоризненно воскликнул он.

– Я же говорю, недавно построили! – оправдалась «проводница».

– Может, кто-нибудь войдёт или выйдет? – понадеялся на удачу ответственный за поиски царского метро.

Но спутница огорчила:

– Вообще-то, вечерняя служба уже закончилась!

Пафнутий приуныл – ждать до утра ему совсем не хотелось.

– Ты пока начинай, а я подмогу приведу! – деловито произнесла дальняя родственница.

– Что начинать?

– Грызть! – удивилась мышь непонятливости нового знакомого. – Вашим крысиным челюстям даже камень подвластен, а тут всего лишь дуб!

Пристыженный «м.н.с.» вонзил зубы, покрытые прочной жёлтой эмалью, в лакированную древесину, и она податливо захрустела...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Со строительством Фёдоровского собора связано появление Фёдоровского городка, его первоначальное название «Дома для причта и служащих Феодоровского Государева Собора». Комплекс начали строить в 1913 году, в популярном в царствование Николая II русском стиле. В широком смысле под Фёдоровским городком понимают весь комплекс построек в стиле XVII века, расположенных в Фермском парке. К ним относятся: Фёдоровский собор, Дома для причта, Ратная палата, Императорский павильон, Казармы Собственного Его Императорского Величества конвоя. В годы Первой мировой войны здесь располагался лазарет № 17, в котором ухаживать за ранеными помогали младшие великие княжны Мария и Анастасия. В наши дни в Фёдоровском городке находится Патриаршее подворье.

Глава 22 ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

– Не нужно никого звать, сам управлюсь! – всё ещё конфузясь, заявил Пафнутий.

– Эх! Мне бы такие зубищи! – завистливо вздохнуламышь. – И цвет у тебя для зимы подходящий! У тебя, случайно, зайцев в роду не было?

«М.н.с.» перестал хрустеть дубовой дверью.

– Зайцев? – переспросил он и задумался. А что? Интересная версия! Те тоже зубастые и белые (правда, последнее – лишь в определённое время года, но генетика – наука тонкая!).

– Да нет! Они вегетарианцы, а я всё люблю! – наконец нашёл различия помощник юного химика и продолжил начатое.

Толстое полотно нехотя поддавалось натиску грызуна, пока не образовалось довольно широкое отверстие – увлёкшись, Пафнутий не заметил, как перестарался и соорудил лазейку, куда при желании смог бы пролезть даже кот.

«Родственница» присвистнула:

– Фью-ю-ю! Да тут толпа наших пройдёт! Вот спасибо! Главное, чтобы сторож дыру не заметил!

В пещерный храм вели широкие каменные ступени.

– Куда дальше? – покрутил головой прищелец из будущего, озираясь в небольшом помещении, сохранившем запах раствора, которым скрепляли кирпичную кладку. Вдобавок вкусно пахло ладаном и свечным воском, так что у Пафнутия снова разыгрался аппетит.

В неровном свете лампадок таинственно поблёскивала позолота, а с икон за нарушителями

церковной тишины пристально следили человеческие святые.

– Ступай за мной! – прошелестела мышь и исчезла в глубине необычной комнаты.

«М.н.с.» проследовал за ней к трёхъярусному иконостасу. Возле крайнего слева изображения в нижнем ряду спутница замерла.

– Видишь? – пискнула она.

Пафнутий пригляделся к нарисованному в полный рост старцу, но ничего особенного не заметил.

– Ты на оклад серебряный смотри, – нетерпеливо подсказала новая знакомая, – на уровне его колена.

Место, о котором говорила «родственница», казалось, пожалуй, более матовым, словно его часто касались рукой.

– И что дальше? – путешественник во времени оглянулся на добровольную помощницу. Её глазки загадочно блестели, ничуть не уступая мерцанию чёрных жемчужин, что побывали за щекой кладоискателя.

– Нажми и узнаешь! – не удержалась от торжествующего восклицания мышь, предвкушая, как удивится симпатичный незнакомец.

Но белоснежный красавчик разочаровал – вскарабкавшись на нужную высоту, он потрогал ладошкой выпуклый изгиб узора на серебряном окладе, однако ничего не произошло.

– Сильнее! – разволновалась «проводница», которая, к слову сказать, ещё ни разу

не видела, как работает потайной механизм, а лишь слышала сплетни своих многочисленных товарок.

– Дай-ка я попробую! – раздался вкрадчивый голос.

Мышь немедленно повалилась на каменный пол и вытянула крошечные конечности: то ли прикинулась мёртвой, то ли на самом деле лишилась чувств, когда за её спиной возник огромный кот.

Пафнутий тоже рухнул вниз, но от радости.

– Ван Дейк! – завопил помощник юного химика, и Брысь едва утерпел, чтобы не погладить белобрысого крысюка, так тронуло руководителя миссии искреннее ликование младшего компаньона. Да и сам он с невероятным облегчением перевёл дух, когда Мартин обнаружил свежепроделанный лаз в дубовой двери и подтвердил, что грызуны скрылись внутри храма.

Поразившись предусмотрительности «м.н.с.», который позаботился о размере отверстия, достаточном, чтобы протиснулся упитанный предводитель (значит, верил, что его ищут!), Брысь оставил чересчур крупного пса караулить снаружи и подоспел в нужный момент.

Искатель приключений скользнул опытным взглядом по неподвижному серому тельцу и, безошибочно определив, что родственница Пафнутия жива и здорова, поднялся на задние лапы и надавил на оклад в указанном месте – нарисованный старец отъехал в сторону,

открыв изумлённым взорам крутые ступени, убегающие во мрак...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Подземный ход из пещерного храма Фёдоровского Государева собора является авторской выдумкой, основанной на легендах и слухах.

Глава 23 В ТУННЕЛЕ

— Этому подземному ходу очень много лет! — пискнула «родственница» Пафнутия. (Она перестала изображать покойницу, как только поняла, что симпатичный незнакомец и серо-белый кот друзья-приятели.) — Наверное, Люди обнаружили во время строительства и сохранили!

— Похоже на то! — задумчиво протянул Брысь, вглядываясь в черноту, откуда несло холодом и сыростью. Он «прислушался» к шерстинкам-вибриссам — основе бесценного дара интуиции, но те обиженно «молчали», поскольку давно перестали понимать, что является опасностью для безрассудного кота, а что нет, и где предел его отваги. «Сюда бы Мартина, для надёжности!» — мысленно вздохнул искатель приключений и с опаской стал спускаться по скользким каменным ступеням.

Послышался лёгкий скрежет – дверца-икона задвинулась на место, отрезав путь назад. Грызунам, лучше приспособленным к полному мраку, пришлось возглавить шествие, преодолевая ужас перед неизвестностью. А руководителю миссии оставалось положиться на изумительный слух, чтобы не потерять маленьких проводников в кромешной тьме. (В самом деле, не держать же Пафнутия за хвост, поступившись кошачьей гордостью?!)

– Ты знаешь, куда ведёт туннель? – обратился Брысь к местной жительнице, чтобы звуками голоса заглушить страх – он копошился глубоко внутри и мешал думать.

– Лично я здесь впервые, – охотно отозваласьмышь, довольная товарищеским отношением со стороны представителя враждебного клана, – но, по слухам, он делится на рукава и по ним можно попасть даже в царские дворцы!

В голове старшего кладоискателя отчётливо зазвучало предостережение мамы Лины о призраке Екатерины Первой, «которая не любит, когда вторгаются в её владения», и густая шерсть тут же перестала согревать своего владельца.

Однако зачем бы государю проделывать утомительный путь под землёй, когда он преспокойно мог бы прогуливаться этим маршрутом по свежему воздуху или наслаждаться поездкой в шикарном автомобиле? Новая загадка

помогла отвлечься от трусливых мыслей о призраках, а следующая фраза серой спутницы, приходящейся Пафнутию «семьсот семьдесят седьмой водой на киселе», и вовсе заставила забыть о бесплотных духах:

– Ещё слышала, что где-то тут в подземелье мусоны собираются.

– Масоны, – машинально поправил Брысь. – А вот это очень интересно!

«М.н.с.» тоже оживился, услышав таинственное слово, значение которого пока так и не узнал.

– Вроде бы у них там повсюду кости и черепа разложены, а тому, кто в первый раз приходит, глаза завязывают и острыми мечами в него тычут! А потом надевают фартук и вручают молоток и мастерок, каким строители раствор на кирпичи намазывают! – гордясь познаниями, поведаламышь.

Пафнутий пожалел, что в темноте не может разглядеть выражение жёлтых глаз компаньона – пребывает ли руководитель миссии в таком же недоумении, как и он сам, и точно ли об этих странных Людях шла речь в офицерской комнате? Наверное, всё же придётся обратиться за разъяснениями к Савельичу. Брысь считает чёрного кота философом. Жаль только, что на маленького члена спасательной команды учёный мудрец смотрит с таким презрением!

Помощник юного химика огорчённо вздохнул и посеменил дальше за шустрой абори-

геншей. (Приключения вскружили ей голову, и мышь позабыла, что незнакомцы вовсе не просили их сопровождать, а лишь указать вход в туннель.)

– А ещё они все родственники, потому что друг к другу обращаются «брат», – продолжила вещать добровольная помощница.

Пафнутий недоверчиво хмыкнул – как могла одна семейка «просочиться во все сферы жизни»? Нет, не складывалась картинка! Во всяком случае, в изложении этой, как там её? Неожиданно «м.н.с.» осенило, что он так и не познакомился с «роднёй».

– Тебя как звать-то? – запоздало поинтересовался гордый носитель не только имени, но даже отчества и фамилии (отчество, правда, он присвоил, не спрашивая разрешения у Вовки, а вот на фамилию Менделеев как часть семьи имел полное право).

– Шуша! – отозвалась мышь.

Пришельцы из будущего вспомнили неудачный поход за кладом.

– Знали мы одну Шушу!

– Да мы тут все тёзки! Так удобнее, учитывая наше количество! А то ведь никакой памяти не хватит, чтобы всех запомнить! – разъяснила маленькая спутница нехитрое устройство мышиногo сообщества.

– Разумно! – похвалил кот, хотя про себя порадовался, что не родился мелким грызуном и может носить индивидуальное элегантное имя.

Внезапно Брысь почувствовал, что в подземелье кто-то есть, – всё-таки недаром природа предусмотрительно снабдила его вибриссами, пусть он и не всегда следовал их «советам»!

– Тсс! – шикнул руководитель миссии на спутников, и те притихли, с ужасом прислушиваясь к бешеному стуку сердец, не подчиняющихся приказам. «М.н.с.» даже подумал, что вырабатываемого ими электричества хватило бы сейчас для освещения туннеля вместе с рукавами...

Глава 24

ЗАГАДКИ

Мартин не отрывал глаз от проделанного питомцем Сашиноного друга отверстия в дубовой двери и глубоко вздыхал – ему надоело торчать без дела перед собором, вокруг которого не наблюдалось ни единой живой души (только в домике церковного сторожа светилось окошко), в то время как остальные, включая мелких грызунов, занимались чем-то, безусловно, важным! Кроме, пожалуй, Савельича с Рыжим, оставшихся в роскошном интерьере Кленовой гостиной. Коты, быть может, без зазрения совести разлеглись на облюбованной им медвежьей шкуре!

Пёс впервые пожалел о своих внушительных габаритах – не маялся бы сейчас от скуки,

а участвовал в приключениях вместе с Брысем! А то, что серо-белый приятель, который отсутствовал уже довольно долго, обнаружил потайной ход и увёл Пафнутия и незнакомую мышь в глубины подземелья, не вызывало сомнений – иначе, что помешало бы им давно вернуться назад?!

Оглянувшись на группы военных в отдалении, Мартин подкрался к дыре и снова замер, словно руководитель миссии мог увидеть его перемещения и пожурить за нарушение приказа: «караулить вход, оставаясь незаметным». Пёс просунул нос в отверстие – через вместилистые чёрные ноздри в голову тут же проникли разнообразные сведения, в том числе, что «взломщики» покинули пределы храма. Чтобы окончательно в этом удостовериться, Мартин приложил к лазейке ухо и долго вслушивался в тишину.

Расщеплённое прочными зубами Пафнутия деревянное полотно соблазнительно пахло щепчьи́м детством и навевало приятные воспоминания об отгрызенных мебельных ножках и углах.

«Я только проверю, как белобрысому удалось прокусить такие толстые доски!» – успокоил себя Мартин, вонзая острые клыки в края отверстия, на удивление аккуратно обточенные помощником юного химика. Раздавшийся хруст показался чересчур громким, и пёс боязливо покосился по сторонам – не хватало

ещё привлечь любопытных! Однако поблизости по-прежнему никого не было, и он сомкнул челюсти ещё раз, и ещё... Ну а когда в отверстие стала помещаться голова целиком, Мартин решил, что просто обязан проверить, всё ли в порядке с его друзьями, и довёл лазейку до необходимого размера.

«Ничего, метель занесёт дыру снежком, и до утра её никто не обнаружит!» – утешил себя пёс, призывая высшие силы вмешаться и наслать ветер посильнее.

Стремглав преодолел он крутую лестницу и в растерянности замер посреди пустой комнаты...

* * *

– Тсс! – повторил Брысь, словно грызуны могли утихомирить свои неистово колотящиеся сердца силой воли. (Она, кстати, в данный момент напрочь отсутствовала, вытесненная страхом встречи с невиданными доселе призраками.)

Звуки, которые потревожили тонкий кошачий слух, постепенно оформились в человеческую речь, и руководитель миссии, превозмогая боязнь, осторожно двинулся вперёд в надежде, что привидения разговаривать не умеют, а значит, в подземелье находятся обычные Люди.

Подслушанное чрезвычайно поразило пришельцев из будущего, поскольку никак не вязалось с происходящими наверху бурными

событиями: некто рассказывал то ли сказку, то ли быль времён царя Соломона. Прославленный израильский правитель, по сведениям путешественника во времени, который прочитал немало книг за компанию со своим бывшим хозяином и другом цесаревичем Александром, жил в начале первого тысячелетия до нашей эры и едва ли имел отношение к современным катаклизмам.

Неведомый рассказчик поведал об искусном архитекторе Хираме, нанятом Соломоном для возведения главной святыни иудеев; о том, что тот поделил всех умельцев на разряды и у каждого имелись секретные знаки и особенные слова, которые следовало произносить при получении платы за труд; как трое низших работников подкараулили Хирама и потребовали раскрыть тайные символы высших, но тот отказался и был убит...

– Мусоны заседают! – пискнула Шуша, опять перепутав название, и тут же испугалась, что кот накажет за непослушание.

– Ух ты! – не выдержал и Пафнутий.

К удивлению обоих, руководитель миссии не рассердился.

– Кажется, Шуша права, – прошептал он, жалея об отсутствии всезнающего Савельича. – Масонов ещё называют вольными каменщиками, и у них приняты всякие шифры, как у секретных агентов! Вероятно, этой легендой они намекают на древность своей организации!

– Кому намекают? – затаив дыхание, спросил «м.н.с.» (ему бы хотелось подобраться ближе, но останавливала мысль об «острых мечях», которыми, по утверждению осведомлённой Шуши, были вооружены таинственные личности).

– Может, тому, кто только собирается к ним присоединиться? – предположил Брысь и азартно сверкнул янтарными глазами. – Посмотрим?

* * *

Мартин тщательно обнюхал каменный пол и в изумлении остановился перед крайней слева иконой в нижнем ряду. Здесь следы обрывались, словно компанию проглотил нарисованный старец. Псу даже показалось, что у человеческого святого смущённый вид.

Простодушный здоровяк расстроился из-за подкинутой ему необъяснимой загадки и тоненько заскулил, жалуясь на несправедливую участь...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Соломон – третий еврейский царь, легендарный правитель объединённого Израильского царства в 965–928 до н. э., в период его наивысшего расцвета. Сын царя Давида и Вирсавии (Бат-Шевы). Во время правления Соломона в Иерусалиме был построен Иерусалимский Храм – главная святыня иудаизма. Считается автором «Книги Екклесиаста», книги «Песнь песней Соломона», «Книги Притчей Соломоновых», а также некоторых псалмов.

САВЕЛЬИЧ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

Брысь и Мартин всё не возвращались, и Рыжий подумывал о том, чтобы разбудить философа и тревожиться за друзей вместе. (Савельич дремал в цветочном ящике. Видимо, соскучился по Летнему саду, а потому душистую землю предпочёл мягким диванам и креслам.)

– Давай-ка прогуляемся! – вдруг распахнул он изумрудно-зелёный глаз, затем открыл второй и неожиданно бодро спрыгнул на пол.

«Тоже волнуется!» – догадался бывший эрмик.

– На улице темно и холодно! – опасливо предостерёг он.

– А мы по Дворцу! Недалеко и ненадолго! – словно уговаривая сам себя, произнёс Савельич и решительно направился к выходу. (Философ рассудил, что переживания за неугомонного Брыся, лопуха Мартина и даже за белобрысого грызуна легче переносить, если не сидеть на месте, а заняться, например, изучением дворцовых интерьеров.)

В отличие от подвала, где бурлила жизнь и по коридорам непрерывно сновали Люди, личные покои их величеств поражали тишиной. Государь и его свита отсутствовали. Императрица перебралась в Детскую половину, чтобы неот-

лучно заботиться о заболевших любимых чадах. Лакеи, горничные и камердинеры, закончив выполнение повседневных обязанностей, ожидали новых распоряжений в отведённых им комнатах. Двухметрового роста казаки из Дворцовой полиции охраняли вход в апартаменты снаружи. А потому пришельцы из будущего не попали в поле зрения чьего-либо недремлющего ока. Впрочем, служащие царской резиденции давно привыкли к тому, что питомцы августейших особ свободно носятся по залам, и разгуливающие без присмотра коты удивления бы не вызвали. Если только Савельич — своим угольно-чёрным окрасом, но мало ли кого могли «притащить» великокняжеские любители животных вдобавок к уже имеющимся?!

«Экскурсионный маршрут» путешественники во времени прокладывали наугад, заглядывая в пустующие комнаты.

— А почему Семья не осталась в Зимнем? Разве Царь не должен жить в столице? — задал резонный вопрос Рыжий и перепрыгнул через преградившую путь изящную банкетку. (Философ препятствие обошёл.)

Решение императорской четы поселиться среди чудесных парков, прозрачных прудов, извилистых каналов и живописных озёр царскосельских резиденций Савельич вполне разделял, так как и сам обожал природу, покой и уединение, полезные для плавного течения мыслей.

— А почему выбор пал не на роскошный Екатерининский дворец, а на более скромный Александровский, — продолжил рассуждать он, — ну так Николай Второй тут родился, и детские воспоминания делали этот дворец милей его сердцу. К тому же государыня Александра Фёдоровна, воспитанная в строгости английской королевой Викторией, — противница чрезмерного великолепия и хотела растить детей вдали от соблазнов «высшего света». А уж тот вовсю осуждал Их Величества за не подобающую монархам простоту и непритязательность обстановки. Всю старинную мебель они отправили в комнаты прислуги и заменили её на фабричную, пусть и сделанную на заказ по выбранным Императрицей эскизам. И российские аристократы обвиняли её в отсутствии вкуса.

Бывший эрмитажный мышелов смущённо промолчал — сравнивать он мог только с подвалами Зимнего дворца и Сашиной квартирой, а потому не сумел представить, что на свете бывают более красивые матерчатые обои, по которым удобно забираться под самый потолок; более элегантные шторы, из которых можно выколупывать забавные свинцовые утяжелители; более толстые ковры, о которые приятно точить когти; более мягкие диваны и кресла — для того же самого и куча безделушек в придачу, которые весело ронять на узорчатый паркет, ожидая, что они разлетятся на множество

мелких кусочков, чтобы поиграть с каждым в отдельности!

Жаль, Брысь не велел делать ничего из перечисленного! И размечтавшийся Рыжий решил при случае спросить у августейших питомцев, как им удаётся не портить будущие музейные ценности.

– Но ведь Государыня была немецкой принцессой! При чём тогда английская королева? – вернулся он к теме серьёзной беседы.

– При том, что Александра Фёдоровна приходилась ей внучкой по линии матери, которая умерла, когда наша Царица была ещё маленькой. Вот её и отправили в Англию! И, вообще, королева Виктория – бабушка Европы!

Глаза Рыжего немедленно превратились в «блюдца», и Савельич принялся растолковывать человеческие династические премудрости:

– Когда подросли её девять детей, то она породнила их с представителями европейских монарших домов. Так что почти все правители этого времени – внуки одной английской бабушки! Кстати, именно королева Виктория передала потомкам ужасную болезнь, от которой страдает и Наследник российского престола! Данный прискорбный факт наш «высший свет» тоже ставил в вину несчастной Императрице...

– Зачем же царь Николай на ней женился? Других принцесс не нашлось?

– Любовь! – бросил на ходу философ. За долгую, по кошачьим меркам, жизнь он влюблялся

много раз, а потому глубокое чувство, которое испытывал государь к единственной супруге, вызывало его невольное уважение, тем более что Николаю Второму пришлось ссориться из-за своего выбора с родителями и даже ставить им ультиматум: либо Аликс (как звал он возлюбленную), либо никто!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Виктория (англ. Victoria, имя при крещении Александрина Виктория, англ. Alexandrina Victoria; 24 мая 1819 – 22 января 1901) – королева Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 года и до смерти, императрица Индии с 1 мая 1876 года (провозглашение в Индии – 1 января 1877 года). Унаследовала престол в 18 лет, так как все три старших брата её отца умерли, не оставив легитимных детей. К этому времени Соединённое королевство представляло сложившуюся конституционную монархию, где король практически не имел политической силы. Виктория пыталась влиять на политику правительства и назначения министров. Для народа она стала национальной иконой и считалась человеком строгой морали. Виктория пробыла на троне 63 года и семь месяцев – больше, чем любой другой британский монарх. Викторианская эпоха стала периодом промышленного, культурного, политического, научного и военного развития Великобритании и временем наибольшего расцвета Британской империи. Она была последним монархом Великобритании из Ганноверской династии. Её сын и наследник Эдуард VII принадлежал по линии отца к Саксен-Кобург-Готской династии.

Младший сын Виктории Леопольд болел гемофилией В, и две из её пяти дочерей, Алиса и Беатриса, были носителями. Среди потомков Виктории, страдавших от гемофилии, её правнуки: российский царевич Алексей, Альфонсо – принц Астурийский, и Гонсало – испанский инфант.

ЭКСКУРСИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Друзья перешли в очередной зал, и Савельич воскликнул:

– Лиловый, или Силеневый кабинет – любимая комната Государыни! Смотри, какая у неё библиотека! Тысяча томов! А у Государя и того больше, да ещё на пяти языках!

Философ завистливо вздохнул – впрочем, чтобы перечитать все книги хотя бы по одному разу, потребовалось бы несколько кошачьих жизней! Хватит ему и тех фолиантов, что ждут на полках в Сашиной квартире! Да и с иностранными у него дела обстоят не ахти... Пожалуй, во французском немножко поднаторел, но всё равно не достаточно, чтобы Вольтера в оригинале изучать...

– А я понял, почему зал так называется! – нарушил возвышенные мысли книгочея радостный возглас Рыжего. – Тут всё силеневого цвета: и стены, и портьеры, и ковры!

– Молодец, потрясающая догадка! – язвительно отозвался Савельич, не в силах оторвать взгляд от книжных корешков.

– Высматриваешь своё имя? – съехидничал в ответ Рыжий.

Летнесадовский мыслитель шире распахнул глаза, словно и впрямь разглядел среди

множества витиеватых надписей ту единственную, ради которой стоило оторваться от размышлений о жизни и наконец попробовать взяться за чернила, тем более что его лапы и так чёрные, а значит, в отличие от Брыся, не очень-то он и перепачкается...

Нехотя отогнав приятное наваждение, Савельич продолжил любимое занятие, а именно: делиться знаниями с окружающими, представленными в данный момент малообразованным Рыжим.

– Между прочим, императорская чета устроила здесь свою первую ёлку 24 декабря 1895 года! Их дочке Ольге, теперешней Васькиной хозяйке, исполнилось полтора месяца, и счастливая семья только обустроивалась в Александровском дворце. Сами в жилых апартаментах всё расставляли, ну кроме тяжёлой мебели, конечно!

Из Лилового кабинета «экскурсанты» попали в ванную комнату с большой кафельной печкой. Возле неё возвышалась аккуратная горка дров, и книгочей снова отличился, заявив, что огонь разводит государыня. Рыжий не поверил – для чего же тогда царям столько челяди, если и то сами, и это?

– По штату положено, – убеждённо произнёс начитанный приятель, – но эта последняя императорская чета постоянно нарушает заведённые порядки: вместе с детьми сажают огород, чистят снег, колют лёд на прудах, чтобы рыбе

легче дышалось, метут дорожки в парке... Не по необходимости, конечно, а с воспитательной целью и в удовольствии!

(Рыжий тоже любил помогать дворцовым дворникам, когда «служил» мышеловом в Зимнем, но те почему-то не приветствовали его трудовые порывы, полагая, что кот просто балуется с мётлами и мешается под ногами.)

— У Николая Второго даже личного секретаря нет, потому что он любит вникать в каждый документ, прежде чем подписать и шлёпнуть царскую печать! Он прекрасно разбирается и в экономике, и в финансах, и в военной стратегии! — выкладывал Савельич всё новые и новые поразительные сведения.

Бывший эрмик хотел спросить, почему же тогда в стране всё пошло наперекосяк, но обнаружил в углу деревянную лестницу на второй этаж, в Детскую половину, и отвлёкся.

— Поднимемся? — предложил он, малодушно затягивая возвращение в Кленовую гостиную — вдруг друзья так и не появились, а никаких идей, где их искать, в его лохматой голове не возникло! И судя по тому, как легко согласился Савельич, в его гладкой — тоже!

Рыжий намного опередил пожилого философа, неспешно переставлявшего лапы со ступеньки на ступеньку, и чуть не угодил под ноги статной женщине в сером платье сестры милосердия, виденной им на фотографиях. Дама слегка наморщила высокий лоб, то ли

удивляясь появлению незнакомых котов, то ли пытаясь признать в них знакомых, и скрылась в одной из комнат.

«Экскурсанты» осмелели – раз сама государыня не стала возражать, что по Дворцу бродят посторонние, то уж прислуги и вовсе не обязательно было сторониться! И пришельцы из будущего, гордо задрав разномастные хвосты (у Савельича эта деталь туловища походила на обычный флагшток, а у Рыжего – на пышное экзотическое опахало), заглянули в первую приоткрытую дверь и... тут же отпрянули – вход сторожила огромная собака!

Отважные «спасатели», спотыкаясь друг о друга, кинулись прочь от опасной комнаты и кубарем скатились по лестнице, по которой только что поднялись. Вслед им, однако, не удалось ни сердитого лая, ни топота мощных лап.

Отдышавшись, любопытные коты вновь забрались по ступенькам и подкрались к месту, откуда началось их позорное бегство. Белый с чёрными пятнами пёс стоял неподвижно возле своего домика, повернувшись к двери мохнатым задом. На «экскурсантов» он не оглянулся. Тут же располагалась полосатая будка караульного, а в ней по стойке «смирно» замер охранник, выпучив деревянные, как и он сам, глаза. Для пущей убедительности страж был одет в униформу, а его лицо, разукрашенное масляной краской под «настоящее», могло бы снова отпугнуть пришельцев из будущего, если

бы к этому моменту они уже не догадались, что перед ними – большие игрушки...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Вольтер (фр. Voltaire; 21 ноября 1694, Париж, Франция – 30 мая 1778, Париж, Франция; имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк, публицист.

Николай II получил домашнее образование в рамках большого гимназического курса по специально написанной программе, соединявшей курс государственного и экономического отделений юридического факультета университета с курсом Академии Генерального штаба. Учебные занятия велись в течение 13 лет: первые восемь лет были посвящены предметам расширенного гимназического курса, где особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, английского, немецкого и французского языков (английским Николай Александрович владел как родным), позже к ним добавился датский; последующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук, необходимых для государственного деятеля.

Глава 27

ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ

Сквозь едва заметную щель в старинной кирпичной кладке, какую представляли из себя стены туннеля, пробивалась полоска света. Вероятно, следовало задействовать некий потайной рычаг, чтобы образовался проход

в помещение, откуда доносились человеческие голоса. Скрывалась ли за каменной преградой пещера или ход вёл в подвал какого-то дома или даже дворца, «исследователи» определить не могли и замерли, прислушиваясь к загадочным речам.

Предположение Брыся, что он и его спутники стали невольными свидетелями обряда посвящения в масоны, окончательно окрепло. Чей-то восторженный голос дал зарок хранить и оберегать секреты Братства и не выдавать его членов даже под страхом «исторжения сердца из груди».

Обязательство звучало так грозно, что впечатлительный Пафнутий схватился за то место, где неистово колотился богатый электричеством орган, словно помощника юного химика уже уличили в разглашении запрещённых тайн и сейчас займутся вскрытием его белоснежной грудной клетки.

Клятву предваряла череда странных вопросов и замысловатых ответов, и маленькая Шуша охала на разные лады, удивляясь Людям, которым требовалось устраивать мудрёный спектакль, чтобы стать добродетельными (как гласил торжественный обет). Мышка неутомимо рыскала вдоль стены, надеясь отыскать подходящую для её миниатюрного размера лазейку, потому что узкий просвет не позволял видеть диковинную церемонию, а ей очень хотелось на неё поглазеть.

Брысь на подобное везение для себя не считывал и целиком обратился в слух, всё больше изумляясь услышанному.

В тоне того, кто задавал вопросы, чуткое кошачье ухо распознало скуку и желание поскорее закончить «представление». Искренне взволнованным оставался лишь «посвящаемый» – молодой идеалист (судя по дрожащему высокому голосу), старательно вызубривший роль.

– Где ты готовился к вступлению в вольные каменщики? – спросил «ведущий» (как окрестил его Брысь).

– В своём сердце! – с готовностью ответил испытываемый.

– Где ещё?

– В специально отведённой комнате!

– Кто привёл тебя?

– Друг!

– Почему у тебя отобрали металлические вещи?

– Чтобы я не внёс чего-либо, предназначенного для нападения или защиты, и не нарушил гармонию Ложи!

– Вторая причина?

– Как напоминание о том, что следует помогать нуждающимся братьям!

– Третья причина?

– Известно, что во время строительства храма Соломона не было слышно стука металла: камни добывали в каменоломнях вдали от Иерусалима, а деревья рубили в рощах

Ливана, затем обтёсывали и нумеровали и лишь после этого доставляли на место!

– Для чего так делалось?

– Когда их собрали вместе, каждый элемент в точности соответствовал своему положению, так что храм походил на произведение Великого Архитектора Вселенной, а не на дело рук человеческих!

– Почему тебе завязали глаза?

– Если бы я отказался пройти испытания, то меня могли бы вывести из ложи, не раскрыв её вида и убранства!

– Вторая причина?

– Чтобы напомнить о таинствах Братства!

– Третья причина?

– Чтобы моё сердце уверовало до того, как глазам будет позволено увидеть! – заученно рапортовал «посвящаемый».

В чудной диалог вклинилось радостное восклицание:

– Нашла!

Довольная Шуша чуть не плясала от восторга, словно обнаружила ход в кладовку с сыром и орехами. Озорно подмигнув незнакомцам, подарившим ей столь увлекательное приключение, юркая мышка скрылась в крохотном отверстии.

Пока она отсутствовала, пришельцы из будущего успели узнать, что перед началом ритуала у «кандидата» не только отобрали все металлические предметы и завязали глаза, но ещё обнажили правую руку и левую сторону груди,

на левую ногу надели сандалию, а на шею накинули петлю (что, по авторитетному мнению домашних питомцев, вовсе не являлось таким же знаком любви и привязанности, как ошейник). Каждому совершённому над ним действию, испытываемый обязан был найти три объяснения.

И почему Люди так равнодушны к затейливым обрядам?! Хотя некоторые Брысю определённо нравились. Например когда мушкетёры, не произнося высокопарных слов о дружбе, обменивались красноречивым жестом, прикладывая два пальца правой руки к сомкнутой в кулак левой, что означало: «Один за всех, и все за одного!» Или перед началом поединка чопорно кланялись неприятелю, красиво взмахивая шляпой, и произносили волшебную фразу, от которой у путешественника во времени до сих пор сладко сжималось сердце: «Я имею честь атаковать вас!» Или...

От дальнейших перечислений руководителя миссии отвлекла вернувшаяся из «разведки» Шуша...

Глава 28

«ОТЧЁТ» ШУШИ

Шуша вернулась не с пустыми лапками – в каждой она сжимала по кусочку чёрного хлеба. Положив угощение перед онемевшей

от удивления парочкой, она снова исчезла и вскоре притащила добавку. После нескольких «ходов» заботливой мышки перед пришельцами из будущего образовалась небольшая горка чёрствых сухариков, и Пафнутий, не веря счастьем, с наслаждением вонзил зубы в лучший на свете подарок.

Непредсказуемая жизнь и вынужденное сотрудничество с представителями грызунов, граничащее с дружбой, воспитали в Брысе широкие кулинарные вкусы, а потому руководитель миссии не отставал от белобрысого крысюка, попутно выслушивая отчёт маленькой «разведчицы».

К сожалению, никакой церемонии она не увидела, потому что в комнате, куда вела лазейка, находилось лишь то, о чём шуршала мышиная молва: череп и кости человеческого скелета. Ещё горел масляный фонарь, а на каменном полу стоял глиняный кувшин с водой и лежал тот самый засохший кусок хлеба, который Шуша предусмотрительно разгрызла, чтобы вынести через крохотное отверстие, и который уже благополучно переместился в желудки путешественников во времени. В помещении она также заметила деревянный стол с принадлежностями для письма и странный предмет в форме больших песочных часов, только вместо сыпучего содержимого его наполняла подкрашенная вода.

— Клепсидра! — заявил бывший Придворный Кот (он видел такую «игрушку» в каби-

нете цесаревича). – Вероятно, в той комнате испытуемый готовился к ритуалу и на всё про всё ему отводилось определённое количество минут.

– Но почему бы не воспользоваться обычными человеческими часами с циферблатом и стрелками? – поразился Пафнутий очередной странности таинственных вольных каменщиков.

– Вероятно, ещё один символ, – попробовал догадаться Брысь. – Водяные часы очень древние. Скорее всего, это из-за них появилось выражение: «Время истекло!»

– Эх, опоздали! – с сожалением вздохнула мышка. – Наверное, братья уже потыкали новенького мечами и увели в другой зал! Там под дверями щёлочка есть, пойду посмотрю, чем дело кончится!

Шуша опять юркнула в дырочку, а пришельцы из будущего наострили уши и... уловили жалобный скулёж вдалеке, заглушаемый расстоянием и толстыми стенами туннеля. Брысь распознал голос и вытаращил глаза:

– Мартин! Я совсем про него забыл!

– Он помогал меня искать? – спросил польщённый Пафнутий.

– Надеюсь, ему хватит сообразительности вернуться во Дворец, а не торчать возле собора до второго пришествия! – подсадовал руководитель миссии на неудачно сложившиеся обстоятельства.

– Да уж! Тем более что второго пришествия не будет, раз икона задвинулась! – по-своему понял услышанное «м.н.с.».

Брысь покосился на белобрысого помощника юного химика и покачал головой – всё-таки грызуну явно не хватало гуманитарного образования!

Тем временем за стеной продолжалась беседа, из которой выходило, что нет на свете Людей более честных и добродетельных, а также более презирающих почести, титулы и богатства, чем братья-масоны, но самовосхваления вызвали у руководителя миссии сомнения, и он надеялся, что мудрый приятель-философ их развеет...

* * *

– Игрушечный магазин? – наивно предположил Рыжий, вспоминая витрины, мимо которых доводилось пробегать, пока жил в Петербурге.

Вдоль стен удивительной комнаты толпились большие и маленькие макеты военной техники и красовался автомобиль «Мерседес». Правда, в уменьшенном виде. С высокого потолка свисали на верёвочках модели аэропланов. На специальной подставке расположился парусный корабль. Один из углов комнаты занимала электрическая железная дорога. С ландшафтами, станциями, мостами, шлагбаумами, стрелками, фигурками людей на перронах и поездом – блестящим локомотивом, к которому цеплялись пассажирские и спаль-

ные вагоны. В нём имелся даже ресторан – в окнах виднелись обедающие куколки.

Савельич не отозвался – его внимание привлекла рельефная панорама какого-то сражения с тысячами маленьких солдат и сотнями орудий.

– Бородинская битва! – наконец воскликнул он. – Смотри, вот наши, а вот французы в треугольных шляпах!

Рыжий занялся подсчётом убитых и раненых с обеих сторон, но быстро сбился и застенчиво спросил, был ли победитель в столь кровопролитной схватке.

В ответ философ строго сверкнул глазами и назидательно произнёс:

– Историю страны проживания должен знать каждый уважающий себя кот!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Водяные часы, или клепсидра, – известный со времён ассиро-вавилонян и древнего Египта прибор для измерения промежутков времени в виде цилиндрического сосуда с истекающей струёй воды. Был в употреблении до XVII века. У римлян были в большом ходу водяные часы самого простого устройства, так, например, ими определялась длина речей ораторов в суде. Первые водяные часы устроил в Риме Сципион Назика (157 г. до н. э.). Наряду с другими предметами клепсидра входит в обряд посвящения в масоны. В современном мире клепсидра широко применяется во Франции в телеигре «Форт Боярд» во время прохождения игроками испытаний и представляет собой поворотный механизм с подкрашенной синим цветом водой.

Фразеологизм «Ждать до второго пришествия»: верующие люди считают, что Иисус Христос вернётся в мир смертных ещё раз. Это событие получит название «второе пришествие Христа», и случиться оно должно перед самым концом света. Фразеологизм «ждать до второго пришествия» уже многие века означает «ждать целую бесконечность».

Глава 29

МАРТИН ЗАВОДИТ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Так и не придумав решения загадки, куда подевались Брысь и грызуны, Мартин выбрался наружу и поплёлся назад во Дворец. В голове бедного пса крутились мрачные мысли. Что, если руководитель миссии опять провалился во времени? Тогда всему конец! Без находчивости предприимчивого кота осуществить грандиозный замысел спасения царской семьи не представлялось возможным. Во всяком случае, Мартин не видел достойных кандидатур на звание «главного» в их группе.

Савельич, спору нет, умнейший кот, но чересчур осторожный. Рыжий – добрый и милый и, говорят, даже совершил ради Брыся подвиг, но тащить раненого на верёвке по вентиляционной трубе – это одно, а организовать столь масштабную операцию, какую они задумали, – совсем другое! Августейшие питомцы...

Те слишком напуганы рассказами пришельцев из будущего о надвигающихся грозных событиях и, как только узнают, что предводитель исчез, совсем деморализуются! Он сам... Эх, если бы подраться с кем-нибудь ради благой цели или даже погибнуть в неравном бою, он бы не колебался ни мгновения, а вот придумать, как сохранить такое большое количество чужих жизней, ему не под силу! Сообразительности не хватит...

В грустных раздумьях Мартин не заметил, как очутился перед воротами, через которые они с Брысем покинули территорию императорской резиденции. Чёрная с золотом решётка равнодушно преграждала вход, а успешные смениться на посту казаки, разумеется, не признали в огромной дворняге приятеля царских питомцев и внутрь не пустили.

Опечаленный пёс уселся возле ограды, не сводя глаз с окон Дворца, призывно желтеющих сквозь железные прутья и стволы деревьев. В другое время года он сделал бы подкоп, но мёрзлую землю не одолеют даже его мощные когти!

В ярком свете фонарей выписывали замысловатые танцевальные па весёлые снежинки, и Мартин позавидовал их беспечности. Мимо прошёл военный в начищенных до блеска сапогах, мелькающих из-под длинной шинели. Одной рукой в чёрной перчатке он придерживал саблю, которая болталась в посеребрённых

ножнах на кожаной портупее и напомнила путешественнику о мушкетёрских шпагах и недавних опасных похождениях. (С появлением в их семье неугомонного Брыся он вообще забыл про безмятежность и покой, когда самым ярким переживанием дня были только мирные прогулки на поводке по пустырю за домом и возможность отобрать у какой-нибудь зазевавшейся вороны косточку, добытую хитрой птицей в мусорном бачке, чтобы тут же её проглотить или закопать до лучших времен втайне от любимых родителей. А ещё – издали порычать на ротвейлера из соседнего подъезда, потому что померяться силой им обоим запрещали строгие правила хорошего собачьего поведения.)

Не останавливаясь, человек ободряюще провёл свободной рукой по уныло свисающим треугольникам больших ушей. Мартин удивился – обычно его внушительный размер вызывал у незнакомых Людей если не страх, то почтение, и уж точно никто не отваживался вот так запросто гладить здорового пса!

Смельчак удалялся, по-строевому чеканя шаг, и пришелец из будущего отправился следом, надеясь, что тот свернёт к воротам, а когда ему откроют, то прорваться на территорию – дело техники!

Однако военный, хрустя снегом, протопал дальше вдоль ограды. Мартин немного поколебался и продолжил идти за ним. В конце концов, в царскую резиденцию вёл не единственный

вход и, вполне возможно, человек намеревался войти через следующий.

Внезапно он обернулся, и пёс от неожиданности отскочил в сторону.

– И зачем ты за мной увязался? – потребовал ответа офицер, правда, совсем не строгим голосом.

Мартин неуверенно вильнул белой кисточкой на хвосте – он, собственно, ни за кем не увязывался, а просто искал возможность проникнуть за решётку неприступной ограды.

Военный слегка нагнулся и участливо потрепал симпатичную дворнягу по загривку. На золотистых погонах Мартин разглядел по красной полоске и четыре звёздочки. «Интересно, что за чин», – машинально подумал он, в изумлении уставившись на склонённое к нему лицо. Вот если бы этому Человеку волосы подлиннее, а вместо каракулевой папахи – шляпу с пером, то получился бы вылитый Атос, его бывший французский хозяин! (Мартин и не подозревал, что почти в точности повторил высказывание Брыся, которому «четырёхзвёздочный» тоже напомнил благородного мушкетёра.)

– А ты красавец! – улыбаясь, продолжил знакомство офицер.

– Ещё бы! Всё-таки я лишь по происхождению дворовый пёс, а по остальным параметрам – настоящая домашняя собака, ухоженная и с ошейником, во всяком случае, след от него остался! – гордо сообщил Мартин.

– Прости, дружище! Я тебя не совсем понял! Кажется, на тебе когда-то был ошейник, – вглядываясь в полоску примятой густой шерсти на могучей шее, произнёс военный и распрямился. – Что мне с тобой прикажешь делать?

– Проведи меня через ворота, а там уж я сам! – старательно пролаял Мартин, для убедительности усердно размахивая хвостом.

– Да вижу, вижу, что ты со мной разговариваешь, да вот не дал Бог таланта к собачьему языку! – извинился «Атос» (как решил его именовать пёс в память о былых приключениях). – Давай-ка заглянем в одно место, тут недалеко, а потом вместе придумаем, что дальше! Идёт?

Мартина предложение не очень устраивало, но другого плана пока не имелось, так что он согласно побежал вперёд, оборачиваясь и спрашивая, правильная ли дорога...

Глава 30

САВЕЛЬИЧ ПРОВОДИТ ЛЕКЦИЮ

Рыжий смущённо потупился, а Савельич прошёлся вдоль панорамы Бородинского сражения, придумывая, с чего начать просвещение неуча. Очень хотелось с самых истоков – с 862 года, когда, согласно летописям, образовалась Древняя Русь, а то и с более ранних

времен, с перечисления живших на этой территории народностей. Но размер жёлто-зелёных «блюдец», занимавших чуть не половину пушистой головы, не позволял надеяться, что там найдётся место, чтобы впихнуть весь необходимый объём знаний, и книгочей ограничился знаменитой битвой.

— К западу от Москвы расположено село Бородино. Возле него 26 августа по существующему пока летосчислению произошло крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года, — наконец заговорил он тоном лектора (Рыжий в университетах не обучался, но ему казалось, что тамошние профессора непременно смахивают на Савельича). — В нём участвовало почти двести пятьдесят тысяч солдат! Почти шестьдесят тысяч погибли в бою... Причём соотношение не в нашу пользу! — внезапно погрустнев, добавил философ. — Французы потеряли десять тысяч убитыми, а мы — пятьдесят! У них погибло или ранено шесть генералов, а у нас аж целых сорок!

Рыжий искренне огорчился:

— Мы проиграли?

Но книгочей отрицательно качнул чёрными лысеющими ушами:

— Уникальность Бородинской баталии в том, что и мы, и наш противник сочли её выигранной!

— Как это? — изумился Рыжий, завидуя глубоким познаниям учёного друга.

– А вот так! В конце битвы обе армии оказались на исходных позициях! Наполеон Первый Бонапарт заявил, что это было самое ужасное из всех его сражений, но что французы показали себя в нём достойными победы, а русские заслужили право быть непобедимыми! На следующий день наш командующий Михаил Илларионович Кутузов дал приказ оставить врагу Москву, чтобы сохранить остатки армии. Но неприятель там не задержался и вскоре с позором бежал из России!

– Так им и надо, захватчикам! – возликовал Рыжий, но вдруг смутился, вспомнив недавнее кувырканье по лестнице – наверное, они с Савельичем были похожи на отступающих в панике французов...

Выждав для приличия, не продолжится ли лекция, миролюбивый эрмик задал давно мучивший его вопрос:

– Почему Люди так часто воюют?

– Не кошачьего ума дело! – сердито парировал философ (эта проблема занимала его в не меньшей степени, и над её решением летнесадовский мыслитель безуспешно бился уже много лет, читая печальные новости в газетах, которые забывали на скамейках посетители).

Но Рыжий проявил редкостное упорство и не отставал:

– Почему не кошачьего? Мы тоже страдаем! И собаки! И вообще все звери! Кто-нибудь

подсчитал, сколько их погибло во время хотя бы одного сражения?! А царские питомцы?!

– Мы погибнем?! – в ужасе вскричал Джой, неожиданно возникший на пороге комнаты.

Савельич насупился.

– Прости, не хотели вас пугать... Но ведь вы всё равно не оставили бы своих хозяев!

Кудрявый спаниель пригорюнился. Однако пришельцы из будущего, несомненно, правы – никто из них не покинул бы любимых Людей в трудную минуту и разделил бы даже самую злую участь! Ах, как некстати свалила тяжёлая болезнь их высочества! Успеют ли выздороветь к моменту бегства? И удастся ли задуманное?

– А где ваши друзья? – настороженно оглядел Джой поредевшие ряды «спасателей».

Бесхитростный Рыжий открыл рот, чтобы поведать об исчезновении в неизвестном направлении сначала Пафнутия, а потом и руководителя миссии с Мартином, но психолог Савельич опередил его и успокоил августейшего питомца, соврав, что остальные заняты поиском туннеля.

– А ты нас зачем разыскивал? – поинтересовался он, надеясь услышать, что цесаревичу стало лучше.

– Хотел узнать, во что вы тут играете! – гостеприимно завиллял Джой хвостиком-кулышкой. – Пойдёмте, я покажу вам горку! Она хоть и деревянная, но очень скользкая, и мы с неё катаемся!

– На улицу? – с подозрением спросил Савельич, которому не хотелось покидать тёплый Дворец (он обратил внимание, что ни один камин не топился, значит, огромное здание обогревалось батареями, как в Сашиной квартире).

– Да нет, тут в коридоре!

– Давайте лучше посмотрим на слона! – предложил Рыжий, не оставлявший мечту увидеть гигантское животное воочию.

Но питомец его высочества огорчил:

– Не получится! Слон живёт в отдельном доме, а в парк сейчас выходить нельзя! Ночью территорию охраняют немецкие овчарки и доберманы! Они зазнайки и с нами не дружат!

Рыжий и Савельич переглянулись – хорошо бы поиски белобрисого грызуна затянулись, чтобы друзьям не пришлось возвращаться, рискуя жизнью...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Согласно «Повести Временных лет» годом образования Древней Руси считается 862-й. На территории проживали славянские и финно-угорские племена.

Бородинское сражение (во французской истории – битва у Москвы-реки) – крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года между русской армией под командованием генерала М.И. Кутузова и французской армией Наполеона I Бонапарта. Состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 года у села Бородино, в 125 км к западу от Москвы. В ходе 12-часового сражения французской армии удалось потеснить позиции русской армии в центре и на левом крыле, но после

прекращения боевых действий французская армия отошла на исходные позиции. Таким образом, в русской историографии считается, что русские войска одержали победу, однако на следующий день главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов дал приказ отступать в связи с большими потерями и из-за наличия у императора Наполеона больших резервов. Считается самым кровопролитным в истории среди однодневных сражений. Историки разнятся в определении численности войск с той и с другой стороны. Однако все сходятся во мнении, что армия Наполеона превосходила численностью русскую армию не менее чем на 20 тысяч человек. (Общая численность русской армии определяется в 112–120 тысяч и 640 орудий, французской – около 138 тысяч солдат и 587 орудий.) Нет точных сведений и о потерях. По самым скромным оценкам, каждый час на поле погибало или получало ранения около 6 000 человек. 8 сентября является Днём воинской славы России (эта дата получена путём ошибочного пересчёта с юлианского календаря на григорианский дня Бородинского сражения. На самом деле таковым является 7 сентября).

Глава 31

МАРТИН ПОПАДАЕТ В ИМПЕРАТОРСКИЙ ГАРАЖ, А БРЫСЬ И ПАФНУТИЙ ИДУТ ДАЛЬШЕ

«Одним местом», куда привёл Мартина его новый знакомый, оказался Императорский гараж, хотя издали он напомнил путешественнику во времени дома в предместьях Парижа – их стены тоже украшал орнамент из вертикальных и горизонтальных балок. Вблизи

выяснилось, что особняков с деревянным рисунком два, поменьше и побольше. Военный направился ко второму.

Через ярко освещённые окна нижнего этажа просматривался огромный зал, и у пришельца из будущего глаза сначала разбежались от количества диковинных автомобилей, а потом (уже внутри) чуть не ослепли от блеска хромированных деталей. Старенький семейный Форд, хоть и «родился» в двадцать первом веке, но по всем параметрам уступал далёким предшественникам и померк бы окончательно, если бы не цвет – серебристый, тогда как вольготно расположившиеся в просторных апартаментах «колесницы» одинаково отливали чёрными боками.

Вокруг холёных железных красавцев суетилось несколько десятков механиков, что-то любовно протирая, подвинчивая и подкручивая в своих подопечных. «Атос» уверенным шагом приблизился к худощавому человеку с задорно торчащими усами, который как раз вылез из-под удивительной машины: к передней её оси крепились лыжи, а на задние колёса выдумщик-конструктор нацепил гусеницы, как у танка.

Вместо приветствия усатый принялся оживлённо размахивать руками и быстро лопотать по-французски. Мартин напрягся, пытаясь оживить в памяти хоть какие-нибудь знания, обрётённые в общении с мушкетёрами,

но ничего не вышло, только зря утомился. Вероятно, речь шла об автомобилях, потому и слов таких во Франции начала семнадцатого века не существовало, утешился он.

К великому огорчению, офицер тоже ответил на чужом языке, и Мартин обиженно толкнул его носом.

– О, у тебя большой приятель! – воскликнул усатый с лёгким иностранным акцентом, видимо имея в виду размер пса.

– Да вот, обзавёлся другом по дороге! – согласился штабс-капитан. – Наверное, переживает, что разговариваем не по-русски!

– Вот именно! – громким лаем порадовался Мартин сообразительности нового знакомого. (Всё-таки недаром он похож на благородного Атоса!)

Дальше беседа потекла на доступном собачьему уху наречии и привела к совершенно неожиданному повороту...

* * *

От безобидных перечислений собственных достоинств вольные каменщики перешли к куда более серьёзным вещам – необходимости соблюдать строгую субординацию, принятую в Ложе, и неукоснительно выполнять приказы тех «товарищей», кто выше рангом. (Кстати, обращение «товарищ» употреблялось не менее часто, чем «брат», а значит, Шуша ошибалась, считая, что все масоны родственники!)

Затем прозвучала цель Ордена – скорейшее свержение монархии! «Новообращённому» сразу и поручение дали – настраивать сослуживцев на поддержку восстания в Петрограде. (И Брысь сделал неутешительный вывод, что к Братству примкнул военный из Царскосельского гарнизона.) Особенно настораживало упоминание о «Приказе № 1», который якобы в ближайшие дни поступит в войска, и руководство военными частями перейдёт к нижним чинам, а генералы и высшее офицерство должны будут согласовывать с ними свои решения!

Неужели всё-таки масонский заговор?! Но как же тогда слухи о том, что к вольным каменщикам принадлежали сплошь аристократы и даже августейшие особы?! Бывший Придворный Кот запутался в человеческих политических хитросплетениях и мечтал поскорее передать Савельичу добытые сведения, чтобы услышать, что обо всём этом думает философ.

Пафнутий между тем прилежно запоминал символы таинственных каменщиков (с целью расширения кругозора). Однако таковых оказалось больше, чем смогла вместить его маленькая голова, а потому в памяти грызуна сохранились лишь самые простые: угольник, циркуль, фартук, строительный мастерок, раскрытая книга и пламенеющая звезда...

Вернувшаяся Шуша ничего нового не добавила, кроме того, что в комнате горели свечи

и находилось человек десять в чёрных накидках, и что помещение смахивает на обустроенный для церемоний зал в подвале чьего-то особняка, и что в нём наверняка имеется кладовка с припасами, так что если в её услугах больше не нуждаются, то она бы посвятила оставшийся вечер поискам ценной для мышиноного семейства информации.

– Прощай, Шуша! – всхлипнул чувствительный «м.н.с.» и обнял крошечную помощницу, забыв, что некоторое время назад не хотел с ней знаться и делиться сброшенным с мусоровоза добром.

Впрочем, головка «семьсот семьдесят седьмой воды на киселе» была ещё меньше, чем у белобрысого крысюка, а потому досадный эпизод улетучился из неё значительно раньше.

– Прощайте, месью! – мышка всё-таки не до конца поверила, что перед ней соотечественники, и ввернула второе (оно же и последнее) иностранное словечко, которое знала.

Проследив, как хвостик юркой аборигенши скрылся в отверстии, «спасатели» отправились дальше по туннелю – им предстояло во что бы то ни стало найти царское «метро» или хотя бы просто выход на поверхность...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Первое здание Императорского гаража было возведено в 1906 году поблизости от Александровского дворца – ре-

зиденции государя. Это было двухэтажное здание в стиле английского коттеджа. На нижнем этаже стояли автомобили и находились мастерские, а на втором жили служащие гаража. С 1906 года в здании Императорского гаража начинает работать первая в России автошкола – «Императорская школа шофёров». Но даже с её появлением императора долгое время возил князь Орлов. Позже личным водителем Николая II стал француз Адольф Кегресс. Шофёры в то время выполняли три функции: водителя, механика и телохранителя. К концу 1906 года в Императорском гараже стояло уже 7 легковых автомобилей: три поражающих роскошью «Делоне-Бельвилля» и четыре быстроходных и надёжных «Мерседеса», а также омнибус фирмы «Бенц». Собственностью императорской семьи был только один «Делоне-Бельвилль», остальные стояли на балансе государственной казны и обслуживали царскую свиту. В 1908 году архитектором В. Липским было возведено ещё одно двухэтажное здание общей площадью 367,6 кв. м. в стиле модерн. Здание было предназначено для гаража-резиденции Адольфа Кегресса, который, помимо того что возил императора, занимал должность начальника технической службы. Барельеф над центральным окном второго здания Императорского гаража изображает первые в России автогонки, проводившиеся в те годы в Царском Селе. Поскольку императорский автопарк стремительно расширялся, в 1913 году было возведено третье здания гаража, так называемый «Белый гараж», предназначенный для хранения императорских автомобилей. Проект здания в неоклассическом стиле площадью 2212,5 кв. м выполнил архитектор А. Миняев. Постройка представляет собой единый зал-манеж, вмещающий до 40 автомобилей. Гараж-хранилище был оснащён наилучшим образом. В нём были автоматические ворота, автомойка и другое всевозможное гаражное оборудование. К этому времени Императорский гараж пополнился разнообразными марками автомобилей. Николай II сохранял верность первой полюбившейся марке и продолжал ездить на «Делоне-Бельвилле».

Приказ № 1 издан объединённым Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 (14) марта 1917 года

во время Февральской революции с целью максимальной демократизации армии. Согласно нему во всех воинских частях должны были состояться выборы командиров, а нижние чины получали право контролировать решения выше стоящих. Активное участие в выработке и редактировании текста приказа приняли меньшевик Семен Кливанский и внефракционный социал-демократ, секретарь исполкома Петросовета Н.Д. Соколов (масон, друг А.Ф. Керенского). Этот приказ привёл к разложению армии, катастрофическому упадку дисциплины, а в конечном итоге – бесславному выходу России из Первой мировой войны и подписанию унижительных условий Брестского мира.

Глава 32

МАРТИН ПРОЯВЛЯЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

— **М**ожет, поднимемся ко мне и выпьем чайку? – радушно пригласил француз (из чего Мартин заключил, что усатый живёт в этом же здании) и заговорщицки подмигнул псу, словно согласие зависело именно от него.

– В другой раз, Адольф! – отказался «Атос». – Нужно успеть обернуться за ночь! Хочу сам посмотреть, насколько серьёзна ситуация!

Задорные усы иностранца первыми отреагировали на услышанное и перестали весело топорщиться, а затем и взгляд погрустнел:

– Неужели революция?

– Гораздо хуже! – мрачно отозвался спутник Мартина. – Хаос!

Пришелец из будущего заволновался – кажется, новый знакомый собирался куда-то ехать. Куда-то, где опасно... Имеет ли он право отпускать в одиночку того, кто назвал его своим другом? К тому же так похожего на Атоса?

Вероятно, вся гамма переживаний отразилась на бесхитростной собачьей морде, потому что офицер твёрдым голосом произнёс:

– Нет, ты остаёшься!

И, обернувшись к усатому, попросил:

– Подержи его у себя до моего возвращения!

Однако Мартин уже принял решение и не стал дожидаться, что ответит француз. Вместо этого он запрыгнул в открытую дверцу ближайшего автомобиля, похожего на карету, только лошадей заменял длинный цилиндр с выпуклыми фарами, а дверца, как оказалось, не была открыта, а вовсе отсутствовала.

– Вот и замена мне нашлась! – невесёлым тоном пошутил Адольф.

Только тут пёс заметил, что уселся на водительское место, расположенное, в отличие от их семейного «Форда», с правой стороны. Руль выдавался глубоко в кабину и почти упирался в широкую грудь Мартина.

– Губа не дура! «Делоне Бельвилль» – любимый мотор государя! – укоризненно покачал головой «Атос».

Сконфуженный пёс выпрыгнул из машины и побежал вдоль ряда не менее диковинных

железных красавцев, демонстрируя серьёзность намерений.

— Нам сюда! — окликнули Мартина новые знакомые, и компания отправилась в длинное здание, расположенное по соседству с «особняками» и протянувшееся на пару сотен метров.

Француз нажал кнопку на пульте у ворот, и они отъехали в сторону, а пришельцу из будущего снова пришлось таращить глаза, удивляясь почти современному оборудованию, которым был напичкан громадный зал, — в нём имелись даже автомойки! (Иногда папа Николай Павлович разрешал Мартину оставаться в салоне, когда старине «Форду» устраивали «банный день».)

«Усатый» подвёл их к одному из нескольких десятков автомобилей, столь же громоздких, как и тот, царский, в котором довелось посидеть псу дворовой (а может, дворянской?) породы.

— Бери этот «Мерседес»! Заправлен, запасные канистры внутри.

Последнее слово ещё висело в воздухе, а Мартин уже разместился на кожаном сиденье, на этот раз — пассажиром.

— Кажется, вы обзавелись новым денщиком, господин штабс-капитан! — не удержался от смеха иностранец, а пёс обрадовался, что узнал звание «своего» офицера. («Любопытно, выше ли этот чин, чем королевский мушкетёр?» — задался он очередным вопросом.)

«Атос» нахмурился, не зная, как подступиться к решительно настроенному псу и угрожать его вылезти из машины.

– Никак! – пробасил Мартин, догадавшись о замыслах «подопечного», и в качестве подтверждения собственной непреклонности приподнял толстые складки губ, обнажив розовые дёсны и сверкнув белоснежными клыками.

Француз вдруг засуетился:

– Погодите, у нас дома сегодня пироги! Возьмёте в дорогу!

– С мясом? – облизнулся путешественник во времени.

– С картошкой и капустой! Пост ведь начался! – словно ответил лично ему добродушный усач.

Пока шофёр его величества бегал за угощением, Мартин задумался, правильно ли поступает, оставляя друзей. Но если верить штабс-капитану, то к утру они вернутся, а значит, разлука не получится долгой. Тем более что он ничем не мог помочь будто испарившимся Брысю с Пафнутием и лишь надеялся, что руководитель миссии справится с трудностями сам, как не раз бывало. К тому же до отречения Николая Второго должны пройти несколько дней, а потому непродолжительное отсутствие самых больших в их «спасательной группе» зубов и самых крепких мускулов вряд ли кому-то навредит! Да и что греха таить – собачья

душа горела страстным желанием прокатиться в необычном ретро-автомобиле!

В общем, Мартин отыскал веские причины, полностью оправдывающие не согласованные с «начальством» действия. Беспокоило только одно – не замёрзнуть бы в открытом «моторе», как смешно называли машины в этом времени. Однако симпатичный француз позаботился и об этом, притащив для путешественников меховые накидки.

Гордый пёс, разумеется, немного повоображал, скинув «одеяние» и заявив, что ему своей шерсти достаточно, но вскоре задрожал и заклацал зубами, так что штабс-капитану пришлось останавливаться и снова укутывать «денщика». (Потому как покидать место с хорошим обзором и пересаживаться назад, в закрытую часть «карыты», пришелец из будущего наотрез отказался...)

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Адольф Кегресс (20 июня 1879, Эрикур, департамент Верхняя Сона, Франция – 9 февраля 1943, Круасси-сюр-Сен, департамент Ивелин, Франция) – французский инженер, механик и изобретатель. В 1909–1917 годах жил и работал в России. Был личным шофёром императора Николая II и заведующим технической частью императорского гаража в звании прапорщика. Изобрёл подвеску Кегресса, использовавшуюся, в том числе, на броневедомолях Остин-Путиловец-Кегресс. После Февральской революции в России, в марте 1917 г., передал дела представителю Вре-

менного правительства и на автомобиле «Делоне Бельвилль» из Императорского гаража покинул Россию вместе с женой и тремя детьми. В Швеции продал автомобиль владельцу гостиницы. После возвращения во Францию работал в компании «Citroën». Специально для последнего российского императора французская фирма «Delaunay-Belleville» изготовила два автомобиля, которые остались в истории под названием «SMT». Эта аббревиатура расшифровывается как «Sa Majeste le Tsar» – «Его Величество Царь».

Глава 33

ПАФНУТИЙ ОГОРЧИЛСЯ

Помощник юного химика с тоской вспомнил свои благоустроенные апартаменты в безопасной и тёплой Вовкиной квартире и пожаловался:

– Холодно тут, сыро и страшно!

– Не дрейфь, Пафнутий! – подбодрил раскисающего на глазах соратника руководитель миссии. – Нам ведь с тобой не впервой оказаться в такой переделке!

Однако «м.н.с.» хныкать не перестал:

– Тогда мы клад искали! И я собирался в отпуск!

– Никуда не денутся наши сокровища! Вот найдём метро и клянусь... – Брысь оборвал себя на полуслове.

Пафнутий испуганно ухватился за шёрстку старшего товарища и зажмурился, боясь увидеть впереди нечто настолько страшное, что даже храбрый друг лишился дара речи. Одна-

ко ничего не происходило, и «м.н.с.» снова приоткрыл рубиновые глазки.

Брысь всё ещё потрясённо молчал, и добродушный Пафнутий, коря себя за нытьё, так расстроившее приятеля, ласково произнёс:

– Не огорчайся! Ты же хотел как лучше, вот и дал мне «слово дворянина»! Я тебя не виню!

Руководитель миссии перевёл отрешённый взгляд на белобрысого грызуна, пытаясь ухватить смысл сказанного, но аналитический кошачий ум был занят решением совсем другой задачи, а потому Брысь так и не понял, на что намекал помощник юного химика.

– Мы не сможем забрать клад! – вдруг мрачно заявил он.

– Это ещё почему? – тут же надулся «м.н.с.» – Ты поклялся!

– Подумай сам! В прошлый раз ты очутился здесь в сентябре 1918-го и сокровища лежали на месте, и лазейка была неприметная!

Пафнутий напряжённо следил за рассуждениями компаньона, предчувствуя, что он клонит к неутешительному выводу. Вот только пока не догадывался, к какому.

– И что это значит?

– Что драгоценностей, возможно, ещё попросту нет в той нише!

– Но ведь там наши отпечатки, да и клад исчез! – возмущённо парировал несостоявшийся капитан круизного лайнера (или хотя бы отдыхающий на его надраенных до блеска палубах).

– Вот я о том и говорю! – таинственно подытожил руководитель миссии. – Что мы с тобой опять в прошлое отправимся!

Помощник юного химика нервно хихикнул – он отсюда-то не чаял поскорее выбраться, а потому предположение, что ему (даже ради десяти процентов!) захочется хлебнуть новых рискованных приключений, звучало совершенно неправдоподобно!

– Странно, мне казалось, что она имела в виду именно это благое дело! – задумчиво молвил Брысь.

– Кто она? – удивился Пафнутий.

– Луна! – будничным тоном ответил предводитель спасательной операции, словно советоваться с ночным светилом было для него в порядке вещей.

«М.н.с.» поразился:

– Какая Луна?

И задрал голову:

– Вот эта?

Брысь тоже поглядел вверх – высоко-высоко в чёрном небе висела старая знакомая, только почему-то разрезанная на продольные части. От охватившего его ликования руководитель миссии даже не сразу сообразил, что смотрит через прутья решётки...

* * *

Лакированная деревянная горка с резными ограждениями по бокам действительно была

отменно скользкой, и Джой, Рыжий и Савельич съехали по ней сначала цепочкой, а потом все вместе. Правда, более тяжёлый спаниель достиг «финиша» быстрее котов.

– А почему на Детской половине так много закрытых дверей? – поинтересовался Рыжий (как любой кот, он не признавал ограничений пространства).

– Так ведь здесь живут и месье Жильяр – наставник моего Алёши, и дежурные доктора, и «дядьки». Кроме Деревенько, есть ведь ещё и Клим Григорьевич, тоже бывший матрос со «Штандарта». Он-то хоть не подведёт? – Джой с затаённым страхом поглядел на пришельцев из будущего.

– Климентий Нагорный не бросит Цесаревича. Он...

Однако договаривать книгочей не стал – слишком печально закончится история, если они не помешают...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Пьер Жильяр (в России – Петр Андреевич; 1879, кантон Во, Швейцария – 30 мая 1962, Лозанна, Швейцария) – с 1905 г. преподаватель французского языка детей Николая II и с 1913 г. – воспитатель цесаревича Алексея. Сопровождал царскую семью в ссылку в Тобольск. В Екатеринбурге был отделён от царской семьи.

Климентий Григорьевич Нагорный – матрос гвардейского экипажа, проходил службу на Императорской яхте

«Штандарт», дядька цесаревича Алексея Николаевича. После Февральской революции и отречения Николая II последовал за царской семьёй в ссылку. Возмущался условиями содержания царской семьи в доме Ипатьева и воровством охранной весты, принадлежащих царской семье. Был арестован и вскоре убит большевиками незадолго до расправы над царской семьёй.

Глава 34

МАРТИН ОСТАЛСЯ ГОЛОДНЫМ, А ПАФНУТИЙ СТРУСИЛ

Пытаясь перекричать тарахтящий двигатель и шум встречного ветра, штабс-капитан обратился к нежданному «попутчику»:

– Знаешь ли ты, с кем только что познакомился? С уникальной личностью!

Мартин попробовал объяснить, что орать совершенно необязательно – он всё отлично слышит, однако «Атос» продолжил так же громко:

– Адольф Кегресс – знаменитый изобретатель! Он придумал, как ездить по рыхлому снегу и грунту!

Пришелец из будущего вспомнил странную машину, снабжённую лыжами и гусеницами.

– Его «снежные моторы» несколько раз побеждали в гонках! – надрывался штабс-капитан. – Ещё он личный шофёр государя и начальник всей технической службы! Видал, какое на нём хозяйство?!

Офицер явно гордился своим другом.

— Это он научил меня рулить! Я люблю скорость, а ты?

По мнению путешественника во времени, двигались они довольно медленно, километров пятьдесят, не больше, у него даже уши не трепыхались, как в те счастливые моменты, когда его голова торчала из окна старенького семейного «Форда». Впрочем... Мартин отклонился в сторону, и его сложенные пополам «треугольники» тут же распрямились, обогатив своего владельца до породистой овчарки.

— Ух ты! — весело пролаял он, возвращаясь под защиту ветрового стекла.

Свёрток с пирогами бесовестно источал одуряющий аромат, даром что начинкой служила всего лишь картошка с капустой. Пёс постарался занять голову чем-нибудь несъедобным, например тем, что его первая поездка в Петербург происходит при таких странных обстоятельствах. Даже сам город называется иначе! И надо же было такому случиться, что их спасательная операция совпала по времени с человеческим постом, когда даже в пирогах нет мяса!

Мартин поразился, каким таким волшебным образом в его мысли снова проникли аппетитные подарки от изобретательного господина Кегресса, и сглотнул накопившуюся в пасти слюну, однако она всё равно свесилась клейкой пряжей.

Вдоль шоссе располагались многочислен-

ные казармы, а в них сотни, а то и тысячи готовых повернуть в ту или иную сторону солдат...

– Эх! – вырвалось у штабс-капитана. – Чует моё сердце – не дадут нам довести войну до победного конца! А ведь чуть-чуть осталось! Тесним мы врага по всем фронтам! А твоё сердце что чувствует? – взглянул он на «денщика».

Мартин опять застыдился своей необразованности – чем закончилась Первая мировая он не знал. И почему ему вечно достаются такие сложные вопросы, а напичканный обширными знаниями Савельич беззаботно валяется на его медвежьей шкуре?!

– Ты ешь, не стесняйся! – спохватился «Атос», заметив голодный блеск в добрых карих глазах и спускающиеся уже чуть не до пола белёсые нити.

Развернув одной рукой сверток, он подвинул его псу. Мартин деликатно дотронулся зубами до угощения (в чём мог бы поклясться даже своей любимой латексной уткой!), но оно испарилось, будто и не было в помине никаких пирогов!

Огорчённый и сконфуженный, он скрупулёзно исследовал промасленную бумагу и, если бы не присутствие штабс-капитана, сжевал бы и её тоже.

– Наелся? – оторвав взгляд от дороги, дружелюбно покосился на него новый «подопечный».

«Чем?» – хотел было спросить пёс, но вежливо промолчал, утерев слюни лапой.

Вдали замерцали огни большого города, и чуткий собачий нос уловил горьковатый запах пожара, а поставленные торчком уши – человеческое многоголосье и звуки пальбы. Он обернулся к спутнику – тот хмуро смотрел перед собой, уверенно направляя машину в самую гущу опасности, судя по нарастающему гулу...

Мартин тоже сосредоточился, чтобы не прозевать момент, когда может понадобится его помощь...

* * *

– Ну что там? – крикнул снизу Брысь, и Пафнутий, которому не составило особого труда вскарабкаться по кирпичной кладке на самый верх и пролезть сквозь железные прутья, огляделся.

– Ничего особенного! Деревья кругом!

– На парк похоже?

– А чем он отличается от просто деревьев? – уточнил обстоятельный «м.н.с.».

– Ну там... дорожки, скульптуры, скамейки... – принялся перечислять руководитель миссии.

Пафнутий опять повертел головой:

– В большом доме кое-где окна светятся!

– Может, наш Дворец? – нетерпеливо воскликнул Брысь.

– А если Дворец, то что? – осторожно полюбопытствовал белобрысый питомец юного химика.

– То отправляйся за помощью, чтобы решётку отодвинуть, а то мне не вылезти! – сердито растолковал Брысь.

– Может, и не Дворец... – заколебался Пафнутий и прислушался. – Кажется, собаки лают.

– Выбирай: либо идём дальше по подземелью, либо вытаскиваешь меня наверх! – строго заявил руководитель миссии.

Вскоре «м.н.с.» с виноватым видом снова стоял возле Брыся. Над их головами светила Луна, разрезанная на продольные части...

Глава 35

САВЕЛЬИЧ УЗНАЕТ ТО, ЧЕГО НЕ ЗНАЛ

Брысь попенял младшему компаньону за трусость, и Пафнутий смиренно выслушал укоры – уж лучше терпеть негодование руководителя миссии, чем в одиночку тащиться за помощью через парк, по которому носятся собаки!

– Ладно! Что мы имеем? – наконец переключился на насущные проблемы предводитель спасательной операции.

– Что? – пролепетал «м.н.с.», довольный, что дело ограничилось строгим выговором.

– На что похожа эта конструкция? – пробормотал Брысь, вперив пытливый взор в решётку, сквозь которую сочился лунный свет и проникал морозный воздух.

– На что? – опять пискнул помощник юного химика, чтобы поддержать беседу.

– На вентиляцию подземелья, вот на что! – удостоил ответом своего маленького спутника руководитель миссии. – Снаружи всё выглядит как обычный ливневый сток! А откуда – как труба, выложенная из кирпичей! Сюда вода, конечно, тоже заливается, поэтому вдоль стены тянется жёлоб!

Пафнутий разглядел небольшое углубление в каменном полу, на которое раньше не обращал внимания.

– Хорошо, что уже почти весна и снег на железных прутьях растопился. Будь решётка накрыта сугробом, мы бы и внимания на Луну не обратили, а так хоть сориентироваться можно! Где, говоришь, большой дом светился?

Деловитый тон Брыся лился на нежную душу белобрысого питомца Вовы Менделеева сладким сиропом, вселяя уверенность в благополучный исход не только их совместных поисков, но и всего чрезвычайно ответственного предприятия.

– Там! – вытянул он крошечный пальчик в уже привычный хвостатым «диггерам» мрак, обволакивающий туннель...

* * *

Разочарованный, что на слона взглянуть не удастся, Рыжий вспомнил, что собирался вы-

яснить у царского питомца про порчу музейных ценностей.

– Каких музейных ценностей? – оторопел кудрявый спаниель.

Савельич обстоятельно разъяснил, какое будущее ожидает царскосельские резиденции и даже Зимний дворец.

– А куда же денут раненых и больных? – разволновался Джой.

Теперь пришла очередь удивиться путешественникам во времени:

– Каких раненых?

– Так ведь столичный Дворец целиком отдан под госпиталь, как и здешний Екатерининский! В нём Государыня со старшими дочками трудится и ещё очень много народу, а заведует всем княгиня Вера Игнатьевна Гедройц, первая в России женщина-хирург! – не скрывая восхищения своей талантливой знакомой, похвастался августейший питомец. – Вот только курит чересчур много, а потому голос у неё низкий и хриплый, даже у вашего Мартина не такой! Недавно она на фронт уехала, там операции проводит, а то пока солдатиков довезут...

– Так значит, фотографии во дворцах сделаны? – перебил Рыжий, припоминая длинные ряды коек, а на их фоне усталые миловидные лица императрицы и царевен.

А Савельич нахмурился, углубившись в невесёлые думы, – получилось, что через несколько месяцев, а точнее, 25-го октября (по принятому

пока летосчислению), снаряды «второй революции» полетят не просто в Зимний дворец, где укроется так называемое Временное Правительство, но и в госпиталь, в беспомощных раненых, врачей и сестёр милосердия?!

Из груди пожилого философа вырвался протяжный тяжкий вздох. Ох уж эти Люди!

– Кстати, скажу вам по секрету, – Джой понизил голос до таинственного шёпота, – княжна Татьяна была влюблена в одного раненого красавца-улана, которого она выхаживала! И уж он в неё, само собой! Это он ей Ортино подарил, когда поправился!

– А где он сейчас?

– На войне, где же ещё! А она с Ортино никогда не расстаётся, кроме, конечно, когда на работу уходит, но иногда даже в лазарет бульдожку берёт, чтобы выздоравливающих повеселить! Хотя та предпочитает либо спать, либо с Васькой наперегонки носиться! Вот уж кто музейных ценностей перепортил! – осуждающе закончил воспитанный спаниель, умолчав о своих детских шалостях (как говорится, кто старое помянет, того блохи закусуют...).

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Вера Игнатьевна Гедройц (7(19) апреля 1870, село Слободище, Орловская губерния (ныне Дятьковский район Брянской области) – март 1932 года, Киев, СССР) – одна из первых в России женщин-хирургов, одна из первых женщин

в мире, получившая звание профессора хирургии и возглавившая хирургическую кафедру, участница Русско-японской войны, прозаик и поэтесса Серебряного века. Будучи выпускницей хирургической школы профессора Цезаря Ру (Университет Лозанны), Вера Гедройц стала автором ряда оригинальных научных работ в области военно-полевой, общей и детской хирургии. Она также внесла вклад в становление киевской хирургической школы. Считая революцию неизбежной и необходимой, Вера Гедройц, однако, была одним из самых близких людей царской семьи. Она лично обучала сестринскому делу императрицу Александру Фёдоровну с великими княжнами Ольгой и Татьяной, после чего они работали в лазарете под её руководством.

Глава 36

МАРТИН НЕ ДОГАДЫВАЕТСЯ, КАК ТЕСЕН МИР

Большая прореха в облаках смахивала на ту, что Мартин однажды проделал в бабушкиной шали (и до сих пор считал, что она очень украсила пуховое изделие, а совсем не наоборот, как убеждали родственники). Сквозь неё грустно улыбалась Луна. Во всяком случае, доброму псу чудилось, будто ночное светило переживает из-за электрических фонарей, затмевающих её сияние, и что она не так нужна, как прежде. (Он тоже опечалился, когда любимые Люди решили доверить охрану квартиры сигнализации. Хорошо, что потом передумали, увидев его обиду!)

Петроград Мартину не понравился. И виной тому была даже не погода. (Она странным образом ощущалась в громадном городе иначе, чем на подступах к нему, не говоря об удалённом Царском Селе. Там крепнувший к вечеру морозец не позволял остаткам февральского снега превратиться в отвратительное грязное месиво. И не свирепствовал резкий ветер с могучей реки, пусть ещё и скованной льдом. Изза него чуткие ноздри наполнились промозглой сыростью, на которую, как на клей, налепилась копоть полыхающих пожаров.)

Нет, главная причина крылась в тревожном ожидании беды. И вызывали это гнетущее чувство лица собравшихся на улицах и площадях мужчин и женщин — простодушный пёс с огорчением разглядел в них озлобленную решимость.

Время было позднее, но, казалось, Люди в одночасье лишились крова над головой, а потому им некуда уйти с широких, продуваемых насквозь проспектов, и, ожесточённые, они не знали, на кого и на что излить ярость. Вот и раскачивали жалобно позвякивающие трамваи, опрокидывали грузные автомобили, крушили хрупкие стёкла витрин, бросали в уже разбитые окна горящие куски ветоши и газет и восторженно вопили, когда огонь начинал жадно пожирать ни в чём не повинные здания, где находились те, кто побоялся покинуть квартиры или не захотел присоединиться к восставшим...

Сквозь враждебный гул прорывались пронзительные гудки клаксонов пожарных машин, и Мартин подивился, что находятся смельчаки, пытающиеся в этом хаосе выполнять привычную работу и спасти то, что безжалостно разрушали другие.

Он и «Атос» давно оставили мотор в одном из дворов, больше похожих на огромные мрачные колодцы, и то продирались сквозь плотно сомкнутые ряды демонстрантов, чему немало способствовал могучий Мартин (а скорее, его грозно лязгающие клыки), то вдруг попадали в пустынные переулки.

Цель их продвижения вскоре обозначилась построенными к маршу отрядами солдат. Стояли они, по всей видимости, долго, а потом позволили себе расслабиться: скручивали сигарки и тихо переговаривались, прислушиваясь к происходящему в нескольких кварталах от них.

Штабс-капитан нашёл того, кого искал, — военного с похожими погонями. (Мартин даже огорчился поначалу, что его новый друг не главнее чином, но быстро утешился — зато «Атос», как настоящий королевский мушкетёр, охраняет императорскую чету, что, по твёрдому убеждению пса, было гораздо почётнее, тем более сейчас, когда над их величествами нависла страшная угроза.)

Офицеры обменялись крепким рукопожатием, как хорошо знакомые.

– Что ж такое происходит? – приглушённым голосом обратился к штабс-капитану его «столичный» приятель.

«Атос» вздохнул:

– Император вчера отбыл в Ставку, а государыня не верит, что народ может взбунтоваться в столь тяжёлое для страны время... Надеется, что патриотические чувства возьмут верх и всё само собой образуется.

– Значит, приказа на подавление мятежа не будет?

– Уж точно не от их величеств – они до сих пор не могут простить себе того, что произошло в 1905-м, хотя в той трагедии не было их вины.

– Но ты видел, что творится в городе! Провокаторы всех мастей разогревают толпу, поливая грязью царскую семью. Очень скоро эта смута перекинется на войска, а ты знаешь, что среди офицерства дай бог только треть дворян наберётся, остальные – разночинцы, бывшие казаки, крестьяне... Уже начинается ропот. Кто-то пустил слух, что грядёт отречение...

Мартин, не пропуская ни слова, громким лаем поддержал правоту молвы.

Офицеры посмотрели на пса и почти одновременно погладили его по голове, словно он, а не они, нуждался в утешении.

– Смахивает на заговор, – задумчиво проговорил «Атос».

– Если так, то явно не один! Порвут Россию на куски, как дешёвое лоскутное одеяло! – хмуро отозвался «питерец».

– Что будешь делать, если случится скверное? – штабс-капитан испытующе взгляделся в лицо своего друга.

Тот помолчал, нервно покусывая губы под полоской аккуратных усов.

– В любом случае постараюсь не уронить чести, – наконец вымолвил без всякого пафоса. – Если повезёт, сегодня нас отправят на фронт. Окажи услугу, – вдруг добавил он, – занеси моим письмецо. Неизвестно, когда до дома смогу добраться, да и смогу ли...

Знакомый «Атоса» вытащил из планшета листок бумаги и карандаш и присел, используя колено в качестве «письменного стола». На мгновение задумавшись, он принялся строчить, умудряясь даже в столь неудобном положении класть цепочки слов ровными рядами.

На прощание друзья обнялись (Мартину «питерец» тоже слегка сдавил протянутую лапу и ласково подёргал за ухо).

Теперь путь лежал в самый центр города, и штабс-капитан выказал себя знатоком обходных манёвров, избегая опасных скоплений мятежного населения и приведя хвостатого «денщика» к подъезду трёхэтажного особняка с кованым козырьком над крыльцом в две гранитные ступени и белыми колоннами по бокам.

И если бы Мартин умел читать, то разобрал бы название улицы – Гороховая, а если бы ему довелось послушать историю приключений Пафнутия, то он узнал бы дом...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Разночинцы («люди разного чина и звания») – юридически не вполне оформленная категория населения в Российском государстве XVII–XIX вв. «Разночинцем» называлось лицо, не принадлежащее ни к одному из установленных сословий: не приписанное ни к дворянству, ни к купечеству, ни к мещанам, ни к цеховым ремесленникам, ни к крестьянству, не имевшее личного дворянства или духовного сана. Считалось, что именно в их среде процветали либерально-демократические, социалистические и националистические взгляды.

События 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге, известные также как «Кровавое воскресенье», – разгон мирного шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, имевшего целью вручить царю Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах. Шествие было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Гапоном, агентом царской охранки, но одновременно очень тщеславным человеком, пожелавшим стать вождём рабочего движения. Поводом для выступления рабочих стала проигранная забастовка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе и охватившая все заводы и фабрики Петербурга. 5 января Гапон бросил в массы идею обратиться за помощью к самому царю, а 7-8 января составил петицию, перечислявшую требования рабочих. Наряду с экономическими, петиция включала ряд политических требований, главным из которых был созыв народного представительства в форме Учредительного собрания. В день шествия сам царь находился в Царском Селе (6 января на государя было совершено покушение

и его окружение настояло на том, чтобы он уехал из города). Политический характер выступления и стремление демонстрантов прорваться сквозь оцепление солдат, а также выстрелы провокаторов из-за спин безоружных демонстрантов стали причиной разгона шествия, в ходе которого было применено огнестрельное оружие. Разгон шествия, повлёкший гибель от нескольких десятков до нескольких сотен человек, вызвал взрыв возмущения в российском обществе и во всём мире и послужил толчком к началу Первой русской революции 1905-1907гг.

Глава 37

МАРТИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОСТИ, А БРЫСЬ И ПАФНУТИЙ ОБНАРУЖИВАЮТ ТО, ЧТО ИСКАЛИ

Дубовую с резными завитушками дверь открыл седовласый господин в нарядном мундире. Пышная окладистая растительность на морщинистом лице была аккуратно расчёсана на две стороны. «Не иначе – генерал!» – уважительно подумал Мартин.

Однако его спутник, вместо того чтобы отдать честь, приветливо сказал:

– Здравствуй, Арсентий Ильич, голубчик! Взаперти сидишь?

«Пожалуй, генералы все на войне», – понял свою ошибку пришелец из будущего, а перед ними – хозяин особняка.

– Так ведь что делается-то! – воскликнул тот неожиданно тонким голосом и по-стариковски

всхлипнул, утерев выступившие слёзы прямо кончиком правой части бороды. — Сегодня утром на моих глазах городского нашего застрелили! А за что?! За то, что уговаривал толпу не слушать паникёров, кто пугал, будто продукты в городе заканчиваются, и подстрекал грабить склады?!

— Не паникёры это, Арсентий Ильич, а провокаторы! — с горьким сожалением произнёс «Атос».

— А, то-то они так ловко плакаты подоставали: «Дайте хлеба!». Будто заранее знали, что магазины позакрываются! А как им не закрыться, коли витрины бьют?! — не на шутку разошёлся старик и вдруг резко сменил тему: — А вы к Менделеевым? Дома-с, дома-с. Только спят, наверное! Вы, надеюсь, не с дурной вестью?

Пёс удивился, услышав фамилию лучшего Сашиного друга. Впрочем, мало ли на свете Менделеевых, вот Мартинов поискать! Во всяком случае, он ещё ни разу не встречал среди собак своего тёзку!

— Письмо передать! — успокоил раздетого деда штабс-капитан.

Они миновали просторный холл и поднялись на второй этаж по ковровой дорожке, что прикрывала мраморные ступени от истирания. Мартин просунул нос между изогнутыми чугунными балясинами — не смотрит ли им вслед «хозяин особняка» (пёс испытал некото-

рую досаду, что его солидные размеры оставили нарядного старика равнодушным), однако тот изучал грязные следы, которые остались на полу после их прохода.

На лестничной клетке была лишь одна дверь, а возле неё две большие кадки, в каждой – по лоснящемуся тёмно-зелёному фикусу. (У бабушки Александры Сергеевны на кухне возвышался такой же, и Мартин помнил, что щенком мечтал вырасти огромным, как это дерево. Почти получилось, особенно, если встать на задние лапы...)

Штабс-капитан протянул руку к медной кнопке звонка, но передумал нажимать, а вместо этого тихонько постучал. Издалека слышались встревоженные лёгкие шаги, и дверь распахнула молодая, очень красивая, по скромному собачьему разумению, женщина. Она куталась в тёплую белую шаль и не произносила ни слова, а нежное лицо так стремительно бледнело, что Мартин испугался, не окажется ли дамочка привидением.

– Всё хорошо! – быстро проговорил «Атос».

«Заклинание» помогло, и краски, а с ними и жизнь, стали возвращаться в покинутое было тело...

* * *

Пафнутий споро перебирал лапками, боясь окликнуть руководителя миссии и посетовать на взятый им темп, ведь формально Брысь

предоставил ему выбор: продолжать дальнейший путь под землёй или топтать за помощью к остальным членам спасательной команды. Грызун даже пожалел, что глазастый кот привык к темноте и более не нуждается в провожатых, а то бы тащился сейчас, спотыкаясь, позади «м.н.с.», и все были бы довольны!

На язычке помощника юного химика вертелись кое-какие соображения, однако высказывать их на ходу, рискуя сбить дыхание, он не решался, потому что восстановить ритм, не сделав длительного привала, будет крайне сложно (это он как спортсмен знал наверняка), вот и помалкивал. Конечно, если громкое сопение можно считать молчанием.

Однако Брысь, как всегда, опередил младшего компаньона в «идейной» части (наверное, правду говорят, что коты обладают телепатическими способностями).

— Ты посматривай наверх, вдруг опять Луну увидишь! — заявил он, обернувшись к отстающему приятелю. — Для такого большого туннеля нужно много воздуха!

«Ага! — возмущённо пискнул про себя Пафнутий, хотя пару минут назад именно об этом и собирался намекнуть руководителю миссии. — Уже один раз увидел на свою голову!»

Ночное светило будто подслушивало разговоры в нетерпеливом ожидании, когда про него вспомнят, и тут же просунуло в подземелье блёклый лучик, попутно одарив путешественни-

ков холодным душем из снежной пыли, сдутой с железных прутьев решётки. Впрочем, последнее, скорее всего, было делом рук ветра, или лап, или что там у него?

Не придумав, какими частями тела может обладать ветер, помощник юного химика воззрелся на решётку, а потом на Брыся, который, в свою очередь, выжидательно таращился на него.

– Опять мне лезть? – уныло предположил «м.н.с.».

– Нет, нам сюда! – довольно ухмыльнулся руководитель миссии, когда рубиновые бусинки вспыхнули от радости, заметив наконец то, что раньше Пафнутия обнаружил Брысь: туннель раздваивался, и один его рукав определённо имел недавнее происхождение, потому что старинную кирпичную кладку сменил бетон...

Глава 38

МАРТИН ПОЕЛ, А БРЫСЬ СДЕЛАЛ ВЫВОД

Мартин до блеска вылизал глубокую миску, «отмывая» её от налипших на стенки остатков гречневой каши, которой его радушно попотчевала хозяйка квартиры, и разлёгся

у тёплой округлой печки, выложенной синими изразцами. (Савельич не преминул бы проверить прочность глянца когтем. За этим философом глаз да глаз нужен! Наверняка, пока они с Брысем отсутствуют, бывший летнесадовский мыслитель перетрогал всю Кленовую гостиную!)

На шелковистых обоях с узором из листиков и мелких розочек выделялись квадраты картин в громоздких золочёных рамах, в основном пейзажи и натюрморты (после того как коты приобщили его к рассматриванию иллюстраций в толстых фолиантах, тех, которые раньше он только на зуб пробовал, Мартин начал худо-бедно разбираться в живописи). Имелись и фотографии, среди них — где вся семья запечатлена целиком: питерский знакомый «Атоса» в парадной офицерской форме, его жена, та, что снова и снова перечитывала доставленное ими письмо, и мальчик лет четырёх в матросском костюмчике.

Пока глаза занимались разглядыванием, уши внимали разговору за большим овальным столом под белой ажурной скатертью. (Стол, пожалуй, раза в четыре превосходил в размерах их домашний, на ножках которого он в щенячем возрасте проверял крепость растущих зубов...) Верхний свет не зажигали, вместо него в ветвистом бронзовом канделябре уютно шипели восковые свечи. Перед штабс-капитаном стояло блюдо с пирожками, а над чашкой с

изящно изогнутой ручкой поднимался ароматный чайный пар. (Пирожки были, увы, такими же постными, что и подарок от императорского шофера, но Мартин угостился. Правда, памятуя о досадном происшествии в машине, постарался остановиться на двух.)

– Переживаю за Грушу! – вдруг сказала молодая женщина и плотнее закуталась в длинную шаль. – На днях отпустила её в деревню, в их семью сразу две похоронки с фронта пришли, и вот теперь не знаю, как она обратно доберётся. На улицах такой ужас! Сегодня стреляли, и ещё пожары... – добавила она растерянно.

(Мартин понял, что речь о какой-то особе женского пола, возможно помощнице по хозяйству, а вовсе не о том, о чём он подумал сначала и удивился, об этом ли сейчас переживать!)

– В газетах пишут разное... Даже об измене императорской четы, будто собираются предать союзников и заключить мир с Германией. Отсюда и волнения...

– Если бы жизнь августейшей Семьи не протекала у меня на глазах, я бы тоже поверил и митинговал сейчас там, – штабс-капитан горько усмехнулся и кивнул на зашторенное окно.

– Но почему им не запретят сочинять небывальицы?!

«Атос» вздохнул:

– Его величество – либерал, и у нас свобода прессы!

Хозяйка квартиры хотела горячо что-то возразить, но штабс-капитан перевёл разговор:

– Жаль, Коленька спит, не повидался!

Лицо молодой женщины осветилось нежностью.

– Да, он тоже расстроится, что проспал ваш визит и такого славного пса!

Сытый желудок и тепло всё-таки сыграли с Мартином беззлобную шутку, навалившись сладкой дремой (из-за неё дальнейшая беседа прошла мимо собачьих ушей), и очнулся он только в момент прощания, когда его окликнул «Атос». Так и не дожевал во сне толстую ножку одного из двух резных буфетов, что стояли в уютной столовой...

* * *

Бетонное сооружение вполне походило на то, с которого начались беды помощника юного химика: по стенам тянулся электрический кабель, а на деревянных новеньких шпалах разлеглись железные рельсы. Однако радость от встречи с предметом долгих поисков тут же улетучилась, как только «м.н.с.» разглядел в мерцающих глазах Брыся азарт и явное желание немедленно продолжить исследования. Хорошо, что пойти одновременно в обе стороны, куда вёл таинственный путь, не получилось бы физически, и руководитель миссии ограничился для начала тем направлением, где должен был находиться Дворец

(по подсчётам, основанным на показаниях Пафнутия).

Довольно скоро чуткий слух кота, а потом и мягкие круглые уши младшего компаньона уловили знакомые звуки: скрип и скрежет шарниров катящихся тележек, шаги человеческих ног, разговоры, даже трели телефонных звонков – всё это сильно напоминало Кухонный туннель, а точнее, ту его часть, в которой он соединялся с дворцовым подвалом.

Пришельцы из будущего ускорили шаги. (Пафнутий с радостью почувствовал, как у него открылось второе дыхание от близости продовольственных запасов, хранящихся в том месте, куда они спешили.) Рельсы внезапно закончились тупиком, но сбоку в бетонной стене обнаружилась дверь – обычная дубовая, с какой «м.н.с.» уже приходилось сегодня иметь дело.

– Точно! Не продукты же им охранять! – вскричал руководитель миссии.

Помощник юного химика от усталости и голода расслышал только слово «продукты», а потому Брысю пришлось пояснить:

– Дежурные офицеры! Их же там целая куча! Ну помнишь, возле входа в Кухонный туннель!

Пафнутий вспомнил и огорчился – вдруг услышат, как его зубы, покрытые прочной жёлтой эмалью, вгрызаются в деревянное полотно, отделяющее от сытного ужина...

ГОЛОД ОКАЗАЛСЯ КСТАТИ

Джой раздумывал, чем бы ещё удивить и развлечь пришельцев в благодарность за то, что они не пожалели сил, чтобы вернуться в прошлое и исправить допущенное человеческой историей злодеяние.

– Кстати, а как вы перемещаетесь из эпохи в эпоху? – спохватился он, удивлённый, что этот вопрос не пришёл в его голову раньше.

– У нашего Саши есть одноклассник и друг Вова Менделеев. Он живёт в соседнем подъезде, и он химик... – охотно принялся объяснять Рыжий, но Савельич опять перебил, на этот раз не из соображений психологии, а исключительно из экономии времени.

– Эликсир на основе фруктовых сиропов! – кратко изложил он самую суть.

– Его нам Пафнутий достал, – всё-таки не удержался Рыжий от более подробных комментариев.

Упоминание о белобрисом грызуне навело котов на мысль, что с момента ужина прошёл не один час и пора бы подкрепиться. Дома в их круглосуточном распоряжении находился целый ряд мисочек с сухим кормом и выпрашивать еду не требовалось, разве только, когда мама Лина не успевала пополнять

вкусное хрустящее содержимое пластиковых ёмкостей.

– Так ведь на нашей кухне наверняка есть всякие разные! – оживился Джой, тут же представив, как отправляется со своим любимым Алёшей в увлекательное историческое путешествие, надо лишь сообразить, куда. «Придумал – туда, где его смогут вылечить!» – всё выше воспарял в мечтах верный пёс.

Как всегда, испортил радужные намерения худосочный чёрный кот.

– Не всё так просто! У «перемещателя» довольно сложный состав, да ещё пропорции нужно соблюсти, а их даже Вовка не знает, потому что изобретает методом «научного тыка».

– Научный тык – это Пафнутий и он сам! – успел вклиниться Рыжий, пока его снова не «заткнули».

– Я готов испытывать на себе! – храбро предложил Джой, уж очень не хотелось ему расставаться с идеей Алёшиного исцеления.

Но поколебать упрямство философа оказалось невозможно – он выдвигал всё новые и новые разрушительные аргументы:

– Даже если с помощью потрясающего нюха Мартина нам удастся получить жидкость с необходимыми свойствами...

– У меня тоже потрясающий нюх! Я – охотник с богатой родословной! – тщеславно заявил Джой.

– Ты не знаешь, как должен пахнуть волшебный эликсир! – шепнул ему Рыжий, опасаясь, что обидчивый философ рассердится из-за постоянных перебиваний и совсем замолчит.

Но Савельич лишь метнул на нетерпеливого спаниеля гневный, отсвечивающий изумрудами взгляд.

– То всё равно неизвестно, по какому принципу действует «перемещатель»! Мы, например, накапали его на вашу фотографию, а до этого побывали в романе Дюма «Три мушкетёра», а вот Пафнутий оказался в 1918-м, в доме купцов Синёвых, по совершенно непонятной причине!

– О! Купец Синёв поставляет нам свежую рыбу! – опять перебил Джой. – Он её разводит в специальном бассейне! У нас здесь тоже есть бассейн с солёной водой, на половине Государя! Хотите покажу?

Рыжий закатил глаза-блюдца, указывая кудрявому питомцу Наследника на очередную оплошность, а Савельич обиженно спросил:

– Так мне продолжать?

Любимец его высочества смутился и энергично потряс головой.

– К тому же действие эликсира заканчивается внезапно.

Как ни хотелось Джоею вести себя сдержанно, как подобает воспитанному слушателю «из высшего света», но при последних словах

пришельца из будущего он буквально взвился в воздух:

– Так вы можете исчезнуть?

– В любой момент! – подтвердил Савельич. И, рассерженный, что его речь постоянно прерывают, даже не попытался смягчить ужасное известие.

За него это сделал добродушный Рыжий:

– Не волнуйся, мы достаточно глотнули, чтобы хватило на пару недель!

И, пока содержание беседы не слишком отклонилось от кухни, откровенно намекнул, что пора бы туда спуститься.

Августейший питомец засуетился, вспомнив об обязанностях «хозяина», и повёл гостей к лестнице.

В подвале было всё так же оживлённо, словно никто не заметил наступления ночи. (Наверное, из-за электрического освещения, одинакового в любое время суток, подумали оголодавшие «экскурсанты».) Однако царящий вокруг шум не помешал копящему слуху, настроенному дальновидной природой на тихую возню грызунов, уловить скрежет зубов, покрытых прочной жёлтой эмалью.

– У вас тут есть крысы? – воодушевился Рыжий.

– Что вы! У нас с ними строго! – оскорбился интеллигентный пес.

Но вдруг и сам принялся шевелить влажным блестящим носом – какой ужас! опре-

делённо где-то поблизости завёлся коварный разносчик всевозможных болезней! Впрочем, запах был сложным, как состав волшебного эликсира, и тянулся мимо комнат дежурных офицеров и помещений связи вниз, в Кухонный туннель, к дубовой двери в бетонной стене...

Глава 40

БРЫСЬ ПЕРЕЖИВАЕТ ЗА МАРТИНА

По ту сторону двери слышалось громкое фыркание, будто кто-то наглотался пыли и теперь безостановочно чихает.

Пафнутий застыл, боясь пошевелиться и разомкнуть крепкие челюсти, а руководитель миссии подошёл вплотную к дубовому полотну и, не раздумывая, выдал их присутствии:

— Джой, это ты?

«А ещё мнит себя секретным агентом!» — возмутился «м.н.с.» безрассудным поступком старшего по званию.

Фыркание внезапно прекратилось.

— Мы, то есть я и ещё ваши друзья! А как вы там оказались?

— Долго рассказывать! Лучше отвлеките внимание Людей, чтобы Пафнутий мог закончить работу.

– Он что, собирается прогрызть в двери дырку? – восхитился спаниель, завидуя не столько поразительным возможностям крысиных зубов, сколько удобному званию «гостя», дающему право так безжалостно обходиться с хозяйским имуществом.

Вытащив прочные резцы из древесины и прислушиваясь к наступившей за дверью тишине, Пафнутий предположил:

– Наверное, обдумывают план действий!

Однако заминку вызвало совсем другое – августейший питомец силился представить отверстие, через которое мог бы пролезть не только упитанный серо-белый кот, но и гигантский пёс. Впрочем, он почему-то не чувствовал его запаха.

– Мартин с вами? – раздался голос Савельича, тоже смущённого видениями предстоящих разрушений.

А Рыжий восторженно добавил:

– Я так рад, что вы нашлись!

Брысь и Пафнутий переглянулись.

– Всё-таки наш лопух ждёт второго пришествия! – пискнул помощник юного химика, радуясь случаю безнаказанно высказаться о самом крупном участнике «спасательной экспедиции».

Руководитель миссии вздохнул:

– Ладно, выберемся и придётся за ним сходить!

Обрадованный, что повреждения не будут

слишком устрашающими, Джой успокоился и огласил низкие своды подвала залиvistым лаем.

— Что это с ним? — снова переполошился Пафнутий, в страхе отпрянув от намечающейся лазейки.

Но Брысь оценил задумку кудрявого спаниеля, пусть и по-собачьи незамысловатую: устроенный августейшим питомцем шум разносился звонким эхом по каменному лабиринту и заглушал даже надрывающиеся телефоны, не то что подозрительный хруст...

Дежурные офицеры пытались урезонить не в меру разыгравшегося питомца Наследника, но тот не слушал увещаний, носился по коридору, так что за ним не поспевали длинные уши, грозя оторваться на очередном резком повороте, и визгливо лаял, пока совершенно не охрип.

На этом странности в поведении кудрявого спаниеля не закончились: устав тявкать, он возглавил диковинную процессию из троих разноцветных котов. Они важно прошеествовали к лестнице, ведущей наверх, в личные покои их величеств. Серо-белый, похожий на любимца великой княжны Ольги, и неизвестный чёрный — держали хвосты гордо задранными, а пушистый рыжий, смахивающий на Котьку, наоборот, волочил его по дощатому полу, выкрашенному масляной краской в жёлтый цвет...

Двор, в котором оставили машину Мартин и его спутник, по-прежнему был пуст и тих, словно звуки улицы тонули в этом каменном «колодце». Тем отчётливее прозвучал странный нарастающий свист, сопровождаемый нелепой фразой: «Получай, ваш броды!» Молодой пёс недоуменно дёрнул ушами, устанавливая источник, а в следующее мгновение штабс-капитан, коротко охнув, повалился в грязный истоптанный снег, не дойдя до «мотора» всего нескольких шагов.

Каракулевая папаха откатилась в сторону, а из-под виска «Атоса» заструился тёмный ручеёк. Мартин проследил за ним растерянным взглядом, пока тот не добрался до булыжника с острыми краями, вероятно, и послужившего оружием в чьих-то злых руках.

Ненависть нахлынула и захлестнула, вытеснив все прочие чувства. Пёс ринулся под арку, через которую они только что вошли и откуда прилетел им вдогонку смертоносный снаряд. Оглушённый бешенством и ослеплённый яростью, Мартин не слышал и не видел тех, кого терзал, захлёбываясь красной пеной, пока не осознал, что враги разбежались и битва закончилась.

Не замечая глубоких ножевых ран, полученных в схватке, пёс приблизился к «подопечному», облизал горячим языком остывающее лицо и, подняв кверху морду, завыл, призывая Луну в свидетели своего горя...

МАРТИН ОБРЕТАЕТ НАДЕЖДУ

В ближнем окне кто-то осторожно отодвинул штору, взглядываясь в темноту двора. Потом зажёгся свет, и Мартин равнодушно посмотрел на тень в светлом четырёхугольнике, возникшем на грязноватом снегу, — эта вытянутая голова с необычайно длинными ушами не могла принадлежать ему.

Пёс чувствовал, как его собственная кровь пульсирующими толчками покидает тело через многочисленные порезы, но, охваченный странным безразличием, даже не пытался слизывать солёную красную влагу. Ему не нравился Петроград. Ему не нравилось время, в котором они очутились. Ему не нравились Люди, заполонившие улицы чужого враждебного города. Он подвёл команду и того, кто назвал его другом...

Скрипнула дверь подъезда, и рядом с искажённым силуэтом появился ещё один, тоже диковинный, но всё же узнаваемо человеческий.

— Ах, окаянство какое! — тихо запричитал старческий голос. — Никак убили офицери-ка-то?

Удивляясь пустоте, поселившейся в его истерзанном теле, Мартин опять уставился

на неподвижного штабс-капитана. (Наверное, все переживания отправились на Луну вместе с долгим протяжным воем.)

– Ан нет! Гляди-ко-сь, живой! Без сознания только! Вот аккурат чуток пониже – и висок, а тогда верная смерть! Каменюка вон какая здоровая!

Мартин постарался вслушаться в бормотание неизвестного деда.

– Да не печалься ты так, пёсик! Поправится твой хозяин!

Путешественник во времени осознал, что продолжает скулить, и ещё понял что-то радостное про «Атоса».

Старик привёл подмогу – парня богатырско-го телосложения с улыбчивым лицом. Штабс-капитана подняли и затащили в подъезд, и дверь снова скрипнула, закрываясь.

«Вот и хорошо, – отрешённо подумал Мартин, укладываясь на мёрзлую землю и смеживая веки, – устал я».

* * *

Фёдор Ильич возвращался после тяжёлого дежурства в госпитале, оборудованном в Зимнем дворце ещё осенью 1915 года, когда мест в лазаретах стало катастрофически не хватать для тех тысяч раненых, что санитарные поезда ежедневно доставляли с фронтов Первой мировой...

(Савельич и Брысь не смогли бы узнать величественные анфилады, через которые

пролегла однажды их ночная «экскурсия». В этом грозном времени их заполнили бесконечные ряды узких больничных коек, а в Фельдмаршальском зале, особенно памятном для бывшего Личного Кота, — расположилась перевязочная. Галерея 1812 года превратилась в рентгеновский кабинет и кладовую для хранения белья. Иорданский подъезд, откуда брала начало великолепная лестница Растрелли-Стасова, заняли ванны и душевые...)

Спеша домой, Фёдор Ильич прислушивался к гудящему городу. От мысли, что к раненым добавятся сотни покалеченных в бессмысленной давке и драках, неизбежных при таком скоплении людей, в душе нарастал неприятный горький осадок, как и от тягостного предчувствия грядущих бед.

Всего лет пять назад Фёдору Ильичу казалось, что любимая Отчизна наконец оправилась от кровавых потрясений начала века: русско-японской войны, закончившейся неожиданным поражением, и хаоса революции, охватившей страну после расстрела демонстрантов в холодный январский день 1905-го. Что страна обрела путь и рванула по нему вперёд, словно автомобиль, который застоялся в гараже и соскучился по движению.

Число моторов увеличивалось, до неузнаваемости меняя облик городов, уже несказанно преображённых электрическим освещением. Звонкое треньканье трамваев постепенно

заглушало перестук конских копыт. В синематографы выстраивались весёлые очереди. По рекам скользили ослепительно нарядные пароходы. Аэропланы отвоёвывали у птиц бескрайнее небо. Железные дороги добрались до самых отдалённых окраин. На тучных полях тарахтели тракторы...

Идиллическую картину портило осознание того, что в Европе этих самых тракторов были тысячи, а в крестьянской России лишь сотни, но ведь и с ними кормили не только себя, но и половину мира... К тому же всё больше фабричных труб устремлялось ввысь; всё шире открывались двери школ и университетов, и совсем немного оставалось до исполнения давней мечты российской интеллигенции о поголовной народной грамотности – готовился закон об обязательном начальном образовании...

Но потом гигантский автомобиль налетел на кочку и, потеряв управление, покатился под уклон, ускоряясь и ускоряясь, а впереди замаячил обрыв... И Фёдор Ильич давно искал ответ, что послужило той злополучной «кочкой»...

Дома он сразу рухнул в постель, оставив нетронутым приготовленный для него ужин, только успел возблагодарить Господа, что, несмотря на пожары и стрельбу, усилившиеся к вечеру, добрался до квартиры благополучно. (В Бога он то верил, то не верил, в зависимости от того, как складывался день. Вот сегодня верил, потому что на его операционном столе

никто не умер, а вчера был атеистом, потому что потерял двоих.)

Звонок в дверь заставил тут же вскочить: глубокой ночью он мог означать лишь одно – неприятности. Евдокия, помощница в холостом хозяйстве, сонным голосом спросила, кто. Отозвался Семён, истопник (в доме было печное отопление, хотя кое-где в городе уже появлялось водяное). Его квартирка, которую он делил со взрослым сыном, безобидным душевнобольным, располагалась в их подъезде, в полуподвале, со стороны чёрной лестницы.

– Фёдор Ильич, тут того, офицерик с пробитой головой!

Раненого штабс-капитана втащили и положили на диван.

– Там ещё этот, пёсик его! Принести? – смущаясь, проговорил Семён, не зная, удобно ли беспокоить доктора по такому поводу, как издающая псина.

– Он что, тоже ранен?

– Кровища вокруг!

– Несите! – распорядился Фёдор Ильич.

Животных он любил, всё собирался завести собаку...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Первый в мире медицинский рентгеновский аппарат был собран учёным А. Поповым, который больше известен как изобретатель радио, в Кронштадте ещё в 1896 г., бук-

важно через год после открытия Рентгеном его лучей. Рентгеновские аппараты были установлены в лазаретах восьми кораблей военно-морского флота. Впоследствии, во время Русско-японской войны, это спасло жизни многим русским морякам. В 1914 году в Петрограде был создан первый опытный завод по производству рентгеновских трубок, а чуть позднее появилась идея создавать рентгеновские аппараты на базе автомобиля. По сути, это были первые мобильные рентгеновские кабинеты. Они оказались крайне востребованы на фронте – один такой кабинет мог обслуживать несколько боевых частей.

Русско-японская война (27 января (9 февраля 1904 – 23 августа (5 сентября) 1905) – война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей. Стала (после перерыва в несколько десятков лет) первой большой войной с применением новейшего оружия: дальнобойной артиллерии, броненосцев, миноносцев, в которой Япония и по существу, и по форме стала нападающей стороной. Внезапное, без официального объявления войны, нападение японского флота на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 привело к выводу из строя нескольких сильнейших кораблей русской эскадры и обеспечило беспрепятственную высадку японских войск в Корею в феврале 1904 года. Война завершилась Портсмутским миром, подписанным 23 августа (5 сентября) 1905 года и зафиксировавшим уступку Россией Японии южной части Сахалина и своих арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

Новые принципы в системе образования появились ещё при Александре I (1801–1825): учебные заведения стали бессловными, начальное обучение – бесплатным, учебные программы строились на принципах преемственности. При Николае I (1825–1855) образование снова стало сословным: приходские школы для крестьян; уездные училища для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей; гимназии для детей дворян и чиновников. При Александре Втором (1855–1881) произошёл рост грамотности населения

и получили развитие различные формы обучения. Вводилось доступное сословное образование. Возникали наряду с государственными земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы. Гимназии разделились на классические и реальные. В них принимали детей из всех сословий, способных оплатить обучение. Реформу образования (с введением обязательного начального) планировали завершить примерно в половине губерний России (в европейской части) до 1918 г, а в полном объеме, по всей империи – к концу 1920-х гг. С самого начала царствования Николая II ускоренными темпами начало развиваться и женское образование. Было утверждено положение о Женском Медицинском Институте. Указом Николаем II был подписан 3 мая 1908 г. рамочный закон о начальном школьном образовании, но из-за разногласий между Гос. Думой и Госсоветом принятие закона затянулось. Тем не менее мероприятия, связанные с реализацией проекта введения бесплатного всеобщего начального образования, который предполагал резкое увеличение количества начальных школ и их доступность в радиусе не более 3 вёрст от места проживания ученика, проводились неуклонно вплоть до революции 1917-го. Фактически к 1917 году практически полный охват начальным образованием был обеспечен в европейской части России среди мальчиков и на 50% – среди девочек.

Глава 42

ПАФНУТИЙ ПОДСЧИТЫВАЕТ МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД

Пафнутий семенил под пушистым хвостом Рыжего, опасаясь лишь одного – раздуться от непомерной гордости, потому что тогда его белоснежные бочка непременно вы-

сунутся из укрытия и Люди обнаружат не дозволенного санитарными нормами грызуна. Сдерживался «м.н.с.» с трудом – всё-таки, как ни крути, а именно ему принадлежала честь обнаружения подземного хода, который привёл к «царскому метро», хотя они с Брысем и не увидели там никакого поезда.

Впрочем, раз туннель остался недостроенным, то зачем по нему ездить?! Главное – есть, куда упрятать августейших любимцев, согласно плану руководителя миссии. Довольный собственным вкладом в общее дело, затмевающим незаметные глазу вложения всех остальных членов спасательной команды, вместе взятых, Пафнутий в глубине души (но не так чтобы очень глубоко) надеялся на продуктивную компенсацию полученного им морального вреда.

Он загибал крохотные пальчики, по одному – на каждую пережитую им неприятность, начиная с прищемления Брысем его хвоста, за которым последовала поездка в мусорном контейнере, прыжок на полном ходу из грузовика, вынужденное расставание с продовольственной «пирамидкой», стачивание прочной жёлтой эмали о толстую дубовую дверь Феодоровского собора, долгое брожение по холодному мрачному подземелью, пережитый ужас от встречи с масонами, ещё не до конца пережитый ужас, когда руководитель миссии пытался заставить его бежать за помощью через тёмный

парк, кишащий собаками, и опять стачивание зубов об очередную дубовую дверь... Получилось девять пунктов, и оставшийся не загнутым «большой» пальчик (пусть он у представителей его вида короче других и без чудесного острого коготка) действовал помощнику юного химика на нервы.

Пока «м.н.с.» выискивал подходящую для ровного счета неприятность, их процессия покинула подвал и поднялась по лестнице, оставив позади буфеты и кухни, и Пафнутий с горестным вздохом сжал оба кулачка — десять...

* * *

Мартин оскалился и зарычал, когда вновь показавшиеся из подъезда Люди попытались его поднять. И не столько из-за боли (к ней он уже притерпелся), сколько из-за нежелания оставлять без присмотра каракулеву папаху «Атоса» и, особенно, роскошный автомобиль, доверенный штабс-капитану лишь на время. (Он потратил последние силы на то, чтобы подползти к охраняемому имуществу как можно ближе.)

Однако давешний дед и взятый им в помощники здоровенный малый проявили завидное бесстрашие и, накинув на перепачканного грязью и запёкшейся кровью пса старую тряпку (тоже не сказать чтобы чистую) затащили его в дом, подняли по лестнице на третий этаж и внесли в квартиру, в которой Мартин распо-

знал присутствие своего «подопечного» и тихо порадовался, даже вильнул белой кисточкой.

– Ого, какой гигант! – уважительно сказал кто-то, кого пёс не видел, потому что глаза закрылись и не желали снова открываться, словно веки намазали суперклеем «Момент» и они слиплись. (Папа Николай Павлович частенько использовал яркий тюбик при починке поломанных Мартином предметов домашнего обихода.)

– Кладите его на стол!

Сквозь сомкнутые ресницы проникал яркий свет и мешал погрузиться в сон, хотя всё к тому располагало: и тепло, и ласковые прикосновения рук, и щекотные пощипывания от спирта, которым ему обрабатывали раны, и даже странная жидкость, которая медленно перетекала в его вены через воткнутую в правую лапу иглу.

«Теперь я почти как Брысь, – утомлённо подумал пёс, – только его два раза ранили, а я два раза подрался...» Хотя нет, ему всё равно больше досталось: он и в гипсе скакал, и уколами кололся. К тому же он оба раза защищал при этом своего Человека, а я только один...»

Видимо, Мартин всё-таки задремал, потому что очнулся от звука голосов в соседней комнате. Один из них, слабый и прерывистый, принадлежал штабс-капитану, и собачье сердце преисполнилось благодарностью к тем, кто не бросил их в беде: к доброму деду и улыбочиво-

му парню, пахнувшими углем и дымом, и неизвестному со стойким лекарственным ароматом (врач, не иначе).

– ...присмотрит за мотором, а вам лучше бы ещё полежать, – договаривал начатую фразу доктор.

– Спасибо за всё, Фёдор Ильич! Но мне обязательно нужно вернуться к утру.

– Обещайте, что непременно обратитесь в госпиталь, если почувствуете тошноту и головокружение!

– Конечно, – несколько рассеянно, как показалось Мартину, ответил «Атос» (вероятно, следовать рекомендациям не собирался).

– Славный у вас пёс! Где вы только раздобыли такого огромного? Если бы не он, так понимаю, не говорили бы мы сейчас. Боюсь, с сегодняшнего дня показываться на улицах Петрограда в форме с офицерскими погонами небезопасно...

– Почему вы так считаете? – заинтересованно спросил штабс-капитан. (Наверное, ему было любопытно узнать мнение сугубо мирного человека.)

– А разве вы думаете по-другому? Надеетесь, что эта волна не сметёт нашу прежнюю жизнь? Вслушайтесь в лозунги – они требуют покончить не только с войной и царизмом, но и вообще переделать общество на свой лад... Всмотритесь в эти лица – они настроены идти до конца, до нашего с вами конца...

– Но вы-то врач, вам нечего бояться народного гнева.

– Во-первых, я дворянин и собираюсь таковым оставаться, а во-вторых, именно как врач я и боюсь любых проявлений агрессии, тем более – разъярённой толпы. Так как знаю, что в лазаретах больше нет свободных коек, – горько пошутил доктор.

Убаюканный тихими голосами, Мартин снова задремал – ему снилось, что он уже в машине, на мягком сиденье в закрытой части «каretty на колёсах», которая мчит его обратно к друзьям (ну, если пятьдесят километров в час можно называть скоростью) ...

* Первый раз Мартин пострадал в драке с немецкой овчаркой, когда вместе с Брысем искал Янтарную комнату (книга «Брысь, или Кот Его Высочества», часть 4).

Глава 43

БРЫСЬ НЕ СПИТ, А ИМПЕРАТОРСКИЙ ШОФЁР РАССУЖДАЕТ О ФАТАЛИСТАХ

В Кленовой гостиной установилась тишина, прерываемая бурчанием в голодных желудках. Обеспокоенному Пафнутию казалось, что самые громкие звуки исходят от него, привлекая совершенно излишнее

внимание малознакомых котов. В сердце грызуна копошились сомнения – можно ли считать тот факт, что один из них предоставлял ему свой пушистый хвост в качестве одеяла и убежища, залогом крепкой дружбы? И если да, то почему они глазищами в его сторону стреляют?

На всякий непредвиденный случай «м.н.с.» переместился поближе к Брысю, свернувшись калачиком на одной из медвежьих шкур. (Бывшие хозяева леса значительно превосходили размерами тех, что показывали питомцу Вовы Менделеева по телевизору, и если бы пережитые испытания не закалили его характер, то помощник юного химика непременно хлопнулся бы в обморок от безжалостного блеска стеклянных глаз и оскаленных громадных клыков – таких он не видел даже у Мартина, самого большого из известных ему представителей собачьего племени!)

Брысь отогревался после часов, проведённых в холодном сыром подzemелье, и не возражал, что к спине прижалось горячее белобрысое тельце. Благородное стремление руководителя миссии сразу отправиться за лопухом Мартином разбилось о несокрушимые доводы августейшего любимца, мол, ночью сделать это невозможно из-за разгуливающих по парку злобных псов, если только предводитель не собирается рисковать жизнью, а равно и успехом спасательной операции.

Поставить под угрозу общее дело Брысь не решился и устроился на мохнатом звере, который так нравился простодушному приятелю. Долгожданный отдых не радовал — тревога отгоняла сон, услужливо подсовывая картины, разрывающие сострадательное сердце искателя приключений. Вот Мартин сидит перед собором, заметаемый снегом. Не сводит настороженных глаз с дыры в дубовой двери, готовый взорваться ликованием, как только первый из них покажется в отверстии. А вот он, потеряв надежду, угнездился в сугробе. Белая кисточка накрывает большой добрый нос, а треугольные уши вздрагивают от малейшего шороха, но реже и реже, потому что мороз всё глубже проникает в дрожащее тело...

* * *

Ослабевший от полученных ран, Мартин и впрямь выстукивал зубами дробь, и меховая накидка, подоткнутая со всех сторон чьими-то заботливыми руками, не согревала. Мысли его то прояснялись, то снова туманились. Странная сонливость мешала сосредоточиться и определить, где он находится и сможет ли вернуться к друзьям на таких вялых лапах. Сквозь пелену в глазах ему мерещилась забинтованная голова «Атоса» и бравые усы императорского шофёра. Голоса их тоже доносились будто сквозь пластиковую бутылку, в какую он однажды просунул морду.

Видение из бесприютного детства возник-

ло в памяти так отчётливо, словно это вчера он обнаружил возле мусорного бака, где обычно караулил еду, тёмно-коричневую ёмкость со срезанным верхом – чья-то сердобольная душа наполнила её тёплой кашей. Начинку он с удовольствием слопал, а вот вытащить обратно голову не получилось – так и ходил, с удивлением прислушиваясь к потускневшим звукам, пока не нашёлся ещё один сердобольный, кто помог крошечному щенку избавиться от ловушки...

– Что, всё так плохо? – заранее грустя, спросил изобретатель. Если события устремятся по тому мрачному сценарию, что пророчил штабс-капитан, то придётся спешно покидать Россию, которую он успел полюбить и где император Николай Второй, страстный поклонник технического прогресса, создал для него все условия для инженерного творчества. Но выжидать, чем закончится народный бунт, он не имел права: на его плечах лежала ответственность за жену и троих детей...

– Даже хуже! Боюсь, что когда их величества это поймут, то изменить ситуацию окажется им не под силу.

– Ах, царь Николай слишком мягкий и интеллигентный для вашей непредсказуемой страны. Он чересчур... – француз пощёлкал пальцами, подыскивая подходящее слово, – фаталист. Слишком верит в «чему быть – того не миновать». Я говорил ему: «Нельзя по вашим дорогам ездить 120 километров в час!» А он: «Быстрой,

быстрей!» Надеюсь, ты не гнал? – обеспокоенно закончил тираду государев шофёр.

– Гнал бы, если бы не зима! – «успокоил» его штабс-капитан. – Проклятая война! – вдруг воскликнул он в сердцах.

– И это я слышу от военного? – невесело подколот француз.

– Всё думаю, как «вовремя» она подросла! И вообще, как много в России происходит «вовремя», как по заказу, как раз тогда, когда проводятся наконец реформы и меняется к лучшему жизнь...

Адольф Кегресс задумался.

– Ты сторонник теории заговора?

«Атос» потёр покрасневшие от усталости и бессонной ночи глаза.

– Да это я так, сгоряча... Хочется же на кого-нибудь спихнуть воровство и бездарность чиновников. С другой стороны, как только появляется грамотный управленец, так его хлоп – и убивают! Возьми вон Столыпина!

Личный шофёр его величества помнил тот день, 5 сентября 1911-го. Государь горевал так, словно потерял лучшего друга. Всё повторял знаменитую фразу реформатора, обращённую к большевикам: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

– Столыпин тоже был фаталистом! На него ведь одиннадцать раз покушались? Вы, русские, все фаталисты!

Штабс-капитан печально усмехнулся.

– Пожалуй, те, кто не верит в судьбу и собирается взять её в свои руки, сейчас на стороне бунтовщиков. И число их значительно больше, чем я смел предполагать...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Пётр Аркадьевич Столыпин (2 (14) апреля 1862, Дрезден, Саксония – 5(18) сентября 1911, Киев) – государственный деятель Российской империи. Известен в первую очередь как реформатор и государственный деятель, сыгравший значительную роль в подавлении революции 1905–1907 гг. В должности премьер-министра, которую он занимал вплоть до своей гибели, Столыпин провёл целый ряд законопроектов, которые вошли в историю как столыпинская аграрная реформа, главным содержанием которой было введение частной крестьянской земельной собственности. Во время выступлений перед депутатами Государственной думы проявились ораторские способности Столыпина. Его фразы «Не запугаете!», «Сначала успокоение, потом реформы» и «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», обращённые к левому радикальному крылу Думы (большевикам) стали крылатыми. Из личных черт характера современниками особенно выделялось его бесстрашие. На Столыпина было совершено 11 покушений. Во время последнего, совершённого в Киеве Дмитрием Богровым, Столыпин получил смертельное ранение, от которого через несколько дней умер.

Глава 44

НАЧАЛО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Облака расступились, и бесчисленные искорки упали на снежный наст. Теперь он так

же обжигал глаза, как и по-весеннему расшлывшееся дневное светило. Настроение невольно улучшилось.

От ноющей боли в виске и лёгкого головокружения штабс-капитан отмахнулся, как от не подобающих военному слабостей. Главное, Адольф Кегресс обещал присмотреть за дворнягой, встречу с которой так кстати подстроила судьба. Офицер усмехнулся – пожалуй, француз прав, считая русских фаталистами. Но ведь не окажись у него в нечаянных попутчиках отважного гиганта, то и рассуждать о роли фортуны не пришлось бы!

Хорошо, что пёс мощный и крепкий! Выкарабкается! Вот уже и аппетит вернулся – съел полюбившиеся ему пирожки. От первого ещё нос воротил, а со вторым расправился бодрее: надкусил – проглотил. Впрочем, у милого здоровяка эти два действия объединены в одно. Штабс-капитан заулыбался, вспомнив несчастно-растерянное выражение на доброй морде, когда в мгновение ока опустел свёрток с угощением от жены изобретателя, выданный им в дорогу. Кажется, пёс так и не поверил, что «попробовал» вкусный подарок. Нужно будет принести ему из Собачьей кухни кусок мяса на сахарной косточке, чтобы быстрееправлялся!

Офицер прибавил шаг, рассчитывая, что за время его отсутствия появилась новая реакция их величеств на известия из Петрограда. Он же

уверился в том, что охвативший столицу бунт сам по себе не уляжется, как и в том, что министр внутренних дел Протопопов не справляется с ситуацией и она всё больше выходит из-под контроля.

Впрочем, чему удивляться! После того гнева, что обрушил Николай Второй на виновных в стрельбе по демонстрантам 9 января 1905 года, стоило ли ждать от чиновника решительных действий... Императора тогда не убедил даже довод, что первыми по солдатам оцепления Зимнего дворца стали палить из толпы «мирных» народных посланников. Во все времена революционеры прикрывались доверчивыми обывателями, подставляя их под пули.

«Кровавое воскресенье», как окрестили трагическое событие газеты, послужило сигналом для разрушительной революции, продлившейся почти два года и унёсшей тысячи жизней. И то, что он увидел сегодня ночью в Петрограде, очень напоминало события двенадцатилетней давности: безоружные толпы горожан, доведённых до отчаяния затянувшейся войной, гибелью близких, закрытием заводов, страхом перед голодом, и провокаторы с подходящими моменту лозунгами, стреляющие по городovým из-за чужих спин. А те, кто ими управляет, вряд ли находятся там же на площадях...

Мимо то и дело проезжали грузовики с красными крестами: прибыл утренний

санитарный поезд и раненых развозили по госпиталям, число которых в Царском Селе перевалило за шестьдесят. Самый крупный обосновался в Екатерининском дворце.

Штабс-капитан часто видел императрицу и великих княжон Ольгу и Татьяну спешащими на дежурство в лазарет. Их лица сильно изменились за два с половиной года войны: побледнели и осунулись, под потускневшими глазами залегли серые тени... Он и не предполагал в нежных венценосных созданиях столько силы духа и выносливости. После долгих часов, проведённых за операционным столом, государыня с дочерьми навещали кладбище, где упокоились те, кого не удалось спасти. Помнили про всех – и на девять дней, и на сорок, и на годовщины на могилках обязательно появлялись свежие цветы...

Рядом кто-то смачно сплюнул, и офицер оглянулся. С дерзким вызовом на него смотрел рядовой гвардеец из Морского экипажа, присланного неделю назад с фронта для усиления охраны Александровского дворца. Смотрел в упор, тяжело, с ненавистью.

Штабс-капитан остановился и принял молчаливый вызов. Совпадение или нет, но с прибытием моряков в частях гарнизона начались митинги с требованиями немедленного прекращения войны и зазвучали призывы к свержению монархии. Всё это наводило на тревожные мысли, что оберегать августейшую семью

будет попросту некому, когда мятежная волна накроет Царское Село целиком...

«Схватка» взглядами длилась не меньше минуты. Наконец матрос нехотя вскинул руку, отдавая честь, всем видом демонстрируя, что делает это в последний раз. Из уважения к красному пятну на белой повязке, выглядывающей из-под каракулевой папахи...

До дежурства оставалось немного времени, и штабс-капитан дошёл до госпиталя. Уговорил медицинскую сестру наложить свежий бинт, минуя рентген и осмотр у врача, — пусть занимаются теми, кто действительно серьёзно ранен.

В офицерской комнате не порадовали: согласно последним телефонограммам от министра внутренних дел, в Петрограде горит множество зданий (в их числе Арсенал и Дворец правосудия), бунтовщики открывают тюрьмы и выпускают заключённых, на сторону восставших переходит всё больше казаков, до сих пор считавшихся самыми верными защитниками престола.

— А что императрица? — предчувствуя ответ, всё-таки спросил штабс-капитан приятеля из службы связи.

— Уверяет, что такого не может быть и тут какая-то ошибка... Государю её величество направила успокоительную депешу... Может, и правда Протопопов преувеличивает? В столице столько войск...

– Не преувеличивает! Я сегодня ночью туда наведалься. Думаю, нужно готовиться к худшему.

– Это там тебя так приложили? Пуля?

– Нет, булыжник.

Штабс-капитан вдруг вспомнил уличные бои, развернувшиеся после «кровавого воскресенья» в обеих столицах: он был тогда молодым корнетом и жалел, что не служит на флоте, а то бы уже принял доблестную смерть на одном из потопленных японцами русских крейсеров (всё лучше, чем смотреть, как рушится привычный мир), и добавил:

– Оружие пролетариата...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Александр Дмитриевич Протопопов (18 декабря 1866 – 27 октября 1918, Москва) – российский политик, крупный помещик и промышленник, член Государственной Думы от Симбирской губернии. Последний министр внутренних дел Российской империи.

«Булыжник – оружие пролетариата» – знаменитая скульптура, выполненная советским скульптором И. Д. Шадром в 1927 году из гипса и в 1947 году отлитая в бронзе. Гипсовая версия хранится в Третьяковской галерее. Копия из бронзы в 1967 году установлена в Пресненском районе Москвы, в парке Декабрьского восстания (архитекторы М. Н. Казарновский, Л. Н. Матюшин). Герой скульптуры представляет собой обобщённый образ пролетария начала XX века, борца за революционные идеалы. Скульптура приобрела популярность в СССР и дала начало шутивно-ироничному крылатому выражению: «Булыжник – оружие пролетариата».

БРЫСЬ СООБЩАЕТ О ПРОПАЖЕ

Брысь возвращался озадаченный: возле собора Мартина он не обнаружил. Пёс не сидел перед отверстием (которое, кстати, уже заколотили досками) и не дрожал в сугробе. Не было его и у знакомых ворот.

Руководитель миссии оценивающе посмотрел на насупленные брови высоченных казаков – такие вряд ли сжалились бы над дворнягой, какой в их глазах являлся пёс без явных признаков породы и хотя бы незамысловатого ошейника. Зато это исключало возникшее было опасение, что Мартин пал героем в смертельной схватке с овчарками и доберманами, которыми пугал Джой. К тому же он не заметил по пути следов кровавой битвы.

«Придётся привлекать спаниеля! Он хвостался прекрасной охотничьей родословной, вот пусть докажет!» – подумал Брысь, снова протискиваясь между прутьями ограды и с некоторым сожалением отмечая, что похудел от беготни и явного недоедания, будто он опять не Ван Дейк, имеющий отдельную трёхкомнатную квартиру и заботливых опекунов, а неприкаянный уличный кот с унижительной кличкой. С другой стороны – налицо удобство в преодолении разного рода препятствий, а то пришлось бы караулить

возле суровых стражей, пока кто-нибудь войдёт или выйдет. Впрочем, с наступлением утра Люди так и сновали, предъявляя охранникам бумажки с фотографиями и печатями.

В Кленовой гостиной руководителя миссии окружили встревоженные соратники и августейшие питомцы, за исключением Ортино и Джимми, которых пока не привлекли к спасательной операции.

Васька, на правах официального представителя Дома Романовых и просто гостеприимного хозяина, позаботился о завтраке, и Брыся дождалась отварная куриная ножка. За ней присматривал философ, приученный суровой жизнью обходиться малым, а потому вполне насытившийся своей порцией.

Руководитель миссии сообщил о пропаже, и, пока остальные строили гипотезы и выдвигали версии, аккуратно и неторопливо, как подобает истинному аристократу и бывшему Придворному Коту, разделался с угощением. (Косточку отдал Пафнутию, и тот почти мгновенно перемолол её, с удовольствием присоединив к кусочку сыра, уже покоящемуся в желудке.)

Новые трудности огорчили царских любимцев: мало того, что их высочества по-прежнему прикованы к постелям тяжёлой болезнью, а государыня провела бессонную ночь, так ещё и огромный пёс не дождался второго пришествия!

Услышав из уст венценосных питомцев известное выражение, Брысь покосился на

Пафнутия, но тот скромно потупился, избегая встречаться взглядом с руководителем миссии. (В конце концов, помощника юного химика никто не предупредил, чтобы он держал язык за жёлтыми зубами!)

Джой преисполнился гордостью от порученного ему задания и возможности впервые продемонстрировать незаурядные способности не в игре с Наследником, а в серьёзном деле. С важным видом он уткнулся в медвежью шкуру, впитавшую запах объекта поисков, и, не поднимая носа, начал движение к выходу из комнаты.

Брысь с любопытством проследил за действиями «профессионала» и покачал головой — всё-таки собакам явно недостает кошачьего интеллекта.

— Может, мы поторопимся к собору, пока следы Мартина не слишком выветрились? — с лёгким сарказмом произнёс он.

— Да, так будет гораздо быстрее! — просто-душно согласился «дипломированный» охотник, не распознав ехидных ноток.

— А нам что делать? — на всякий случай поинтересовался Рыжий, втайне рассчитывая, что в образовавшееся свободное время сможет поглазеть на живого слона.

Ответ руководителя миссии вполне оправдал его надежды:

— Отдыхайте пока!

Пафнутий тут же юркнул за мягкие складки портьеры, чтобы оставшиеся без дела коты

забыли на время о его существовании и не вздумали привлечь к каким-нибудь опасным затеям.

Впрочем, книгочей собирался использовать драгоценные часы на самообразование, а потому устремился к бюро государыни, на котором рядом с неизменной Библией (внимательный взгляд философа замечал её во всех комнатах, куда удалось вчера заглянуть «экскурсантам») лежал трактат Чарльза Дарвина о происхождении видов на Земле, испещрённый пометками на полях. Видимо, учёное произведение не оставило императрицу равнодушной.

«Вот в чём Людям повезло больше, чем котам, — позавидовал Савельич, — так это в способности держать карандаш или ручку, чтобы делать выписки для лучшего запоминания!» Ему же приходилось пользоваться лишь исключительной зрительной памятью и умением логически мыслить, раскладывая полученные знания по «полочкам», организованным им в голове наподобие книжного стеллажа в Сашиной гостиной. Вот только информации скопилось так много, что извлекать её становилось всё труднее...

Савельич полистал фолиант, отыскивая главу о своих далёких предках (о том, кто стал родоначальником Людей он и раньше догадывался)...

Августейшие коты разделились: Котька умчался к Наследнику, поскольку в отсутствие спаниеля был единственным его утешителем и защитником, а Васька решил сопроводить пушистого рыжего пришельца в слоновник, так

как и сам был не прочь взглянуть на длинноно-
сого гиганта.

Пошарив глазами в поисках белобрысого
грызуна, чтобы убедиться, что тот не испыты-
вает на прочность какой-нибудь ценный пред-
мет мебели, и не найдя его, почитатели лоп-
ухих великанов отправились на прогулку...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Чарлз Роберт Дарвин (англ. Charles Robert Darwin; 12 февраля 1809 – 19 апреля 1882) – английский натуралист и путешественник, одним из первых пришёл к выводу и обосновал идею о том, что все виды живых организмов эволюционируют во времени от общих предков. В своей теории, развёрнутое изложение которой было опубликовано в 1859 году в книге «Происхождение видов», основным механизмом эволюции Дарвин назвал естественный отбор. Ему также принадлежит одно из первых обобщающих исследований о происхождении человека.

Глава 46

ДЖОЙ ОПРАВДЫВАЕТ ОХОТНИЧЬЮ РОДОСЛОВНУЮ

Любимец цесаревича был личностью
узнаваемой, и руководитель миссии беспоко-
ился, выпустят ли Джоя за пределы Алек-
сандровского парка строгие караульные. Как
оказалось, кудрявый «следопыт» тоже этого

опасался, а потому взял ворота штурмом, ловко вонзившись на полной скорости в просвет стального плетения.

Выбранный августейшим питомцем выход находился гораздо ближе к Феодоровскому собору, чем тот, рядом с Кухонным корпусом, которым воспользовались Брысь с Марином. Однако нюх, и вправду выдающийся, заставил Джоя описать петлю и вернуться к чёрной с золотом решётке, где он с удивлением распознал рядом с нездешним запахом пришельца из будущего (интересно, какими шампунями его моют?) вполне знакомый аромат. Цепкая собачья память хранила его среди множества других, и принадлежал он штабс-капитану из охраны резиденции. Тому, что походил на одного из мушкетёров, которых питомец Наследника видел в дворцовом синематографе года три назад, когда вместе с венценосными хозяевами смотрел на забавные двигающиеся картинки...

* * *

Мартин проводил «Атоса» тоскливым взглядом. Не потому, что почувствовал себя одиноко (всё-таки лежанку ему устроили в автомастерской, где было чему уделить внимание!), а потому, что хотел бы последовать за штабс-капитаном. Без сопровождающего грозные казаки на территорию опять не пустят, даже если он сможет подняться и проделать обратный путь до ворот.

Убедившись, что пёс лежит смирно и не пытается срывать повязки, наложенные питерским доктором, Адольф Кегресс поручил одному из механиков приглядывать за раненым и занялся проверкой документации вверенного его заботам сложного и обширного хозяйства: полсотни автомобилей, восемьдесят шофёров, обслуживающих многочисленную государеву свиту, оборудование...

Начальнику технической службы не давала покоя мысль, что вскоре придётся сдавать дела, и, будучи человеком ответственным и аккуратным, он намеревался оставить о себе доброе мнение...

* * *

По описанию Джоя искатель приключений узнал того самого «четырёхзвездочного» с благородными чертами Атоса и такими же взглядами на честь, как у славного королевского мушкетёра, и подивился причудам судьбы, которая свела верного пса с человеком, столь сильно напоминающим его французского «подопечного». (Как сказал бы Пафнутий: «Генетика – наука тонкая!» Впрочем, это касалось только грызунов и зайцев, и руководитель миссии при рассуждениях помощника юного химика не присутствовал.)

Спаниель уверенно читал следы, и они привели не куда-нибудь, а в Императорский гараж! Навстречу шёл человек с уныло повисшими

усами, погружённый в раздумья. Спаниель радостно взвизгнул и кинулся к нему.

— Джой! — удивился тот и, отстраняясь от бурных объятий, потребовал: — Дай лапу!

Августейший питомец вспомнил о правилах хорошего собачьего тона и церемонно поздоровался, но вдруг опять пренебрёг этикетом и принялся шумно обнюхивать руки и одежду «усатого», а затем, не прощаясь, кинулся мимо него через открытые железные ворота внутрь одного из зданий. Брысь едва поспевал.

* * *

Мартин разглядывал миску с овсяной кашей, политой постным маслом, и принюхивался, надеясь, что проснётся чувство голода. «Атос» уверял, что аппетит — признак улучшающегося самочувствия. То ли самочувствовал он себя пока неважно, то ли пирожки ещё не переварились, но есть кашу не хотелось. Да и пахла она как-то странно. Мартин опять повёл носом — точно, котами и собаками. А если подумать, то вполне конкретными...

— Нашли! — завопил знакомый голос.

Пёс поднял глаза от миски — мимо ряда сверкающих чёрными, отполированными до блеска боками автомобилей к нему мчался кудрявый спаниель Наследника престола, а за ним вприпрыжку нёсся Брысь...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Первый фильм по роману Дюма «Три мушкетёра» появился ещё в 1898 году (Три мушкетёра / The Three Musketeers – немой, Великобритания), а к 1916-му было уже восемь экранизаций.

Глава 47

ВАСЬКА НЕ ЗНАЕТ ДОРОГИ

Уверенность, с какой питомец великой княжны Ольги пробежал первые десятки метров по одной из парковых дорожек, вскоре сменилась сомнениями, а потом и растерянностью.

Рыжий всё ещё оглядывался на огромного роста казаков – казалось, они на целую голову превосходят обычных людей, а то и самого Портоса! Великаны будто намертво приросли к месту несения караула – к выходу из личных апартаментов царской семьи, расположенному с торца левого (или правого, как повернуться) флигеля Александровского дворца. Увлёкшись, Рыжий заметил колебания августейшего любимца, лишь когда тот совсем остановился. Переминаясь с лапы на лапу, Васька сконфуженно щурился на гостя.

– Замёрз? – высказал первое пришедшее на ум предположение по-зимнему лохматый пришелец из будущего.

— Дело в том, что я никогда не бывал в словнике, — сознался питомец великой княжны.

Рыжий воззрился на него в искреннем недоумении:

— Тебе никогда не хотелось взглянуть на настоящего СЛОНА?!

Название экзотического животного он произнёс с таким восторженным упоением, что обладателю ошейника от Фаберже стало совестно. Васька порылся в памяти, собирая по крупицам рассыпанные там сведения и выуживая виденные на фотографиях эпизоды «слоновых будней».

— Когда тепло, он гуляет по парку и купается в Большом Ламском пруду, так что, наверное, где-то там поблизости и живёт, — без особой убеждённости проговорил царский питомец. — У него просторный деревянный дом с башенками. Старинный, лет сто, не меньше! Там раньше до трёх слонов одновременно размещалось. Государь их в зверинец передал, но подарили нового.

— Далеко идти? — с трудом скрывая обиду на обстоятельства и сморгнув набежавшую на глаза влагу, уточнил Рыжий. (Теперь ему страстно мечталось увидеть, как длинноносый гигант плещется в воде, выстреливая радужными фонтанами, но до лета их спасательная команда вряд ли задержится в прошлом. А в будущем как растолковать Саше и родителям, чтобы они захватили его с собой, когда соберутся в зоопарк?!)

Васька подумал и честно ответил:

– Не знаю. Но пруд в той стороне, – и показал на самую густо засаженную деревьями и пустующую часть парка. – Может, подождём, когда возвратится Джой? Он нас проводит!

Предложение звучало разумно, если бы не одна загвоздка: вместе со спаниелем вернётся и Брысь, а Рыжий сомневался, что его серьёзный приятель позволит тратить время на «глупости». Скорее, он был почти уверен, что поход в гости к лопухому зверю руководитель миссии сочтёт никчёмной затеей, отвлекающей от главной цели.

Вывод напрашивался неутешительный, а любопытство влекло вперёд, так что Рыжий потрусил дальше.

– А наша Настаська умеет изображать разных животных, и не только! – на ходу поведал августейший питомец, устремившись следом.

– Какая Настаська?

– Хозяйка Джимми, самая младшая из сестёр. Она так ловко всех передразнивает, что умереть со смеху можно! В Семье говорят, что из неё получилась бы отменная комедийная актриса!

– А разве царевнам такое дозволено? – Рыжий даже приостановился от изумления.

– Нет конечно! Поэтому она на домашних свой талант изводит: устраивает потешные

спектакли и постоянно всех разыгрывает. Вообще очень озорная. По деревьям лазает не хуже нас с Котькой!

– А! Та, которую Швыбзиком прозвали! – Рыжий вспомнил рассказ бабушки Александры Сергеевны о государевых детях.

Васька потрясённо уставился на пришельца из будущего:

– Вы и об этом знаете?! И о том, как она клубничным сиропом сестёр разрисовывала?! И как на балалайке лихо бренчит?! Получше, чем Наследник!

– Цесаревич играет на балалайке?! – поразился Рыжий.

– Это его любимый инструмент, потому что народный, – пояснил августейший питомец. – Ещё он на гитаре умеет, а Настаська и на гитаре, и на рояле. Они с Государыней такие концерты в четыре лапы, то есть руки, закатывают, заслушаешься! Жаль, болеют сейчас, а то бы вам понравилось!

– А вот у нашего Саши совершенно нет времени, потому что он в школу ходит, а потом ещё уроки учит! – гордо сообщил Рыжий, чтобы оправдать в собственных глазах неумение «подопечного» пользоваться музыкальными инструментами. Даже флейтой, игру на которой преподавала мама Лина.

– Так наши тоже учатся! То есть те, кто помладше: Мария, Настя и Алёша. Остальные выучились уже! Правда, они никуда не ходят,

потому что на Детской половине классные комнаты имеются.

– Отличники? – с любопытством спросил Рыжий, приготовившись сравнить достижения венценосных отпрысков с Сашиними переменными успехами.

– Да все по-разному. Настаська, например, считает математику свинством и лезет задачки решать, а мистеру Гиббсу, он английскому обучает, притащила как-то букет, чтобы выклянчить оценку получше! Он отказался, так она цветы учителю русского передала, хотя по этому предмету у неё и так прекрасная успеваемость, – бесхитростно поделился августейший питомец проделками великой княжны.

Он, бывало, забегал во время уроков в классы и дивился объёму знаний, который взрослые пытались впихнуть в юные головы, особенно в Наследника престола. Видимо, хотели сделать его таким же умным, как отец, который мог вести беседу на разных чужестранных наречиях.

– И наш Брысь так умеет! – возликовал Рыжий и пояснил царскому любимцу, оторопевшему от странной клички: – То есть Ван Дейк, руководитель спасательной операции...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Деревянный павильон «Слоны» с небольшими башенками индийской архитектуры и окружающими двор служба-

ми и сараями возвёл в 1828 г. арх. А. А. Менелас. Павильон не сохранился. О нём напоминает лишь второе название Красносельских (Слоновых) ворот.

Архимандрит Николай (в миру Чарльз Сидней (Сидни) Гиббс, англ. Charles Sydney Gibbes; 19 января 1876, Потерем – 24 марта 2963, Лондон) – архимандрит Русской православной церкви, деятель РПЦ в Англии. Известен тем, что в течение ряда лет преподавал английский язык детям Николая II. Во время Февральской революции был разлучён с царской семьёй, которая находилась под арестом в Александровском дворце. Когда временное правительство отправило Николая II и его семью в ссылку, последовал за ними. После отправки Николая II и его семьи в Екатеринбург был снова разлучён с царской семьёй. Около десяти дней жил на железнодорожной станции в вагоне, затем уехал в Тюмень. После занятия Екатеринбурга белыми вместе с Пьером Жильяром в качестве свидетеля помогал следователю Николаю Соколову расследовать убийство царской семьи.

Глава 48

МАРТИН ВОЛНУЕТСЯ, А САВЕЛЬИЧ ИЩЕТ СЛУШАТЕЛЕЙ

Мартин не кинулся навстречу, не залагал приветственно, не замахал забавной белой кисточкой, хотя во всякое другое время вилял ею без остановки, лишь чуть приподнял добрую морду, всматриваясь в спешащих к нему друзей.

Картина была намного ужаснее тех, что мерещились ночью, и у Брыся упало сердце.

Во всяком случае, коту показалось, что оно провалилось в левую переднюю лапу и та, сразу потяжелев, нарушила ровный бег.

Джой домчался до нового приятеля первым и теперь с любопытством обнюхивал меховую накидку, под которой скрывалось что-то пахнущее лазаретом.

– Привет! – наконец вспомнил он о приличиях и оглянулся на руководителя миссии – тот замешкался и отстал.

Приблизившись, Брысь скользнул быстрым взглядом по миске с нетронутой кашей.

– Говорить можешь? – спросил он дрогнувшим голосом, лелея надежду, что пёс притворяется и сейчас выпрыгнет из-под тёплого покрывала целый, невредимый и довольный, что так ловко их провёл. Впрочем, для столь искусного розыгрыша он был слишком прямодушен, одно слово – лопух...

Мартин молчал, прижимая уши; в его карих глазах плескалось столько вины, что хватило бы на десятерых, натворивших кучу бед. И Брысь напрасно думал, что он не шевелит хвостом – белая кисточка под толстой накидкой трепыхалась так неистово, словно с ней приключилась истерика.

– Простите меня, – прошептал Мартин.

Не понимая, что происходит, но очень жалая несчастного пса, августейший питомец пренебрёг этикетом и облизал безродному пришельцу нос, лоб и длинные погрузневшие тре-

угольники. А руководитель миссии заглянул под покрывало и помрачнел.

Выслушав сбивчивую историю, в которой пирожки с картошкой, капустой и гречневая каша почти заслонили прочие события, Брысь решительно воскликнул:

– Так, отставить уныние! Съесть всё до зеркального блеска! И поправляться! Время ещё есть, и никого ты не подвёл, наоборот, спас хорошего человека, а они на вес золота!

Мартин похлопал короткими чёрными ресницами, соображая, больше это или меньше его собственных пятидесяти двух килограммов – столько показали в последний раз электронные весы в ветеринарной клинике, куда мама Лина водила его на прививку (сам он в цифрах не разбирался, но медицинская сестра объявила результат взвешивания вслух). По серьёзному тону Брыся выходило, что значительно больше, и он почти успокоился – оставалось залечить раны и приготовиться к новому бою...

* * *

Отдельной главы о кошках Савельич не нашёл и начал изучать трактат Чарльза Дарвина с самого начала, однако очень быстро споткнулся о научную терминологию, которой великий естествоиспытатель напичкал свой труд, и отложил книгу в сторону, восхитившись глубокими познаниями императрицы,

что позволили ей не только читать, но даже оставлять на страницах пространные комментарии.

Философ подвигал ушами – не шуршит ли где-нибудь Пафнутий. Если выманить грызуна, то, за неимением лучшей аудитории, его можно было бы использовать в качестве благодарного слушателя тех версий происхождения кошачьих, что хранились в бездонной памяти мыслителя. Но питомец Сашиного приятеля затаился, предпочитая невежество познавательным лекциям.

Савельич с некоторой тоской вспомнил свой ораторский успех у летнесадовских уток, их широко раззявленные клювы, взъерошенные перья и вытаращенные глаза. Вот кто сумел по достоинству оценить загадочное прошлое его предков, огласив округу восхищённым криканьем. Философ до сих пор расплывался в довольной улыбке – ещё бы, не каждый встречный тянулся родственными корнями в отдалённые вселенные!

Во всяком случае, из множества гипотез появления на Земле самых разумных, грациозных и полезных животных (к коим философ, безусловно, относил только себя и соплеменников) Савельич предпочитал именно космическую. В самом деле, не принимать же близко к сердцу легенду, которая гласит, будто первую пару борцов с грызунами «вычихал» лев, когда в Ноевом ковчеге расплодились серые вредите-

ли, угрожая не только слопать запасы зерна, но и вообще прогрызть деревянное днище и утопить пассажиров?!

Несостоятельность версии легко доказывалась очевидным несовпадением по времени: история пребывания на планете «царя зверей» насчитывала всего семьсот тысяч лет, а прародители мелких кошек, которых учёные окрестили миацидами, обнаружили более шестидесяти миллионов лет назад! И просто не могли не прилететь из глубокого Космоса!

За истинность данного предположения Савельич готов был пожертвовать свой самый лучший зуб – правый верхний клык, не тронутый кариесом. Почему именно правый, если и левый отличался белизной и крепостью? Потому что от слова «прав» ...

Глава 49

«М.Н.С.» ПОРАЗИЛ САВЕЛЬИЧА

Съесть всё до «зеркального блеска» Мартину помог Брысь. Руководитель миссии рассудил, что его личное присутствие в сложившихся обстоятельствах больше требуется раненому, и потому отослал Джоя обратно во Дворец с наказом хорошенько заботиться о приболевших высочествах, а пришельцам из будущего передать, чтобы не влипали в неприятности.

– Да, и Пафнутия не обижайте! – крикнул он вслед кудрявому спаниелю, который уже как на крыльях летел исполнять поручения. (Впрочем, с такими длинными ушами он летел без всякого «как».)

* * *

В Кленовой гостиной царила тишина, и питомец Вовы Менделеева, осмелев, выглянул из-за портьеры. Савельич, как прирождённый охотник, тут же уловил движение и, забыв про почтенный возраст, лёгкими прыжками пересёк гостиную и уселся перед «м.н.с.»

– Миациды, – ухватился за слушателя соскучившийся по аудитории «лектор», – это зверьки, похожие на куниц, сантиметров двадцать в длину; обитали на деревьях!

Пафнутий немедленно потряс головой в надежде избавиться от лишних знаний, навязанных против его воли.

– Собираешься поспорить?! – изумился философ, снова неправильно истолковав язык жестов.

– Нет, что ты, спорить не буду! Только ты лучше про масонов расскажи!

Ответ «никчёмного балласта» надолго поверг книгочех в глубокомысленное молчание, как если бы самая глупая утка, постоянно пропускавшая «занятия», вдруг обратилась к нему с просьбой разъяснить теорию относительности Эйнштейна.

Пафнутий между тем удивлял всё больше.

– Можно даже не с начала! Про храм Соломона я уже знаю, и про обряды, и про тайные знаки, и про их добродетели, и про цели Братства вольных каменщиков!

Савельич совершенно растерялся.

– Что же тебе неизвестно?

– Почему все вокруг твердят про масонский заговор и как с этим связан наш Царь?

Философ потрясённо разглядывал помощника юного химика – оказывается, пока он тут изучал интерьеры, грызун пытался докопаться до сути происходящих событий! Впрочем, «докапываться» – в его природе...

– Тема необычайно сложная и запутанная, – наконец начал летнесадовский мыслитель.

– А ты в двух словах! – тут же испугался Пафнутий за недостаточное количество места в своей маленькой голове.

– В то время, то есть в это, раз уж мы в нём находимся, – поправился Савельич, – имеется множество организаций вольных каменщиков, и в их рядах почти все министры, депутаты Государственной Думы и военная верхушка: генералы и старшие офицеры. Историки считают, что основной целью тайных братств было свержение самодержавия в России, поэтому масоны поддерживали революции и организовывали заговоры... Хотя есть сведения, что и Николай Второй входил в ложу «Крест и Звезда».

«М.н.с.» поморгал рубиновыми глазками, переваривая услышанное и пытаясь представить себя монархом, которому надоело бы царствовать и он ... отправился в круиз по Средиземному морю на белоснежном лайнере в солнцезащитных очках и яркой бандане на голове вместо короны.

– Разве такое бывает? – усомнился он на всякий случай.

– Может быть, ему нравились масонские лозунги, – рассуждал Савельич, – они ведь на словах выступали за дружбу народов и против войн. Кстати, именно Николай Второй предложил Людям идею всеобщего разоружения и мирного сосуществования государств! А в 1905 году он издал специальные Манифесты. Одним из них он ограничил свою власть и учредил Государственную Думу – без её одобрения ни один закон не принимается, а другим Указом ввёл многопартийную систему и предоставил своим подданным права и свободы. Например, свободу слова, то есть говорить то, что думаешь...

– А разве... – попытался вклиниться с вопросом Пафнутий.

– Свободу собраний, свободу создавать различные объединения и союзы, а ещё неприкосновенность личности, – не позволил перебить себя Савельич, и «м.н.с.» понял, что свобода слова на него не распространяется...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) – законодательный акт Верховной Власти Российской империи, обнародованный 17 (30) октября 1905-го. Был разработан председателем Совета министров Сергеем Витте по поручению императора Николая II.

Глава 50

ШТАБС-КАПИТАН И ПАФНУТИЙ РАЗМЫШЛЯЮТ О ГОСУДАРЯХ

Штабс-капитан больше не вмешивался в споры, разгорающиеся среди офицеров, но его тревожило то, что у других сослуживцев вызывало откровенное недовольство, – странное бездействие государыни. Она вдруг словно напрочь забыла, что является не обычной любящей матерью тяжело больных детей, но Императрицей...

А ведь совсем недавно Александра Фёдоровна с явным удовольствием руководила страной, когда государю потребовалось часто выезжать в Ставку: принимала министров и генералов, властно раздавала указания... Впрочем, то её поведение тоже вызывало жаркие словесные баталии, ведь она оказалась единственной,

кто поддержал императора в его безрассудном (как многие тогда полагали) намерении взять на себя обязанности Верховного Главнокомандующего, а с ними и ответственность за исход войны...

Штабс-капитан отчётливо вспомнил август 1915-го: телефоны взрывались возмущёнными трелями, трубки раскалялись от долгих переговоров, резиденцию осаждала многочисленная императорская родня. Но интеллигент и гуманист проявил неожиданную твёрдость, и в этом винили жену, так как привыкли считать монарха слишком мягким и слабовольным, чтобы в одиночку решиться на такое — сместить с поста Главнокомандующего родного дядю, великого князя Николая Николаевича, тем самым поставив под сомнение его «военные таланты»!

Штабс-капитан входил в число немногих, кто верил в императора. И не потому, что не сомневался в его любви к Отчизне, или потому, что хуже, чем обстояли дела на фронтах, уже и быть не могло. А потому что отец, князь Тихомиров, с детства ставил ему в пример строгость и требовательность в воспитании наследников престола, принятых в августейшей семье. Вот и Николай Второй не только получил два высших образования: юридическое и военное, но и прошёл многолетнюю службу в различных родах войск, начиная с чина младшего офицера.

Когда всего за несколько месяцев императору удалось полностью перевооружить армию и перейти от страшных поражений к наступлению, он гордился своим государем...

* * *

Лишённый свободы слова «м.н.с.» молчал, и Савельич пожалел, что был чрезмерно строг с грызуном.

— Ладно, говори, что хотел знать! — мило-ство разрешил он.

Вопрос Пафнутия окончательно примирил книгочех с необходимостью терпеть подле себя «никчёмный балласт», потому что касался его любимой философии:

— А с Манифестами Люди стали свободны?

Вообще-то, питомец Вовы Менделеева спрашивал не просто так, а с подтекстом — нельзя ли и для него изобрести какой-нибудь Указ, чтобы он мог изрекать, что думает и, главное, без страха передвигаться по комнате, в которой есть коты.

Савельич, однако, скрытого смысла не разглядел.

— Люди — создания странные! — авторитетно заявил философ. — И с Манифестами у них жизнь к лучшему не поменялась! Наоборот, видишь, к чему идёт — к ужасным беспорядкам! А Николай Второй мечтал сделать из России либо конституционную монархию, либо даже республику.

Пафнутий восхитился мудростью императора, поскольку сам не понимал значения ни первого, ни второго, а уж тем более — что из них лучше!

— Ну, конституционная монархия, если попростому («м.н.с.» быстро кивнул), — это когда все ответственные решения принимает не Царь, а Парламент.

— Для чего же Государь тогда нужен? — удивился помощник юного химика странному политическому устройству.

На данный вопрос у Савельича не имелось убедительного ответа, лишь осторожное предположение:

— Для красоты, наверное...

Не сговариваясь, оба повернули головы и посмотрели на портрет Николая Второго в парадной форме, что среди прочих висел на противоположной стене.

— Логично! — согласился Пафнутий, отметив несомненную величавость мундира, особенно золотых аксельбантов, эполет с бахромой, широкой голубой ленты, орденов со сверкающими бриллиантами и нарядной перевязи для сабли.

— А республика?

— Когда глава государства вообще не Царь, а избирается на выборах.

Пафнутий задумался, вспоминая, проводились ли когда-нибудь выборы в Вовкиной семье, и не считать ли досадный случай, когда Вовкина мама выбросила добытую им

жемчужину, вопиющим нарушением его прав и свобод?

Волнующие размышления прервал Джой. Он стремительно ворвался в Кленовую гостиную, предвкушая, как поразит всех рассказом о зловключениях Мартина...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Конституционная монархия – монархия, при которой власть монарха ограничена так, что в некоторых, либо во всех сферах государственной власти он не обладает верховными полномочиями. Правовые ограничения на власть монарха могут быть закреплены в высших законах, таких как конституция или статуты, либо в прецедентных решениях, вынесенных верховными судебными инстанциями. Существенным признаком конституционной монархии является то, что статус монарха ограничен не только формально-юридически, но и фактически.

Республика (лат.res publica – «общее дело») – форма государственного правления, при которой все органы государственной власти либо избираются на определённый срок, либо формируются общенациональными представительными учреждениями (например, парламентом), а граждане обладают личными и политическими правами. Важнейшей чертой республики как формы правления является выборность главы государства, исключающей наследственный или иной не выборный способ передачи власти.

Великий князь Николай Николаевич (Младший), (6 (18) ноября 1856, Санкт-Петербург – 5 января 1929, Антиб, Франция) – первый сын Николая Николаевича (Старшего), внук Николая I, генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (6 декабря 1900), масон. Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи в начале

Первой мировой войны (1914–1915); с 23 августа 1915 года до марта 1917 года – наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск. В армии получил прозвище «Лукавый» за чрезмерное честолюбие, жажду власти, ограниченность духовных качеств, злой и высокомерный характер, за то, что предпочитал работу «за кулисами» и оставался, таким образом, «чистым» перед общественным мнением. Катастрофические неудачи в первый год Первой мировой войны вынудили Николая II сместить великого князя с поста Верховного Главнокомандующего и взять командование на себя. Всего за полгода императору удалось полностью переломить плачевную ситуацию с обеспечением армии и перейти от поражений к наступлению.

Глава 51

РВЁТСЯ СВЯЗЬ

В гостинной находилась ровно половина от тех, кого Джой рассчитывал застать. Более того, над белобрысым грызуном, которого руководитель миссии отметил особо, нависла угроза в образе хитрого чёрного кота, пусть и весьма начитанного.

«Вовремя!» – облегчённо подумал спаниель и окинул Савельича неприязненным взглядом. Философ удивился. Неужели питомец Наследника успел заметить, что он трогал трактат Чарльза Дарвина? Или, может быть, случайно опрокинутую фотографию? Или те две стеклянные фигурки, что он сбросил на пол? Так они не разбились, потому что упали на ковёр. Или

дырочку в шёлковых обоях? Впрочем, это вряд ли, он уже и сам не смог бы её обнаружить...

– Пафнутия не обижать! – строгим голосом заявил представитель августейших любимцев.

«М.н.с.» тут же приосанился (поднялся на задние лапки, выпятил живот и откинул назад голову), хотя и не догадывался о причинах внезапной заботы. Наверное, Джой только сейчас оценил его необычайный вклад в дело предстоящего спасения императорской семьи. Тогда хорошо бы к словам добавить продукты...

– А мы тут о выборах беседуем, – важно сообщил помощник юного химика, чтобы ещё больше возвыситься в глазах кудрявого спаниеля.

Поняв свою оплошность, Джой смущённо завил хвостиком-култышкой и постарался сгладить неприятный инцидент подробным рассказом о подвиге их общего друга.

Савельич сокрушённо повздыхал – на добром здравии могучего пса строился весь план Брыся. До отречения Николая Второго оставалось всего несколько дней, и философ надеялся, что, придумывая поговорку: «Заживает быстро, как на собаке», – Люди основывались на фактах, а не на пустых домыслах...

* * *

Нет, не дадут довести войну до победного конца... Штабс-капитан потрогал через бинты ноющий висок. Мысли тут же перескочили на

лазарет и усталое лицо Александры Фёдоровны – как требовались сейчас от неё решительность и характер!

Злые языки не преминули связать не свойственную государыне растерянность со смертью Григория Распутина. С момента жестокой расправы над давним «советчиком и другом» венценосной семьи прошло чуть больше двух месяцев...

Штабс-капитан видел загадочного старца лишь однажды, и он показался ему крайне неприятным из-за бегающего взгляда водянистых, глубоко посаженных возле самой переносицы глаз и слащавой улыбки. Косматые брови, толстый мясистый нос, чрезмерно длинные руки, нечёсаная борода, сальные волосы, да вообще весь неопрятный, намеренно простецкий вид отталкивали и вызвали острое желание скорее отвернуться.

Ходили слухи о гипнотических способностях странного субъекта, допущенного к лечению Наследника. В присутствии Распутина юного цесаревича отпускала боль, прекращались кровотечения. При этом ничего особенного старец не делал: просто находился рядом, молился вместе с государыней у постели больного ребёнка. Ни денег, ни наград не требовал, предостерег только: мол, его высочество будет жить, пока будет жив он...

Диковинный случай произошёл и с лучшей подругой императрицы, её фрейлиной Анной

Вырубовой. Поезд, в котором та следовала из Царского Села в Петроград, потерпел крушение, и молодая женщина сильно пострадала. Медики в один голос твердили, что состояние её безнадежно, а Распутин произнёс всего лишь: «Аннушка, открой глаза!» Она и очнулась. Удивительный старец объявил свой вердикт – не умрёт, хотя останется калекой. С тех пор та передвигалась в инвалидной коляске, непрестанно благодаря «спасителя» ...

Тяжёлые поражения на фронтах в первый год войны усилили подозрительность и нелюбовь народа к императрице-немке и вызвали лютую ненависть к её «Другу». Газеты пестрели броскими заголовками, внушая обывателю, что владеющий гипнозом сибирский мужик с ужасными манерами чуть ли не захватил власть в стране, полностью подчинив себе венценосную чету. Противникам царской семьи эти сплетни пришлись кстати – было на кого направить народный гнев и подорвать веру в императора...

Гул разговоров в офицерской комнате внезапно прекратился. Непривычная тишина настораживала...

– Телефоны смолкли, – пробормотал кто-то из сослуживцев штабс-капитана.

Вошёл дежурный связист.

– Господа! Видимо, повреждена линия, и мы не получаем новостей ни из Петрограда, ни из Ставки...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Григорий Ефимович Распутин (Новых) (9(21) января 1869 – 17(30) декабря 1916) – крестьянин села Покровское Тобольской губернии. Приобрёл всемирную известность благодаря тому, что был другом семьи Николая II; имел репутацию прозорливца и целителя. Негативный образ Распутина использовался в революционной, позднее в советской, пропаганде, до сих пор ходит множество слухов о Распутине и его влиянии на судьбу Российской империи.

Глава 52 ТЕНИ ПРОШЛОГО

Деревья расступились, открыв замёрзший пруд, в центре которого изумлённому взору Рыжего предстал домик голубого цвета с нарисованными окнами.

– Пришли? – обрадовался он.

Однако скромные размеры строения тут же сменили его ликование на грусть – слон не собирался оправдывать ожиданий и выглядеть гигантом.

– Да нет, что ты! Это Детский пруд, и остров называется Детским, а в домике играли дети ещё прежнего Царя, давнишнего, Николая Первого. Летом здесь паромная переправа, а сейчас и по льду можно перебежать.

Рыжий оживился.

– Его нужно Брысю показать, он дружил с Александром, сыном того Императора!

– Александром Вторым, дедушкой нашего Государя? – августейший питомец с подозрением уставился на пришельца из будущего и даже приготовился выразить недоверие, однако передумал – в конце концов, появление странной компании в их времени являлось не менее диковинным фактом. Зато разъяснилось, откуда у руководителя миссии великосветские манеры.

– А почему ты называешь Ван Дейка таким смешным именем?

Рыжий принялся подробно пересказывать историю жизни своего лучшего друга. Когда повествование добралось до эпопеи с пуделем Гусаром, Васька наморщил лоб.

– Постой-постой! Где-то я встречал это прозвище... Вспомнил!

Он увлёк гостя на остров. В стороне от голубого домика, за небольшим холмом, из осевших под солнечными лучами сугробов торчали три гранитные пирамидки. На одной из них полустёртыми золотыми буквами значилось: «Мунито-Гусар», ещё даты и нежные слова признательности любимому псу от хозяина.

Коты постояли в молчании перед могилкой, размышляя, что выбрала душа королевского пуделя для следующего воплощения.

– Может, он снова вернулся в цирк? – предположил питомец великой княжны Ольги. –

Собаки любят, когда их дрессируют и награждают лакомством.

– Я бы вернулся, в цирке слоны выступают! – мечтательно произнёс Рыжий.

Выбрав парковую дорожку, что вела в предполагаемом направлении, почитатели лопухих великанов продолжили путь и вскоре очутились на обширной поляне со следами недавно начатого строительства – деревянный остов, в котором с трудом угадывалась будущая церковь.

– Туда не пойдём, – шарахнулся прочь августейший питомец.

– Почему? – удивился пришелец из будущего.

– Я слышал об этом месте. Тут где-то Старец захоронен. А храм преподобного Серафима Саровского, чудотворца, фрейлина Императрицы строит, Анна Вырубова, она сейчас вместе с Их Высочествами корью болеет, эпидемия! – таинственным шёпотом сообщил Васька.

Рыжий тоже понизил голос, хотя и не видел причин бояться досок и балок.

– А что за Старец такой?

– Ты не знаешь про Григория Распутина?! – поразился питомец великой княжны. – Хочешь страшилку?

Если бы в небе не светило солнце, отражаясь весёлыми блёстками от плотно утопанного снега, Рыжий ни за что бы не согласился, но в данных безобидных обстоятельствах можно было проявить смелость, и он отважно кивнул.

– Его сначала отравили, потом застрелили, потом задушили, а потом утопили в проруби!

Пришельцу из будущего почудилось, что над поляной померк дневной свет, и он отбежал подальше от опасного участка.

– За что же его так невзлюбили? – дрожа всем телом, спросил Рыжий.

– Заговор против него организовали! А вообще-то он Наследника лечил и Аннушку. И к нам с Котькой хорошо относился. Вот только взгляд у него был слишком острый, – вещал августейший любимец, тараща глаза, – будто он всех насквозь видел и точно знал, кто масло сливочное с бутерброда слизал, а кто блюдце из чайного китайского сервиза разбил! Государь к его советам прислушивался. Говорили, он будущее видел... Вроде бы и войну эту мировую напрозорчил, и даже то, о чём вы рассказали, – революции и крах нашей династии!

– Кр-р-р-рах! – донеслось вдруг сверху скрипучим эхом, и коты подскочили от неожиданности и ужаса. С ближнего дерева, шумно хлопая иссиня-чёрными крыльями, взлетел ворон. За ним поднялась целая стая и, покружив над парком, устремилась в сторону Дворца. Наступившая тишина показалась оглушительной, потом сквозь неё проступили звуки – топот сотен солдатских сапог приближался к царской резиденции...

Забыв про слона, Рыжий первым кинулся назад...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

«Детский домик» – павильон в Александровском парке, построенный в 1830 г. архитектором А. М. Горностаевым. Этот небольшой павильон голубого цвета располагается на островке в центре Детского пруда, созданного в 1817 г. архитектором А. Менеласом. Домик был построен для игр детей императора Николая I. Во второй половине XIX в. на острове были захоронены несколько любимых императорских собачек, места захоронения отмечались небольшими надгробиями. В настоящее время Детский домик находится на консервации.

Речь идёт о храме преподобного Серафима Саровского при Свято-Серафимовском лазарете-убежище для инвалидов войны №79. Строился он по проекту архитекторов С. А. Данини и С. Ю. Сидорчука в Царскосельском парке на правом берегу 2-го Ламского пруда на средства А. А. Вырубовой, в память избавления её от смерти при крушении поезда 2 января 1915 г.

Распутин был убит в ночь на 17 (30) декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке. Заговорщики: Ф.Ф. Юсупов, В.М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер.

Глава 53

К БОЮ!

— **О**-ла-ла! — раздалось поблизости, и Брысь понял, что крепко спал, даже без сновидений. Сказалась бессонная ночь, полная тревог за лопуха Мартина, и убаюкивающее сопение горячего чёрного носа под самым его боком.

Пёс очнулся от дрёмы чуть раньше и уже тщательно изучал новое содержимое миски — в этот раз оно радовало больше: каша была заварена крепким мясным бульоном, и ещё из неё торчала аппетитная кость — предел мечтаний любой собаки, особенно раненной при совершении подвигов.

— Я не знал, что у тебя посетитель! — с лёгким прононсом, выдающим французское происхождение, произнёс знакомец августейшего питомца, который требовал от Джоя проявить достоинство и подать лапу вместо примитивного облизывания.

Брысь отметил, что густые усы иностранца приподнялись, а в глазах плясали весёлые искорки. «Хороший человек! — удовлетворённо подумал руководитель миссии. — На таких общение с нами оказывает благотворное воздействие!»

Он потянулся, восстанавливая гибкость тела и лап, и тоже наведалься в миску.

Француз немного понаблюдал за мельканием розового язычка (наверное завидуя, что коты так ловко обходятся без ложки); потрогал тыльной стороной ладони нос Мартина, ещё слишком суховатый, чтобы указывать на явное улучшение самочувствия; погладил обоих и удалился, на ходу перебрасываясь репликами с механиками и иногда задерживаясь возле лакированных красавцев-автомобилей. Высматривал в них что-то, только ему ведомое...

Неторопливо обгладывая лакомство, Мартин с нескрываемой гордостью (не всё же Савельичу и Брысю делиться с ним знаниями!) рассказал о выдающихся изобретениях Адольфа Кегресса.

— Он ведь и военные бронемашины на полугусеничный ход переделал, так что они по снегу и грязи лучше вражеских бегают! — припоминал он то, о чём поведал «Атос». — Ты меня не слушаешь? — обиделся пёс, заметив, что уши Брыся развёрнуты в ту сторону, куда ушёл временный «опекун».

Руководитель миссии не отозвался, сосредоточенно вглядываясь в группу людей, окруживших своего начальника. Голоса их звучали встревоженно.

Мартин поставил торчком свои длинные треугольники и тоже обратился в слух.

— Теперь и в нашем городе беспорядки, солдаты грабят магазины и винные склады. Казачьи патрули нацепили красные банты в поддержку восставших Петрограда. Железная дорога захвачена. К главным воротам резиденции тянут зенитную установку. Неужели будут стрелять по дворцу?!

Брысь вскочил.

— Мне нужно возвращаться! Ты поправляйся скорей!

Но пёс уже скинул меховую накидку.

— Я здоров! — заявил он с непреклонным видом и устремился к выходу из гаража. За

ним, разматываясь, потянулись окровавленные бинты...

* * *

Пафнутий ещё переваривал неприятности, которые произошли с их общим псом (поскольку всё остальное, увы, переварилось), а Савельич уже возвестил об очередных проблемах:

– Снаружи что-то явно происходит! И мне это не нравится!

Джой приподнял кудрявые уши – действительно, поднялась непонятная суета. Он бросился к окнам – перед Дворцом спешно выстраивались в плотные шеренги казаки из Собственного конвоя их величеств, гвардейцы недавно присланного Морского экипажа, офицеры дворцовой полиции; разворачивала орудия пулемётная команда...

Питомец Наследника метнул укоризненный взгляд на философа:

– Вы о таком не предупреждали!

Савельич, извиняясь, развёл лапы в стороны:

– Прости, не все книги успел прочитать! Вот и о том, что Их Высочества заболеют, не знали, а то бы выбрали другую фотографию для перемещения, где они грядки весной вскапывают!

– И надо было её выбрать, весной теплее! – недовольно пискнул Пафнутий, вновь ощутив себя заложником непродуманного плана котов, воображающих, что они мудрее всех.

– Да на ней слишком много вооружённых солдат было, так что наше появление могло выйти нам боком! – оправдывался Савельич.

Пафнутий покосился на свой белоснежный холёный бочок – лично ему всё равно так и вышло!

– Побегу разузнаю, что происходит! – Взволнованный спаниель кинулся прочь и в дверях столкнулся с не менее взбудораженными Васькой и Рыжим.

– Кажется, готовится бой! – хором воскликнули они, и «м.н.с.» с облегчением лишился чувств...

Глава 54 В ОСАДЕ

По тротуарам и проезжей части двигались колонны солдат. Правда, сейчас они больше напоминали живую рекламу галантерейных товаров или ряженных на масленичных гуляньях: залихватски заломленные фуражки и папахи были обмотаны пёстрыми атласными лентами (у многих они красовались даже на штыках винтовок); из карманов торчали початые винные бутылки; поверх шинелей, наподобие бубличных бус, висели рулоны разноцветных тканей и связки обуви – сапоги вперемишку с женскими туфля-

ми. Те, кому награбленное добро не казалось слишком увесистым, тащили ещё и деревянные щиты с небрежно намалёванными призывами: «Смерть богачам! Власть – нам!». Сквозь толпу, отчаянно сигналив, прорывались грузовики, тоже полные подвыпивших военных.

Среди гудящей и галдящей массы в направлении императорской резиденции маршировали и организованные отряды с красными бантами в петлицах. К ним присоединялись «ряженые», подхватывая нетрезвыми голосами грозные слова «Марсельезы»:

Отречёмся от старого мира!

Отряхнём его прах с наших ног!

Нам враждебны златые кумиры,

Ненавистен нам царский чертог!..

Мартин, конфузясь от недостатка знаний и щурясь из-за налипающих на морду снежных хлопьев, посмотрел на друга:

– Может, война закончилась и поэтому тут так много солдат, вернулись с фронта?

– Скорее всего, это запасные войска, – неуверенно молвил Брысь. Он тоже не ожидал увидеть в небольшом Царском Селе столько вооружённых Людей...

* * *

Рыжий позавидовал умению белобрысого грызуна пропускать самые страшные моменты жизни. Он бы тоже охотно полежал в обмороке,

пока не закончится то, что затевалось вокруг Дворца.

– Неужели с той стороны ограды такое количество военных, что против них понадобятся даже пулемёты? – опасливо спросил он у августейших любимцев.

Ответил Джой. Как питомец Наследника престола и сына Верховного Главнокомандующего, он владел цифрами и фактами:

– В местном гарнизоне почти сорок тысяч солдат. Беда в том, что кадровые офицеры в основном на фронте, а большинство нынешних командиров не успели получить боевой опыт и ещё не заработали авторитета у подчинённых, – с важностью повторил он не раз слышанные тревожные речи дворцового коменданта и добавил уже от себя: – Наверное, поэтому наши готовятся к худшему.

– Казармы переполнены и питание в последнее время оскудело, отсюда и недовольные, – вклинился Васька (он присутствовал как-то при докладе командира одного из запасных батальонов).

– Недостаток питания порождает нехорошие мысли! – пискнул очнувшийся Пафнутий (как грызун, он лучше остальных понимал эту незамысловатую истину). – Между прочим, восстание на броненосце «Потёмкин» тоже началось из-за тухлого мяса в борще! А что, я по телевизору видел! – пояснил он Джюю и котам, онемевшим от удивления, когда обла-

датель тонкого голосочка решительно вступил в беседу.

Августейшие питомцы и Рыжий перевели вытаращенные глаза на философа – тот опомнился и вернул себе роль «лектора»:

– Было дело. В июне 1905 года. Считается одним из самых значимых событий тогдашней революции. А вспыхнул мятеж и вправду совершенно незапланированно. Мясо в борще показалось матросам с душком. Они захватили корабль и убили часть офицеров, а потом направили судно в ближний порт, в Одессу. Там как раз население бунтовало: одни демонстрации устраивали с лозунгами против правительства и Царя, другие грабили магазины.

Гордый своим вкладом в просвещение спаниеля и котов, «м.н.с.» вскарабкался по портьере и осторожно выглянул в окно. Вечерело, но электрические фонари почему-то не зажигались. Вдоль ограды гарцевали на конях казаки, что-то гневно выговаривая бывшим сослуживцам, точно так же гарцующим, только с внешней стороны решётки. Перепалка, к счастью, не переходила от слов к прямому столкновению. Вероятно, решительный вид защитников Дворца, выстроившихся в четыре ряда, сдерживал возбуждённую толпу.

– Может, разойдутся миром? – понадеялся Рыжий.

С наступлением темноты начался снегопад, скрыв происходящее за сплошной белой

завесой. Длился он недолго, словно природе не терпелось посмотреть, помогло ли её вмешательство остудить горячие головы. Увы, число осаждающих с каждой минутой только росло.

Верные присяге гвардейцы и моряки дружно обернулись к кому-то, кого не было видно с «наблюдательного пункта», и Рыжий с Савельичем и августейшими питомцами кинулись на улицу, чтобы не пропустить важные события. (Пафнутий предпочёл остаться на подоконнике.)

Из главного подъезда на высокое мраморное крыльцо вышла императрица. Она вела за руку красивую девушку с добрыми лучистыми глазами и нежной улыбкой, обращённой к солдатам.

— Это Мария, она единственная из детей, кто не заразился корью, — пояснил Васька. (Их группа успела проскочить сразу вслед за нарядными лакеями, которые теперь стояли по бокам широких дверей, высоко держа серебряные канделябры со свечами.)

Со стороны Петрограда в небо поднималось зарево, пожары полыхали уже и в центре Царского Села. Совсем близко, почти на подступах к Александровскому парку, раздавалась стрельба.

Государыню и великую княжну сопровождали несколько приближённых из свиты. Процессия неторопливо шла вдоль шеренг.

Александра Фёдоровна часто останавливалась, ласково беседовала с солдатами. Просила не отвечать на провокации бунтовщиков и не проливать кровь. Предлагала послать к восставшим парламентарёв – напомнить, что в резиденции находится госпиталь, а в нём сотни беспомощных раненых, и что сама она теперь не царица, а сестра милосердия...

* * *

– Да надоело ждать, чего тянут! – воскликнул один из тех, кто столпился перед оградой, и непослушными от мороза руками стянул с плеча винтовку. Прицелился сквозь решётку в ближнего к нему казака из оцепления Дворца, но выстрела не последовало – на правой кисти сомкнулись мощные клыки, а в левую вонзились острые когти...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Восстание на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» – одно из заметных событий революции 1905–1907 гг. в России и первый случай вооружённого мятежа целой воинской части. В ходе стихийно начавшегося из-за некачественной пищи вооружённого выступления матросы захватили корабль, убив при этом часть офицеров. Не имея чёткого плана дальнейших действий, восставшие повели корабль в Одессу, где намеревались пополнить запасы угля, воды и продовольствия, поддержать проходившие в городе антиправительственные выступления и встретиться с главными силами Черноморского флота, которые, как полагали мятежники, присоединятся к восстанию. После того как планы

и надежды не оправдались, броненосец, совершив поход от Констанцы до Феодосии и обратно, спустя одиннадцать дней сдался румынским властям в порту Констанца.

Глава 55

ПЕРЕГОВОРЫ

Адольф Кегресс хмуро вслушивался в звуки «Марсельезы», доносившиеся из толпы, которая тёмной массой колыхалась у ограды Александровского парка. И хотя русский текст не был точным переводом с французского, печальная суть не менялась – именно под гимн его страны русские солдаты в эту самую минуту поворачивали оружие против тех, к кому лично он относился с глубокой симпатией и уважением, – против Николая Александровича Романова и его семьи. Людей в высшей степени порядочных и благородных...

Телефоны по-прежнему молчали, а флигель-адъютант её величества, уехавший ещё утром в Петроград к министру внутренних дел за новостями, до сих пор не вернулся. Начальник императорской технической службы посверлил глазами то место, где раньше стоял автомобиль, увёзший посланника государыни, словно надеялся силой мысли водрузить его обратно вместе с водителем и пассажиром. Потом взгляд привычно скользнул по шеренге ухоженных железных красавцев и упёрся в длинную поло-

ску бинтов на плиточном полу, берущую начало в том углу, где он обустроил лежанку для дворняги, спасшей жизнь его приятелю. Теперь она пустовала – не иначе, серо-белый «гость» увёл раненого с собой. Даже кашу не доели...

* * *

От неожиданности солдат выронил винтовку и сам упал, тут же вдавленный в сугроб мощным псом, навалившимся на него всем телом. Нос, рот и уши забились снегом, правая кисть осталась в плену острых клыков, левую саднило от полученных царапин, и в голове задёргалась трусливая мыслишка, что и без всякого фронта можно сделаться инвалидом.

Холод вытеснил остатки винных паров, и думы вдруг приняли иное направление: он, вчерашний крестьянин из Тульской губернии, чуть было не убил человека... Причём целился в своего же... Только за то, что тот находился по другую сторону чёрно-золотой ограды...

Дышать сразу стало легче: пёс будто почувствовал перемену в его сознании и выпустил «трофей». Солдат осторожно повернулся на бок и перекрестился левой рукой (правая онемела от пребывания в крепких собачьих челюстях). Потом взгляделся в большую вислоухую морду, прошептал:

– Спасибо, брат! Уберёт от греха!

Мартин облизал поверженному лицо, извиняясь за жёсткость мер, которые пришлось

применить, и радуясь, что человек оказался не совсем пропащий. Снег под ними окрасился в красный цвет, и пёс испугался, что повредил мужичка в шинели больше, чем хотел.

– У тебя раны открылись! – раздался озабоченный голос Брыся. И Мартин вздохнул с облегчением: уж лучше его кровь, чем солдатика, тем более что он смотрит на него с благодарностью и зла не держит.

– Парламентёр! Парламентёр! – внезапно заволновалась толпа. Первые ряды прильнули к решётке, а задние напирали и громко требовали подробностей.

К воротам приближалась одинокая тёмная фигура с широкой белой повязкой на рукаве. Если бы не яркая половинка луны и ослепительный снег, разглядеть её было бы невозможно.

– Атос! – одновременно воскликнули Брысь с Мартином и удивлённо уставились друг на друга. Однако выяснять, почему каждый назвал штабс-капитана именем из славного мушкетёрского прошлого, было некогда – следовало пробиться к месту встречи переговорщиков и попасть наконец на территорию царской резиденции, а то приятели их наверняка заждались.

Чтобы проторить путь длиною всего-то с десяток метров, от Мартина потребовались все оставшиеся силы, и на площадку перед воротами он уже не вышел, а выполз. Брысь от переживаний за друга позабыл, что сам легко мог бы протиснуться сквозь прутья, и все де-

сять метров подталкивал Мартина сзади, как будто его шестикилограммовые усилия могли оказать существенную поддержку псу весом в полцентнера.

На появление кота и дворняги никто не обратил внимания — взоры были устремлены на двоих офицеров, остановившихся в шаге от чёрной с золотом решётки, каждый — со своей стороны.

— С кем имею честь? — сухо поинтересовался «Атос».

— Штабс-капитан Аксюта! — небрежно козырнул представитель мятежников. — Предлагаю открыть ворота и добровольно сдаться революционным массам! — под одобрительные выкрики заявил он, не делая паузы.

— Предлагаю революционным массам отойти от периметра ограды на безопасное расстояние во избежание ненужного кровопролития, — спокойно парировал «Атос». — Могу пообещать, что в этом случае войска охраны не начнут стрелять первыми. Однако также могу обещать решительный отпор в случае нарушения означенной границы. Надеюсь, вы не сомневаетесь в доблести тех, кто сохранил верность Царю и Отечеству?

Восставшие колебались. Развёрнутые в боевом порядке плотные шеренги защитников Дворца являли достаточно грозную силу, а умирать в самом начале революции, когда в городе осталось ещё столько нетронутых складов, магазинов и лавок, хотелось не многим, пожалуй

лишь тем, кто держал красные знамёна. Чтобы сохранить «лицо», бунтовщики объявили, что берут царскую резиденцию в осаду, поскольку их цель – помешать бегству главных злодеев, императорской семье.

«Атос» коснулся рукой краешка папахи, давая понять, что считает переговоры завершёнными, и уже почти развернулся, когда взгляд его упал на пса, лежащего в снегу чуть поодаль от ворот. В это же мгновение грохнул миномётный залп...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

«Марсельеза» (фр. La Marseillaise – «марсельская», «марселька») – самая знаменитая песня Великой французской революции, ставшая сначала гимном революционеров, а затем и всей страны. Изначально «Марсельеза» называлась «Военный марш Рейнской армии». Марш был написан в ночь на 25 апреля 1792 года военным инженером Клодом Жозефом Руже де Лилем спустя несколько дней после объявления революционной Францией войны королю Богемии и Венгрии. После событий 1848 года, когда революционная волна прокатилась по всей Европе, «Марсельеза» становится гимном Франции и песней революционеров всего мира. Русский текст на эту музыку под названием «Рабочая Марсельеза», являющийся переводом с французского, написан П. Л. Лавровым в 1875 г. «Рабочая Марсельеза» в течение некоторого времени после Февральской революции 1917 г. использовалась в качестве гимна России наряду с «Интернационалом».

Руководство восстанием в Царском Селе принял на себя штабс-капитан Ф. В. Аксюта, его заместителем стал прапорщик, большевик И. П. Павлуновский.

Глава 56

КОТ И ПЁС

К счастью, неожиданная одиночная «атака» мятежников закончилась лишь звоном в ушах тех, кто оказался поблизости от дымящегося ствола миномёта, – взрыва не последовало. (Как выяснилось позже, снаряд пролетел над крышей Александровского дворца и упал в саду не разорвавшись.)

Бунтовщики испугались собственной дерзости и отхлынули от ограды, ожидая ответного огня. Воспользовавшись их замешательством, штабс-капитан велел казаку из оцепления открыть калитку.

– А ты тяжеленный! – крикнул «Атос», поднимая на руки ослабевшего пса. – Ну-ну, всё хорошо, – ласково успокоил он, когда Мартин попытался дотянуться горячим языком до его лица.

Брысь то отбегал, то возвращался, поторапливая офицера, но тот сосредоточенно смотрел прямо перед собой – считал шаги и ждал выстрела в спину.

Раз, два, три, четыре, пять... Днём таким выстрелом убили часового.

Пёс оттягивал руки, в глазах темнело, боль в виске пульсировала с новой силой.

Шесть, семь, восемь, девять... Интересно, Валерке Менделееву удалось попасть на фронт?

Он бы тоже хотел оказаться там, где ясно, кто враг.

Десять, одиннадцать, двенадцать... Слишком много незнакомых людей скопилось сейчас в резиденции: две роты Сводного полка, две сотни Конвоя, рота Первого Железнодорожного полка, батарея воздушной охраны, две роты Гвардейского экипажа... Кто может быть уверен, что их не затронула ржа революции?

Тринадцать, четырнадцать... Сегодня в дежурной комнате спорили – выставлять ли пост у могилы Распутина. Решили не выставлять, а ведь приказа о снятии караула не поступало.

Пятнадцать... Хорошо, что он не успел обзавестись семьёй, как Валерка. Сходил бы сейчас с ума от тревоги. Хватит ему беспокойства за родителей. Рано или поздно мятеж докатится до провинции...

– Дайте-ка мне, господин штабс-капитан! – Чьи-то руки (застилавшая глаза пелена не давала рассмотреть, чьи) приняли на себя немалый вес дворняги.

– Вы ранены?

– Это не его кровь! – воскликнул Брысь, сердясь, что помощь другу так запаздывает...

* * *

Пафнутий метался по подоконнику, возбуждённо подпрыгивал (всё-таки в список его далёких предков наверняка затесался хотя бы

один заяц!), вставал на задние лапки, барабанил по стеклу, пищал что есть мочи:

– Брысь! Брысь!

Куда там! Голосок-то у него тонкий! Впрочем, хорошо, что руководитель миссии его не услышал – обиделся бы на «Брыся»!

– Ван Дейк! Ван Дейк! – опомнившись, снова завопил «м.н.с.», но привлёк внимание лишь Савельича и Рыжего, которые только что попрощались с августейшими питомцами и вернулись в Кленовую гостиную, втайне радуясь, что «никчёмного балласта» с ними не было и теперь можно в каких угодно красках расписывать ему церемонию выхода императрицы и великой княжны Марии к войскам.

Однако рассказ пришлось отложить, поскольку помощник юного химика тыкал крохотным пальчиком в окно и бессвязно лепетал, задыхаясь от волнения:

– Там! Там Брысь! Мартин и Брысь! И Мартин!

Молодой Рыжий и пожилой Савельич почти одновременно вспрыгнули на подоконник и прижались к стеклу, расплющивая розовые носы.

– Его что, опять ранили? Джой ведь говорил, что он в Императорском гараже неплохо устроился! – бормотал философ, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Куда это его тащат? – вопрошал Рыжий, пытаясь не потерять среди множества тёмных

фигур ту, которая держала на руках почти самого главного участника их спасательной группы...

– В подвал, разумеется! Поближе к кухне! – суетливо перебирал лапками Пафнутий. – Ему сейчас нужно хорошо питаться! А нам непременно нужно его навестить!

* * *

Мартина действительно отнесли вниз и положили на шинель в одном из многочисленных закутков, недалеко от комнаты дежурных офицеров. Почти следом в подвал спустился доктор. Оказалось, государыня видела в окно, что парламентёр вернулся не один, и попросила осмотреть их раны. Брысь тоже ощупали, пока не удостоверились, что он просто испачкался о своего приятеля. А то, что кот и пёс – команда, сомнений не вызывало...

Глава 57

БРЫСЬ РАЗМЫШЛЯЕТ НАД ИЗГИБАМИ СУДЬБЫ

Александровский дворец изменился. Окна во всех комнатах плотно зашторили, свет старались не зажигать – пользовались свечами. В передних комнатах и в подвале разместились

военные. Те, кто оставался снаружи, получили разрешение греться по очереди – ночь перед наступлением календарной весны выдалась необычайно морозной.

Из города продолжала доноситься стрельба, догорали пожары. Часам к трём, однако, воцарилась тишина...

Брысь, бегавший от Мартина к офицерской комнате и обратно, сообщал приятелю последние известия:

– Бунтовщики замёрзли и разошлись по казармам!

– Забавно! То есть хорошо, конечно! А что наши? – любопытствовал пёс. Он чувствовал себя несравненно лучше поблизости от друзей и «Атоса», которого записал в подопечные на время пребывания в прошлом.

Под «нашими», по негласной договорённости, понимались защитники Дворца.

– Остались часовые, и верховые казаки разъезжают вдоль ограды, остальных вернули в Фёдоровский городок!

– Интересно, чем там Рыжий с Савельичем заняты? И этот, грызун белобрысый? Кстати, – оживился Мартин, – гречневую кашу я ел не где-нибудь, а у однофамильцев Пафнутия! Представляешь, сколько на свете Менделеевых!

Представить Брысь не успел, поскольку в их закуток ворвались посетители. Да ещё в таком огромном количестве, что если бы часть

военных уже не покинула подвал, то разместить всех желающих увидеть раненого героя не удалось бы физически.

Отсутствовали лишь незнакомые пришельцам из будущего Ортино и Джимми, остальная компания явилась в полном составе. Даже Котья вылез из мягкой постели, доверив уход за цесаревичем самому надёжному человеку — государыне. (Александра Фёдоровна в эту ночь не ложилась, не отходя от горящих в лихорадке детей, к ним добавилась и Мария — после прохода на морозе перед войсками.)

Коротколапого помощника юного химика, по предложению которого и был организован срочный ночной визит, притащил в зубах Джой, и «м.н.с.» чрезвычайно гордился, что перенёс необычный способ передвижения мужественно и в полном сознании.

Не будь Пафнутия, вопрос Мартина по поводу владельцев славной фамилии так и повис бы в воздухе, и кто знает, как тогда повернулась бы история... Однако грызун проявил любознательность и после обмена приветствиями робко напомнил:

— Что ты там говорил о гречневой каше?

* * *

Адольф Кегресс провёл ночь без сна. Начальник Императорской технической службы всё ждал, когда мятежники вспомнят о роскошном автопарке и явятся предьявлять

свои права на царское имущество. Впрочем, семье Николая Второго принадлежал только «Делоне Бельвилль» (так приглянувшийся Мартину), остальные почти полсотни моторов были государственной собственностью. И бывшего французского подданного очень беспокоила лежащая на нём ответственность перед властями, старыми или новыми, за их сохранность...

Утром стало известно, что к восставшим присоединился весь многотысячный Царскосельский гарнизон. Офицеров, которые не поддержали бунт, убивали. По улицам снова разбрелись толпы солдат, ещё не придумавших, как использовать неожиданную свободу, а потому первый весенний день они начали с самого простого — с грабежей и пьянства...

Когда в гараже появились люди в шинелях и по-хозяйски стали прохаживаться вдоль тщательно отполированных красавцев (каждого из них в течение многих лет Адольф Кегресс лично отбирал на автомобильных выставках), на глаза царскому шофёру, инженеру и изобретателю навернулись слёзы.

Но оказалось, что новым хозяевам города нужен транспорт для встречи представителей Государственной Думы, которые придут для наведения порядка.

В первое мгновение француз обрадовался, что мятеж остановлен и жизнь вернётся в при-

вычное русло, но ликование длилось лишь это первое мгновение, следующая фраза разбила мечты вдребезги:

– Сломлено самодержавие! Отныне всё принадлежит народу!

– Разве император подписал отречение? – растерялся Адольф.

– Нет ещё, но куда он денется! – развязно заявил кто-то из нижних чинов.

К удивлению Кегресса, на лицах старших по званию не дрогнул ни один мускул, словно подобное нарушение субординации было в порядке вещей. Вспомнились слухи о пресловутом «Приказе № 1», передающим командование воинскими частями в руки тех, кто рыскал сейчас по городу в поисках лёгкой наживы...

* * *

Брысь посматривал на Пафнутия и удивлялся, как долго до «м.н.с.» не доходит то, что лично он уже понял, – пёс побывал в том самом доме и в той самой квартире, в которых довелось побывать и помощнику юного химика во время его походов зимой 1919-го. А «подопечный» белобрисого грызуна, мальчик Коля, мирно почивал в своей детской постельке, пока огромная дворняга разлёживалась в их столовой и поглощала кашу с постным маслом. Чего Брысь не мог понять, так это зачем судьбе понадобился такой причудливый изгиб...

ДРУЗЬЯ СОЗДАЮТ СВОЙ ШТАБ

В конце концов странное совпадение дошло до маленькой головы «м.н.с.», и он тоже задумался над превратностями судьбы. Однако размышлял недолго – не зря же они притащили с собой в прошлое философа, вот пусть и занимается серьёзными выводами!

Пафнутий не заметил, когда в его воспоминаниях произошёл перелом и ему стало казаться, что он с самого начала являлся активным членом спасательной команды и чуть ли не главным, кто предложил благородный исторический вояж. Поэтому питомец Вовы Менделеева взял на себя смелость выдвинуть новую идею – не возвращаться в Кленовую гостиную, а остаться рядом с раненым, чтобы кормить «с ложечки», если вдруг у того исчезнет аппетит. (Юный химик всегда совал ему сироп, приговаривая: «Ложечку за науку!» Это помогало глотать надоевшие сладости.)

Брысь идею поддержал, но не из-за расположенных в подвале кухонь и буфетов (хотя грызун горячо отрицал, что дело именно в них, ему никто не поверил). Для руководителя миссии гораздо важнее была близость закутка, в котором штабс-капитан устроил Мартина, к выходу на улицу, офицерской комнате

и туннелю – прогрызенную Пафнутием дубовую дверцу Люди не починили, уж слишком стремительно разворачивались события, не до ремонта.

– С сегодняшнего дня здесь будет располагаться наша Ставка, – торжественно объявил он соратникам и пояснил специально для «младшего научного сотрудника»: – То есть Штаб!

Выражение янтарно-жёлтых глаз бывшего компаньона подсказало Пафнутию, что Верховным Главнокомандующим назначат не его, но огорчился не сильно – хлопотная должность!

Последовавшее затем распределение обязанностей вообще вернуло хорошее настроение: ему поручили присматривать за раненым, а это почти равнялось «кормлению с ложечки»! Правда, Брысь потребовал от них запоминать информацию, которая будет поступать в его отсутствие от августейших питомцев или дежурных офицеров, но, покосившись на пса, «м.н.с.» успокоился – внушительный размер собачьей головы обнадеживал, что ни одно известие не пропадёт из-за недостатка места. К тому же часть новостей можно будет доверить на хранение Рыжему и философу. Хотя на последнего Пафнутий не очень полагался – вряд ли в черепушке мыслителя, забитой обширными познаниями, осталось свободное пространство.

Мартин добродушно смотрел на друзей, радуясь, что их команда опять в сборе, и спросил больше для порядка, чем на самом деле рассчитывая услышать опечаливший всех ответ:

– А что значит «в твоё отсутствие»?

– Я отправлюсь в город на разведку! – заявил Брысь.

– Я с тобой! – тут же воскликнул хор добровольцев.

Пришлось руководителю миссии охладить их пыл, растолковав каждому в отдельности, почему отвергает его кандидатуру:

– Мартин, ты не переберёшься через ограду!

(О необходимости залечивать раны Брысь тактично умолчал, зная отвагу и мужество приятеля.)

– Рыжий, у тебя слишком выдающаяся внешность для зимнего периода, а разведчикам нужна хорошая маскировка!

На почтенный возраст Савельича руководитель миссии намекать не стал, назначив философа ответственным за анализ поступающих сведений.

Августейшим питомцам надлежало вернуться к болеющим высочествам и докладывать в Штаб обо всём, что творится «наверху» ...

* * *

В дежурной комнате установилось гнетущее молчание. После того как рано утром цар-

скую резиденцию покинули матросы Гвардейского экипажа и не вернулась из казарм рота Железнодорожного полка, притихли даже самые заядлые спорщики. Вопрос «Что дальше?» висел в прокуренном воздухе, но никто не отваживался озвучить ответ, да у многих его попросту не было.

— Говорят, сегодняшние столичные газеты вышли с заголовками об отречении Государя и аресте Семьи, — наконец нарушил тишину один из офицеров, — а руководство страной перешло к Думскому исполнительному комитету, объявившему себя Временным правительством, и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

— Вот вам и разгадка тайны, был ли заговор, — криво усмехнулся другой. — Всё, что происходит, нельзя назвать иначе, как государственный переворот, давно и тщательно спланированный! Интересно, долго ли продлится такое двоевластие?..

Голова снова разболелась, и штабс-капитан направился из душного помещения в коридор, проведать пса.

В закутке, где отлёживался раненый, ему открылась столь необычная картина, что офицер пожалел о своём решении пренебречь врачебным осмотром, — даже если допустить, что питомцы их высочеств каким-то образом знакомы с огромной дворнягой, а та, в свою очередь, дружна с тремя котами, то присутствие

в этой компании белоснежного грызуна ничем иным, кроме как зрительной галлюцинацией, не объяснялось...

Глава 59

ДОКТОР РИСКУЕТ, А РЫЖИЙ УГОВОРИЛ ВЗЯТЬ ЕГО В РАЗВЕДКУ

На штабс-капитана с любопытством уставилось восемь пар разноцветных глаз. Грызун таранился рубиновыми бусинками, балансируя на краю глубокой миски с водой для раненого, но не удержался и свалился внутрь, обрызгав присутствующих. Поспешно выбравшись, он юркнул под хвост рыжему коту, чуть более лохматому, чем любимец наследника Котька.

Мартин хотел вскочить, чтобы поприветствовать «Атоса», но тот успокаивающе махнул рукой:

– Лежи, лежи! У вас тут собрание? Больно все серьёзны! Ладно, не буду мешать!

Штабс-капитан улыбнулся забавной компании и, ещё раз бросив взгляд на пушистый хвост, под которым укрылась мокрая «зрительная галлюцинация», вышел на свежий воздух.

За животных тоже было тревожно – вчера кто-то выгнал из вольера колли. Собак

этой породы очень любил Николай Второй, и в просторном домике содержалось с десяток бело-рыжих дружелюбных созданий. Что с ними случилось, неизвестно, но одна из государевых питомиц лежала в снегу с той стороны дворцовой ограды, застреленная то ли случайно, то ли от злобы...

Перед подъездом, ведущим в личные апартаменты августейшей семьи, стоял экипаж. На козлах восседал кучер в полном облачении: красной пелерине с двуглавым орлом и такого же цвета треуголке. Штабс-капитан замер в удивлении — кто собрался в столь вызывающем виде за пределы резиденции?!

На крыльцо вышел доктор Евгений Сергеевич Боткин в генеральской шинели с алыми отворотами, которую надевал крайне редко. Штабс-капитан даже не смог припомнить, когда в последний раз видел царского врача в парадной форме. Тот был человеком необычайной скромности, мягкий и приветливый, доброе слово считал одним из самых действенных лекарств. Пациенты его обожали. Впрочем, к нему нельзя было относиться по-другому.

Штабс-капитан вскинул руку, отдавая честь, но Евгений Сергеевич отмахнулся от официального приветствия и участливо спросил:

— Как ваша голова?

— В порядке, спасибо! Вы не слишком рискуете, отправляясь в город не в штатской одежде, да ещё в придворной карете?

– Вы знаете, генерал Ресин пропал, – вместо ответа сообщил доктор.

Генерал-майор Ресин был командиром Сводного пехотного полка Его Величества, и ещё вчера его подчинённые клялись «грудью заслонить» семью государя.

– Как пропал? – растерялся штабс-капитан.

– Вот так! В частях гарнизона проходят выборы, смещают прежнее командование. И его отстранили, а куда делся...

– Думаете, убит?

– Может, убит, а может – сам скрылся... Сейчас ведь многие бегут, срывая погоны... Поеду навестить дочь, у Танечки разыгрался ревматизм. Вырядился вот назло всем! – шутиливо подмигнул он, усаживаясь в экипаж.

(Штабс-капитан знал о личной драме лейб-медика. Когда-то жена ушла, оставив его с четырьмя детьми. Самый маленький умер в полугодовалом возрасте, а старший погиб недавно на фронте, так что двое средних, дочь Татьяна и сын Глеб, часто оставались на попечении старого друга семьи – Тевяшовой Устиньи Александровны.)

Лошади зацокали к главным воротам, и офицер с беспокойством отметил, что Евгений Сергеевич отказался от сопровождения казаками и карета выехала за ограду в гордом одиночестве.

Дом вдовы генерала от кавалерии, куда направлялся доктор, находился недалеко от

Александровского парка, но тревога не покидала, особенно после той ненависти, которую штабс-капитан видел вчера в глазах мятежников. Их развязной уверенности, что всё сойдёт с рук...

* * *

– По одному в разведку не ходят! – заупрямился Рыжий. – И вообще, почему ты всё берешь на себя?! Мы тоже не маленькие котятка!

Пафнутий согласно кивнул – уж он точно! Впрочем, пушистый хвост надёжно скрыл выражение его солидарности, к тому же она касалась только котят – идти в разведку грызуну не хотелось.

– Васька, например, тоже серо-белый и выделяться не будет! – продолжил Рыжий горячо убеждать руководителя миссии.

Питомец великой княжны Ольги опешил, но быстро взял себя в лапы и храбро вызвался в сопровождающие.

– Ага, чтобы ему голову оторвали вместе с ошейником от Фаберже?! – выдвинул Брысь убийственный аргумент, вспомнив озлобленные лица солдат, увешанных награбленным добром и распевающих грозную «Марсельезу».

Августейшие любимцы смущённо переглянулись – на каждом из них красовались драгоценные знаки принадлежности к царской семье.

– Я вот и говорю – мне с тобой идти нужно! – успокоился Рыжий, поняв, что других кандидатов не осталось.

Брысь скептически оглядел ярко окрашенного приятеля.

– Ладно, пойдём вдвоём! – нехотя уступил он. – Может, грязная лужа по пути попадётся, чтобы тебя законспирировать. Шутка! – добавил руководитель миссии, потому что жёлто-зелёные глаза на пушистой голове опять стали превращаться в блюдца...

Глава 60

«РАЗВЕДЧИКИ» СЛЕДЯТ ЗА КАРЕТОЙ

Мороз пощипывал подушечки лап, цеплялся к мокрому носу, и хотя солнце вовсю старалось растопить надоевший снег, добиться появления весенних луж ему пока не удалось. Так что осуществить своё намерение по поводу маскировки ярко окрашенного приятеля Брысь не смог бы, даже если бы не шутил, и в разведку Рыжий отправился в приподнятом настроении.

Выждав момент, когда проедет верховой казак, из тех, что караулили подступы к ограде, пришельцы из будущего протиснулись сквозь решётку. Мимо них, звонко ударяя подковами по ледяной корке на брусчатке, прошествовала ухоженная пара лошадей в нарядной упряжи. Следом катилась карета с вензелями на лакированных дверцах и важным кучером, словно

путешественники по историческим эпохам вдруг оказались в том времени, когда охраняли императора Александра Второго от покушения народовольцев. Заинтригованные необычным выездом, не соответствующим грозному революционному моменту, «разведчики» устремились за экипажем.

Он остановился у небольшого деревянного особняка. Пассажир – высокий плотный мужчина лет пятидесяти в генеральской шинели – скрылся в доме, а возница, не менее величественный (по мнению Рыжего, даже более), с тревогой косился на солдат с красными бантами в петлицах, которые появились в конце улицы и подходили всё ближе.

Приятель затаился в кустах, с волнением наблюдая, как физиономии военных искривились от довольных ухмылок. Несколько человек окружили сверкающую золотыми орлами коляску, остальные принялись колотить в резную дверь особняка.

Открыла низенькая пожилая дама. Окинув вооружённых людей нарочито удивлённым взглядом, она спросила:

– Что угодно, господа?

«Господа» оттеснили женщину вглубь прихожей, ввалившись толпой.

– У вас в доме генерал! – угрожающим тоном заявил один. Наверное, командир отряда.

– Это врач Боткин. Он приехал к больному! – спокойно парировала хозяйка.

— Нам всё равно! Есть приказ арестовывать всех генералов!

Брысь огорчённо вздохнул. О царском лейб-медике пришельцам из будущего было хорошо известно — он из тех немногих, кто до самого конца не покинул государя и его семью, вместе с ними принял смерть, оставив собственных детей сиротами. Сын учёного и врача, он лечил сначала бедных, а в Русско-японскую войну ушёл добровольцем на фронт, то есть относился к той категории Людей, которых путешественники во времени не могли не уважать, — мужественных и честных. Эх, сюда бы Мартина — разогнать эту свору бандитов в солдатских шинелях!

Однако, к изумлению «разведчиков», маленькая женщина справилась сама.

— Мне тоже всё равно, кого вы должны арестовывать! Но, разговаривая со мной, вдовой генерал-адъютанта, вы, во-первых, должны снять шапки, а во-вторых, извольте покинуть мой дом!

По-видимому, новые хозяева жизни ещё плохо приспособились к своей роли, так как подчинились непреклонному тону пожилой дамы: высыпали обратно на улицу, держа фуражки и папахи в руках.

Впрочем, остались возле кареты. Курили, смачно плевали на аккуратно расчищенную дорожку, обзывали кучера рабом и прихвостнем старой власти. Тот сидел нахохлившись, словно

замёрзший воробей, на насмешки не отвечал, но Брысь чувствовал его неуверенность и страх перед враждебной толпой.

Двери распахнулись. Евгений Сергеевич спустился с крыльца, на ходу натягивая перчатки, и с непринуждённым видом уселся в экипаж. На солдат он не взглянул. Мятежники будто растерялись от неожиданной смелости того, кому надлежало их бояться, и безропотно пропустили коляску. Самый настырный увязался следом и бежал до ворот Александровского парка. Обгоняя его, неслись «разведчики». Лишь удостоверившись, что карета благополучно въехала за ограду резиденции, они с облегчением перевели дух и снова отправились в город...

* * *

Штабс-капитан вернулся в подвал, но, прежде чем войти в дежурную комнату, опять заглянул к раненому – разношёрстная компания значительно уменьшилась: рядом с дворнягой сидел только чёрный с проседью кот с яркими изумрудными глазами. Смотрел не мигая. Наверняка судил за тот бардак, что устроили непутёвые люди и в результате которого пострадал его храбрый друг.

Пёс не послушался увещаний и поднялся, усердно размахивая хвостом с трогательным белым кончиком, ласково облизал протянутую руку и подал лапу в ответ.

Белобрысый грызун, уже обсохший, на сей раз притаился за миской с остатками каши и всем своим упитанным видом доказывал, что является не галлюцинацией, а свидетельством поразительных взаимоотношений, даже дружбы между теми, кого принято считать охотниками и жертвами.

Штабс-капитан пополнил занятой тройце запасы провизии. (Когда он вошёл на кухню, разговоры стихли. Повара вели себя настороженно, как с чужаком. По их замкнутым лицам офицер так и не понял, ждаты ли от этих людей верности или они готовятся предать тех, кому служили много лет и от кого не видели ничего кроме добра.)

Он задержался в закутке — хотел понаблюдать, как животные примутся за угощение, но его присутствию радовался только пёс. Кот и грызун таращились выжидательно, словно намекая: выполнил главное — пора и честь знать.

— Эх, глядел бы на вас и глядел, до того на душе покойно делается! — вздохнул штабс-капитан. — Ну, поправляйся быстрее, дружище!

* * *

— Правда, похож на Атоса? — спросил Мартин у философа, когда они снова остались одни.

— Определённо что-то есть! — согласился Савельич, слизывая принесённую офицером сметану. На всякий случай оставил половину

«разведчикам», хотя надеялся, что приятели найдут в городе, чем подкрепиться.

Пафнутий жмурился от удовольствия, вгрызаясь в ароматную горбушку, — не сыр, конечно, но дарёному коню... «М.н.с.» поёжился, вспомнив, как смотрел однажды в огромные зубы, желтоватостью напоминающие его собственные...

Глава 61

«РАЗВЕДЧИКИ» ПОПАДАЮТ НА МИТИНГ

Для начала «разведчики» выбрали улицу с уютным названием «Садовая». Вскоре оказалось, что кошачья интуиция не подвела: со стороны Фёдоровского городка, где размещались казармы Собственного Конвоя Их Величеств, сюда стали стекаться отряды военных, уже более организованных, чем накануне, но всё с тем же революционным «набором»: рдеющими знамёнами, алыми бантами в петлицах и «Марсельезой».

Пришельцы из будущего бежали рядом с марширующими солдатами. В их сторону доносились смешки, мол, даже коты восстали против царизма и торопятся на митинг. Поступали предложения повязать им красные лен-

ты. Тогда путешественники во времени ускорили темп, чтобы оставить особо инициативных далеко позади.

Вместе с головным отрядом «разведчики» повернули на широкий проспект – справа тянулась набережная с красивой балюстрадой и коваными фонарями, а слева – трёхэтажные каменные здания. Их солнечный жёлтый цвет придавал улице нарядность и торжественность. Перед одним из домов, с укрытыми снегом палисадниками за деревянным штакетником, в радостном оживлении толпились Люди: помимо военных, тут собрались и жители города, включая вездесущих любопытных мальчишек. На всех было что-нибудь алое: бант, шарф, пелерина... Бунтарские настроения охватили и простых обывателей...

Напротив широкого подъезда стояли два автомобиля (приметливый глаз Брыся узнал «питомцев» Адольфа Кегресса) и придворная карета. Золотые имперские орлы горделиво сияли, не догадываясь, что решается их участь, а точнее, уже решилась...

Взоры собравшихся были устремлены к балкону, венчающему вход в здание. На нём теснились офицеры, солдаты, матросы и парочка гражданских в серых зимних пальто с чёрными меховыми воротниками. По обрывкам фраз, которые доносились до ушей «разведчиков» из толпы, стало ясно, что в штатском – представители Государственной Думы, прибывшие

в Царское Село для наведения «революционного порядка».

Один из них держал речь, выпуская изо рта облачка пара. Оратора постоянно прерывали бурными овациями, и пришельцы из будущего чуть не оглохли, вслушиваясь в бодрый голос. Он вещал о том, что старая, ненавистная народу власть сломлена. Что необходимо создать новую, а для этого население и армия должны полностью довериться Временному правительству. Что изменники, а к ним выступающий без тени сомнения и угрызений совести причислил их величества, подлежат аресту и суду, а война, победному окончанию которой мешали эти самые изменники, будет продолжена, пока дерзкий враг не дрогнет и не запросит пощады...

Брысь и Рыжий переглянулись.

— Врёт и не краснеет! — не выдержал бывший эрмик.

— Я бы сказал по-другому: краснеет, а потому врёт! — мрачно резюмировал руководитель миссии, с неприязнью разглядывая большие алые банты на представителях новоиспечённой власти.

— Погодите, буржуи, и вам недолго осталось! — раздался рядом презрительный возглас, напомнив пришельцам из будущего, что мятежная волна только набирает силу и вскоре сметёт тех, кто сейчас наслаждается восторженным вниманием.

Оратор огорошил известием, что начальник охраны императорской резиденции уже принёс присягу Временному правительству (не он ли явился сюда в придворной карете?!), а части дворцового гарнизона скоро сменятся благонадёжными, чтобы не позволить царской семье скрыться от народного гнева. Толпа снова взорвалась аплодисментами и криками «ура!».

Под конец пламенной речи делегат от Государственной Думы объявил о создании специального комитета, который разместится тут же, в городской ратуше, и займётся насущными делами.

Увиденного и услышанного «разведчикам» показалось достаточно, чтобы представить картину стремительных, печальных для августейшего семейства перемен, и они решили вернуться в Штаб.

Там царило уныние. Как только друзья появились в закутке, Пафнутий забыл, что в его обязанности входит лишь забота о раненом, и, опередив Савельича, трагическим тоном поведал новости «сверху», поступившие от кудрявого спаниеля.

Во-первых, на государыне лица нет от усталости и переживаний. Во-вторых, уже окончательно известно об отречении императора за себя и за наследника. Престол он передал младшему брату Михаилу, но тот отказался в пользу какого-то вредного правительства.

– Временного! – вклинился в крошечную паузу философ, и «м.н.с.» обиженно сверкнул на него рубиновыми бусинами.

– В-третьих, – с нажимом продолжил помощник юного химика, – поезд с Государем застрял где-то по пути в Царское Село, но его ждут со дня на день. В-четвёртых, гад Деревенько уже проявил свою предательскую сущность и заставил больного Цесаревича подняться с постели и прислуживать ему, за что был покусан Джоем и Котькой, поскольку последний не может царапаться из-за коротко подстриженных когтей. Уф, – выдохнул докладчик, гордясь, что вроде бы ничего не упустил.

– Ещё у великой княжны Марии, той, что выходила с Государыней к войскам, подозрение на крупозное воспаление лёгких, – пробасил Мартин, тщательно выговорив непонятный диагноз.

– Этого не хватало! – с досадой воскликнул руководитель миссии.

Здоровье их высочеств, а точнее – его отсутствие, превращалось в самую серьёзную помеху в деле спасения императорской семьи...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Делегаты исполнительного комитета, члены Государственной Думы И. П. Демидов и В. А. Степанов посетили 1-го (14) марта Царское Село.

ПЛЕННИКИ ЧЕСТИ

Джой не утерпел и снова примчался в «Ставку», чтобы убедиться, что руководителю миссии сообщили об их с Котькой маленьком подвиге.

Конечно, нельзя хвастаться доблестью, которую проявил бы каждый нормальный питомец, но воспоминания о случившемся до сих пор будоражили кровь кудрявого спаниеля. Ведь раньше ему не доводилось совершать героические поступки, заступаясь за любимого хозяина!

Правда, если бы не своевременное предупреждение пришельцев из будущего, любимцы его высочества, по своему простодушию, не разглядели бы в поведении «усатого няня» недоброго умысла.

Цесаревич тоже подумал, что «дядька» затеял безобидную потеху, когда заставил его разлепить воспалённые от лихорадки глаза и вылезти из постели, а сам расселся в кресле и принялся командовать, да ещё таким гнусным заносчивым тоном, каким в семье никто никогда не разговаривал, а потому Наследник и воспринял его как «шуточный».

Он послушно выполнял странные требования: притащил банкетку, с трудом поднял

на неё ноги толстяка, переставлял с места на место стулья, раздвигал и задвигал шторы... Пока наконец до Джоя и Котьки не дошло, что наступил тот страшный момент, когда почти родной человек сделался врагом. Так бы и хлопали ушами, радуясь, что хозяин снова играет... Ох и заставили они Деревенько пожалеть о подлости — мчался по коридору, будто и не весил целый центнер!

О том, что происходило за пределами резиденции, Алексею не рассказывали, опасаясь, что волнения усугубят болезнь. Мальчик ещё не знал, что отец уже не российский император, а он больше не Наследник престола. Так что необычное поведение «дядьки», а тем более дружелюбных питомцев, осталось для него загадкой. Впрочем, даже если бы знал, вряд ли поверил бы в предательство того, кто был рядом почти всю его недолгую жизнь...

Не успел Джой покинуть Штаб, как явился Васька и принёс ещё одно грустное известие — к государыне приезжал министр Временного правительства Керенский и предлагал содействие, если она и дети решат покинуть Россию, предупредил, что готовится Постановление об их аресте и тогда бежать будет поздно...

— И что? — с надеждой уставились пришельцы из будущего на августейшего любимца.

— Отказалась! — уныло потупился Васька. Он вдруг испугался, что «спасатели», натываясь на одно препятствие за другим, которые

будто нарочно чинила злодейка-судьба, откажутся от благородной задумки.

– Сказала, почему? – осведомился Брысь, когда разочарование немного улеглось. Собственно, ждать иного ответа императрицы было бы нелепо, ведь история показала, что никуда царская семья не уехала...

– Да, – Васька со вздохом перечислил причины: – Александра Фёдоровна не бросит Государя. Трусливое бегство монархам не к лицу. Если страна считает, что они в чём-то виноваты, их долг ответить перед ней... А дети слишком больны, чтобы выдержать переезд.

– Что за фрукт этот Керенский? – подал багистый голос Мартин. В отличие от котов, настороженно относящихся к Людям, он всегда старался отыскивать в них хорошую сторону, прежде чем начинать сердиться.

Философ тут же выудил нужную информацию из заглазников своей уникальной памяти:

– Министр юстиции Временного правительства, станет затем его председателем. Один из лидеров российского масонства и один из организаторов переворота, который мы сейчас наблюдаем. Кстати, тёзка Государыни, Александр Фёдорович.

Пафнутий всерьёз задумался, не заняться ли ему историей, – по всему выходило, что именно эта наука более других необходима в путешествиях во времени. Однако вспомнил о скромных размерах своей головы и решил ограничиться химией и экономикой.

Дворец стремительно пустел... Как только прислуга узнала об отречении Николая Второго, началось повальное бегство: нагруженные тюками горничные, лакеи, повара, официанты, конюхи, кучера, шофёры и прочие тянулись к воротам резиденции и если оглядывались, то лишь сожалея, что не могут прихватить больше того, что уже прихватили...

К ним присоединились члены Свиты. Фрейлины и адъютанты, стыдливо пряча глаза, бормотали оправдания, которым не верили сами, и уезжали в колясках и автомобилях...

Государыня иногда подходила к окну и провожала их грустным взглядом. Измена некоторых давалось особенно тяжело — ушёл с матросами Морского экипажа «дядька» её больного сына. Они с Никой были крёстными родителями троим его детям...

Нежное лицо от бессонных ночей, усталости и горя сделалось почти таким же серым, как платье сестры милосердия, которое Александра Фёдоровна не снимала уже несколько дней. В нём приняла и представителей новой власти, сообщивших, что отныне каждый, кто пожелает остаться и сохранить верность бывшему императору, объявляется пленником и врагом...

Несмотря на грозное предупреждение, такие нашлись, пусть немного, но тем горячее была признательность государыни этим му-

жественным людям. Теперь они стали одной сплочённой семьёй...

* * *

Штабс-капитан покидал Александровский дворец вместе с полком. Их ждало расформирование за «неблагонадёжность». Сначала он собирался подать рапорт и остаться с членами августейшей фамилии, хотя и понимал, что подпишет себе смертный приговор, но накануне кое-что произошло и сейчас он уходил из резиденции с остальными сослуживцами.

С собой он уносил две важные вещи, которыми надеялся правильно распорядиться...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Александр Фёдорович Керенский (22 апреля (4 мая) 1881, Симбирск, Российская империя - 11 июня 1970, Нью-Йорк, США) - российский политический и общественный деятель, министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917), один из лидеров российского политического масонства.

Глава 63

БРЫСЬ ДОБЫВАЕТ ВАЖНУЮ ВЕЩЬ

Брысь не любил сидеть без дела, что уже не раз доказывал и чем, несомненно, отличался от своих собратьев. Воспользовавшись

«тихим часом», который наступил в закутке после обеда, искатель приключений снова отправился в город. Он собирался выяснить, чем занят созданный для наведения порядка комитет.

В косматых кронах старых деревьев, в подстриженных ещё по осени кустах, даже в водосточных желобах уютных деревянных особняков беззаботно щебетали и копошились птицы, поторапливая тепло. Возле ратуши тоже царило оживление, только, в отличие от птичьего, совсем не беспечное и по другому поводу. К широкому, в три двери, подъезду подруливали автомобили, из которых выводили безоружных офицеров, и пришелец из будущего догадался, что они арестованы новыми властями. Дубовые створки беспрерывно хлопали.

Происходящее словно вернуло путешественника во времени в ночь после восстания декабристов, когда на допрос к Николаю Первому свозили пленённых мятежников. Правда, теперь всё происходило с точностью до наоборот: в роли допрашивающих выступали бунтовщики, а судили не за предательство, а... за верность Присяге.

«Понять Людей нам не дано», — тяжело вздохнул Брысь и вошёл в здание. В просторном вестибюле кипела работа: выносили бронзовые бюсты императриц, со стен снимали портреты императоров. В одном из них бывший При-

дворный Кот узнал Александра Второго. Тут же заныла левая передняя лапа – напомнила о тяжёлых ранениях, полученных при взрыве бомбы, которую народовольцы бросили в государя. Если бы не находчивость Рыжего, не спасти ему сейчас внука своего хозяина и друга... Может, для того и выжил?

С этой философской мыслью Брысь взбежал по роскошной мраморной лестнице и заглянул в огромный зал. Рядами красных бархатных кресел и сценой он походил на театр (руководитель миссии видел такой по телевизору). Правда, зрительские места занимали арестанты в золотистых погонах, а «билетёров» – вооружённых солдат – было значительно больше обычного.

Пленники вели себя с достоинством, тихо переговаривались, гадали, что их ждёт, удивлялись, что среди них есть как те, кто отказался присягать Временному правительству, так и те, кто изменил клятве, данной Царю и Отечеству. Последние надеялись, что находятся здесь по ошибке – попали под горячую руку вчерашним подчинённым. Винили в своих бедах «Приказ № 1», разрешивший в армейских частях выборы командиров.

– Как думаете, господа, нас расстреляют или заставят служить новой власти? – спросил один из арестантов, обращаясь к товарищам по несчастью.

– А вас можно заставить служить новой

власти? – усмехнулся в ответ сидевший рядом офицер.

– Нет, но... – смутился первый, с погонями полковника: двумя красными полосками и без звёздочек (Брысь уже поднаторел в воинских званиях).

– Не существует никаких «но»! Лишь чёрное и белое, точнее – красное и белое! – резко возразил собеседник, тоже полковник. – Воспользоваться войной, чтобы распатать страну для достижения своих политических целей, могли только предатели, но никак не патриоты России!

* * *

Судьбой пленников занимались в соседней комнате. За длинным столом, накрытым бархатной скатертью революционного цвета, сидели трое военных. Густая бахрома доставала до самого пола, и Брысь укрылся за ней, искусно применив навыки «секретного агента».

В помещение по очереди вводили офицеров, но, кроме имён, фамилий и названий подразделений, члены «комиссии» ничем не интересовались. Скрипели перьями, шумно дышали на печать, прежде чем ею плёпнуть, затем вручали бумажку конвоирам и отправляли арестантов в неизвестном направлении.

За окном темнело, и в комнате включили свет. Воздух становился всё более сизым и едким от табачного дыма. У «разведчика» щипа-

ло глаза, а нос приходилось прятать под лапой. «Эх, шерсть пропахнет, пойдешь потом выветри её!» – возмущённо думал искатель приключений, но не уходил – в его голове зрела не ясная пока мысль.

Наконец дознаватели устроили перерыв, чтобы размяться, а заодно проветрить. В распахнутые створки ворвался сладкий морозный дух. Брысь осторожно выглянул из-за бархатных кистей – военные по-прежнему дымили папиросами, только теперь – высунувшись в окно, и обменивались ленивыми репликами, которые прояснили ближайшую участь арестованных офицеров, – гауптвахта в Петропавловской крепости. («Вот не повезло!» – посочувствовал путешественник во времени, вспомнив мрачные сырые казематы.)

– Почему бы сразу не поставить к стенке? Всё равно ведь расстреляют! – равнодушно произнёс один, выпуская дым кольцами. («Со всем плохо!» – опечалился Брысь.)

– Делай пока, что велено! – строго отозвался другой, видимо главный в троице.

Руководитель миссии беспшумно вспрыгнул на стол. Стопки чистых листов он оставил без внимания, а вот печать... Пришелец из будущего не раз наблюдал, как эта круглая деревяшка превращала простую бумагу в важный документ.

«Потом решу, что с ней делать», – рассудил Брысь.

* * *

– Глянь, кот в зубах что-то тащит! Наверное, мышь поймал или пичужку! – раздавались ему вслед восклицания недалёковидных двуногих, воображающих себя хозяевами жизни...

Глава 64

ПАФНУТИЙ СНОВА ГЛАВНЫЙ

Пафнутий семенил за Рыжим по мягкому толстому ковру и удивлялся, как обезлюдел Дворец. Впрочем, это было очень кстати, поскольку вместе с многочисленной прислугой исчезли в два раза более многочисленные глаза, которые могли бы заметить длинный лысый хвост.

– Тсс! – вдруг замер пушистый приятель, и «м.н.с.» мгновенно остановился, испуганно вращая рубиновыми бусинками.

– Слышишь? – шёпотом спросил Рыжий.

Помощник юного химика растопырил круглые уши – откуда-то доносилась человеческая речь.

– Из Лилового кабинета Государыни! – уверенно заявил недавний «экскурсант». – Спорим, он там?

* * *

...Пафнутий первым обнаружил отсутствие руководителя миссии: ему приснился бутерброд

с докторской колбасой, вот он и поторопился очнуться, чтобы успеть съесть колбасу до пробуждения остальных, а то всё хлеб да хлеб! (Про сыр как-то не вспоминалось. Видимо, растворился без остатка не только в желудке, но и в памяти.)

За главным разочарованием – отсутствием вождя лакомства – последовало другое – исчезновение Брыся.

– И что ему на месте не сидится! – проворчал «м.н.с.», и на его писк тут же отреагировали чуткие кошацьи уши, а потом и Мартин лениво приподнял веки.

– Полюбуйтесь! – Пафнутий театральным жестом обвёл закуток. – Он опять ищет приключения себе на голову!

– Может, ушёл навверх? Августейших питомцев навестить? – предположил Рыжий, поскольку на ближайшее время не намечалось других дел, кроме ожидания, когда поправятся их бывшие высочества, а во Дворец, объявленный новыми властями тюрьмой, прибудет главный арестант – бывший государь.

– Может, – недовольно отозвался Савельич.

– Давайте проверим! – заволновался добродушный пёс. – Вдруг ему требуется помощь?

– Хорошая цепь ему требуется, – пробурчал философ.

Ни он, ни Мартин для «проверки» не годились – слишком сильно отличались от четырёхлапых обитателей царских апартамен-

тов, а вот Рыжий, смахивающий на любимца Наследника, — вполне. И Пафнутию докторская колбаса вышла боком, поскольку в разведку, как известно, по одному не ходят. (А ведь спал бы себе да спал и других не беспокоил!)

* * *

Брыся в Лиловом кабинете не было, или он спрятался так умело и сидел так тихо, что обнаружить его не удалось, хотя друзья изо всех сил напрягали слух и всматривались в очертания портьерных складок. (Пафнутий запоздало пожалел, что не поспорил с Рыжим на... верхнюю часть бутерброда, что руководителя миссии они тут не найдут.)

Наблюдательный пункт устроили под креслом. В нём, правда, кто-то сидел, но высокие изогнутые ножки позволяли не только расположиться с комфортом, но и получить широкий обзор. По кабинету государыни расхаживал мужчина в военном мундире. Ещё один расположился на диване, расслабленно закинув ногу на ногу. Так что с учётом того, чьи начищенные до блеска штилеты находились ближе всего к их носам, набиралось трое.

Поодаль, у письменного стола, они увидели Александру Фёдоровну в сером платье, белом фартуке и головном уборе сестры милосердия. На её коленях спал питомец великой княжны Ольги, и, вслушиваясь в резкий голос офицера, она почёсывала кота за ушком.

– Уф, повезло, что это не Котька! – облегчённо выдохнул «м.н.с.».

– Почему? – не понял Рыжий. Лично ему нравился любимец Наследника. Скромный. И не слишком пушистый (что полностью исключало такое нехорошее чувство, как зависть).

– Если бы вас заметила Государыня, то решила бы, что Котька раздвоился! – объяснил Пафнутий, радуясь, что он – самый умный и самый догадливый разведчик.

По отстранённому выражению, застывшему на лице Александры Фёдоровны, трудно было понять, как она относится к речам военного. Зато их содержание не понравилось августейшему питомцу, и он распахнул зелёные глаза. А распахнув, тут же разглядел пришельцев из будущего.

Васька соскочил на ковёр, гордо прошествовал мимо непрошенных, судя по всему, гостей и забрался к друзьям.

– Что тут у вас происходит? – на правах «самого-самого» спросил Пафнутий.

– Да вот, генерал Корнилов заявился, командующий Петроградским гарнизоном! Зачитал Постановление об аресте Государя (который, кстати, его на эту должность назначал!) и членов семьи. А чтобы жизнь в заключении не показалась нам курортом, то во Дворце отключат электричество, отопление и воду. Теперь все на первый этаж переберёмся.

– Почему? Тут теплее?

– Да нет. Просто, не будет электричества – остановятся лифты, а у Государыни ноги больные и сердце, она не может по лестницам ходить.

– А на диване кто расселся? – опомнившись от наглости грызуна, присоединился к беседе Рыжий.

– Новый комендант Дворца, Коровиченко. А над нами Керенский. Специально сидят в присутствии Государыни, унижить хотят! – зло сощурился августейший питомец.

Пафнутий высунулся из-под кресла – хотел взглянуть на председателя вредного правительства, но мешала чёрная кожаная папка, которую тот держал на коленях. Точнее, даже не папка, а листок, торчащий из неё...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Лавр Георгиевич Корнилов (18 (30) августа 1870 г., Усть-Каменогорск, Российская империя – 31 марта (13 апреля) 1918, Екатеринодар, Кубанская область, Россия) – русский военачальник, генерал от инфантерии. Военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь. Герой Русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий Русской армии (август 1917 г.). Участник Гражданской войны, один из организаторов и Главнокомандующий Добровольческой армии, вождь Белого движения на Юге России, по политическим взглядам – либеральный анархист.

Павел Александрович Коровиченко (1874 – 1917) – присяжный поверенный, военный юрист, социалист, соратник А.Ф. Керенского, зауряд-полковник. Участник Русско-японской войны. Был членом масонской «ложи Гуревича»,

членом которой был и А.Ф. Керенский. В марте–мае 1917 г. он был назначен по личному указанию А.Ф. Керенского комендантом Александровского дворца, где содержалась под арестом царская семья.

Глава 65

ДВЕ ВАЖНЫЕ ВЕЩИ

Руководитель миссии вернулся, когда беспокойство его друзей достигло крайнего предела – Рыжий даже выдвинул версию, уж не закончилось ли у Брыся действие волшебного эликсира, а Пафнутий высказал опасение, что теперь некому будет найти применение документу, оказавшемуся в их лапах благодаря докторской колбасе.

Пока все переваривали странную мысль помощника юного химика о причастности деликатеса из будущего к недавним событиям, объявился пропавший, да ещё притащил что-то в зубах.

– Мышь? – с интересом сунулся вперёд Рыжий.

Пафнутий схватился за сердце.

На его счастье, у добычи, которую руководитель миссии с гордостью выплюнул на пол, отсутствовал хвост, и дальний родственник мелких грызунов осмелился подойти ближе.

– А, это игрушка для Мартина? – догадался он. – Чтобы грызть? Так он с ней быстро разделяется! Зубищи-то видали, какие! – и «м.н.с.»

видимо находясь под воздействием только что перенесённого шока, бесцеремонно приподнял краешек толстой собачьей губы. Блеснул устрашающих размеров клык.

Мартин лишился дара речи от неслыханной дерзости и лишь растерянно похлопал глазами. Впрочем, Пафнутий прав – деревяшка слишком мала, чтобы в неё долго играть. Но всё равно было приятно, что друг позаботился о развлечении для раненого. Чтобы не обидеть Брыся, пёс потянулся к подарку.

– Не вздумай трогать! – строго осадил его предводитель спасательной операции. – Ей цены нет!

Савельич по привычке колупнул забавную вещицу когтем, а белобрый любитель драгоценностей, с волнением наблюдавший за действиями философа, замер – вдруг диковинный предмет внутри золотой или серебряный?! Однако чуда не произошло, и «м.н.с.» уставился на руководителя миссии, ожидая объяснений громкому заявлению. Все уставились.

Брысь накрыл «сокровище» лапой и обвёл приятелей укоризненным взглядом:

– А ещё говорили, что вы не маленькие котятка! Это же печать! Без неё слова, которые Люди пишут на бумаге, просто слова, а с ней – приказы! Жаль, не на чем показать!

– Есть, – спохватился Пафнутий и подтащил к руководителю миссии листок с дырками от зубов и когтей в левом нижнем углу.

Брысь принялся усиленно дышать на тёмно-синий кружок в основании деревянной фигурки, как это делали военные.

– Прежде чем испортить документ, почитай! – предостерег Савельич.

– Печать не может испортить документ! – с важностью заявил руководитель миссии, но всё же скосил глаза на чёрные машинописные строчки: «Признать отрёкшегося Императора Николая II и его супругу, а также... лишёнными свободы...»

– Где вы это раздобыли?! – ошеломлённо воскликнул он.

У Пафнутия опять появился повод подняться на задние лапки, выпятить живот и откинуть назад голову. Приняв «царственную» осанку, он метнул строгий взгляд на Рыжего, чтобы не вздумал перебивать. Сначала поведал про сон, разъяснив приятелям немаловажную роль докторской колбасы, а затем, специально для Брыся, о том, что произошло в кабинете государыни.

– В общем, бумажка торчала из папки и загораживала обзор! Сам я дотянуться до неё не мог, вот Рыжий и подсобил. Правда, разглядеть министра всё равно не получилось – он почти сразу поднялся, потому что вместе с военными пошёл кого-то арестовывать!

Рыжий не утерпел и выхватил инициативу из цепких лапок грызуна:

– Не кого-то, а фрейлину Анну Вырубову!

Сказали, что её увезут в Петропавловскую крепость! Васька побежал утешать Александру Фёдоровну, так как эта фрейлина – её близкая подруга, к тому же инвалид. А я настоял на том, чтобы не бросать листок под креслом, а показать Савельичу. Вдруг что-нибудь историческое!

«М.н.с.» потупился – он действительно утратил интерес к бумажке, как только объекты наблюдения покинули комнату, и на обратном пути в подвал нет-нет да и посмеивался над приятелем, не выпускавшим документ из зубов.

– И зачем нам всё это? – развёл лапками Пафнутий. (Вот если бы деревянная фигурка была из золота, а в документе говорилось не про «лишить свободы», а про «отпустить»...)

– Пока не знаю, – задумчиво пошевелил усами руководитель миссии...

Брысь ещё не закончил вылизывать щётку, придумывая, как использовать в спасательной операции две, несомненно, важные вещи, когда в закутке появился штабс-капитан – принёс ужин. «Очень кстати!» – обрадовался искатель приключений, почувствовав, что зверски проголодался. (Не в том смысле, что ему обязательно грызуна подавай, а в том, что давно не ел, а бегал много!)

– Где вы это раздобыли?! – слово в слово повторил офицер восклицание Брыся...

ШТАБС-КАПИТАНА ПРИНИМАЮТ В «КЛУБ ЗАГОВОРЩИКОВ»

— Где вы это раздобыли?! — снова спросил штабс-капитан, будто рассчитывал получить ответ на понятном ему языке.

Он пробежал глазами Постановление об аресте. И хотя ничего нового не узнал, поскольку о незавидной участи царской семьи ежедневно трубили газеты, холодное перечисление полных имён и дат рождения юных великих княжон и Наследника, совсем ребёнка, пробудили в душе такую ярость, что он чуть было не порвал листок в клочья. И, возможно, порвал бы, если бы через плотную ткань офицерских брюк в его ногу не вонзились острые когти.

Неужели зверьки осознают, что именно попало к ним в лапы?! Он внимательно посмотрел в сердитые глаза серо-белого кота, явного заводилы в диковинной команде, не отпускающего его штаны и возмущённо мяукающего. (Брысь громко требовал бережного обращения с важной бумагой, с которой он ещё не придумал, как поступить.)

— Ладно, ладно! — сказал штабс-капитан примирительно. — А тут что?

Он с удивлением поднял с пола деревянную круглую печать. Из коридора в закуток попадало достаточно света, чтобы прочесть надпись.

– Царскосельская комендатура?!

Находки требовали серьёзного осмысления, так что с рапортом штабс-капитан решил повременить. Чтобы действовать, нужно остаться на свободе...

Пёс радостно повизгивал и изо всех сил размахивал белой кисточкой. Кажется, он был единственным, кто верил, что Человеку достанет ума грамотно распорядиться их подарками. Позиция грызуна по данному вопросу оставалась неизвестной, поскольку он прятался за миской. А вот коты имели настороженный вид и ликования раненого товарища не разделяли.

Брысь сверлил «Атоса» взглядом, силясь проникнуть в его мысли: в благородстве офицера, так похожего на славного мушкетёра, он не сомневался, но вот был ли он так же мудр и дальновиден? Понимает ли, что семью государя следует спасать, а не ждать, как будут разворачиваться революционные события?

– Клянусь воспользоваться этими ценными вещами для доброго дела! – торжественно произнёс офицер, пряча в карман печать и сложенный вчетверо листок.

(Хорошо, что никто из сослуживцев его не видел, а то отправили бы на лечение, как тронувшегося умом на почве потрясений последних дней, физических и душевных.)

Обещание помогло – выражение кошачьих глаз смягчилось. Может, приняли в «клуб заговорщиков»? Штабс-капитан потрепал отважного пса за большие уши (как же он будет скучать по трогательным треугольникам!) и поцеловал в мокрый холодный нос – могучий организм быстро шёл на поправку. Ласково погладил котов, а грызун шустро перебрался под хвост своего пушистого приятеля, наверное, хотел избежать прикосновений к белоснежной шерстке.

– Постарайтесь выжить!

Прощальные слова дались с неожиданным трудом – в горле застрял комок, мешая вдохнуть...

* * *

Полк, в котором служил «Атос», покинул Александровский дворец на следующее утро после прибытия в Царское Село поезда с бывшим государем. О позорных событиях, которые произошли на платформе, путешественники во времени узнали от Джоя.

Кудрявый спаниель примчался к ним в закуток и от возмущения долго не мог заговорить. Он задыхался, крутился юлой, лепетал что-то бессвязное, пока Мартин не схватил его за шкуру и как следует не встряхнул. Рыжий участливо предложил августейшему питомцу водички.

В конце концов от любимца Наследника удалось добиться более или менее складного рассказа.

...Встречать царский поезд отправился полковник Кобылинский, новый начальник дворцового караула. Николая Второго сопровождала многочисленная Свита, но как только они сошли на перрон, флигель-адъютанты и генералы бросились врассыпную, опасаясь ареста. Чтобы не быть узванными, они срывали погоны, загораживали лица руками, кутались в поднятые воротники шинелей... Рядом с императором, потрясённым трусливым бегством приближённых, остался лишь один человек – гофмаршал, князь Долгоруков...

– Зато Его Величество оказался морально подготовлен к виду опустевшей резиденции, – философски изрёк Савельич.

– Кстати, – завил Ял Джой хвостиком-кулышкой, – не хотите перебраться наверх и познакомиться с теми, кто остался?

«А как же буфет?!» – хотел было воспротивиться поезду Пафнутий, но испугался, что его бросят тут одного. Как царя...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Евгений Степанович Кобылинский (29 сентября (11 октября) 1875 – декабрь 1927) – полковник, начальник Царско-сельского караула с 1(14) марта 1917 и особого отряда по охране царской семьи в Тобольске.

Князь Василий Александрович Долгоруков (царская чета называла его Валя) (1 (13) августа 1868 – 10 июля 1918) – гофмаршал Двора Его Императорского Величества Николая II,

генерал-майор свиты Е. И. В. (1912). Во время Первой мировой войны находился в при Николае II в Ставке. Дослужился до гофмаршала Двора Е. И. В., награждён орденами. Сохранил верность царской семье и разделил с ними арест и ссылку. Расстрелян большевиками.

Глава 67

ДРУЗЬЯ ЗНАКОМЯТСЯ С АВГУСТЕЙШИМ СЕМЕЙСТВОМ

Штабс-капитану казалось, что он не смыкал глаз в короткие часы отдыха перед уходом полка из дворца. Однако видения, которые мелькали в голове, объяснить можно было лишь провалами в тревожное забытьё. Ему мерещились бездонные кошачьи зрачки. В их загадочной глубине открывались страшные картины: тёмный подвал, фигуры людей, лица повернуты в одну сторону, откуда вдруг звучат выстрелы. Несчастные валяются на пол, и он с ужасом узнаёт жертвы...

Собственный стон вырвал штабс-капитана из полусна, но усталость взяла своё, и он снова погрузился в чей-то взгляд. На этот раз человеческий, полный ненависти. Такой, каким смотрел на него матрос Морского экипажа. Такой, каким мятежные солдаты прожигали ему спину, когда он нёс раненого пса. Такой, с каким бросили в его голову

булыжник и доби́ли бы, если бы не отважная дворняга...

* * *

– О чём ты думаешь? – шёпотом спросил Савельич. – У тебя сосредоточенный вид!

– Провожу сеанс телепатии. Пытаюсь внушить «Атосу», что ждёт Государя и его семью, если он не поторопится, – так же тихо отозвался Брысь.

На новом месте они не решались разговаривать в полный голос. Ночь всё-таки, а за стенкой спит Наследник. Хотя уже и не Наследник, а просто мальчик. Худенький, с умными добрыми глазами цвета синих васильков (такого же оттенка были глаза у императрицы и великой княжны Татьяны, а у отца семейства и остальных цесаревен – голубые, незабудковые).

Температура у больного спала, и доктор позволил ему подняться, чтобы потискать «гостей», которых привёл Джой. Порция ласк досталась даже Пафнутию – отсидеться за лохматым Рыжим «м.н.с.» не удалось.

Государыня, правда, при виде длинного лысого хвоста чуть не лишилась чувств, но Алёша от необычного питомца пришёл в полный восторг. Как и его второй «дядька» (а теперь и единственный) Клим Нагорный, бывший матрос Императорской яхты «Штандарт». («Наверное, привык к общению с корабельными

крысами», — предположил несостоявшийся пассажир океанского лайнера.)

А месье Жильяр, воспитатель цесаревича и учитель французского языка, высказал догадку, уж не тот ли это грызун, который буквально из ниоткуда появился около двух недель назад, когда он фотографировал его высочество и Джоя возле раскидистого дуба. И появился, кстати, вслед за серо-белым котом, тем, с янтарными глазами. Они ещё приняли его за Ваську. Потому и переживали, когда мнимый питомец старшей великой княжны забрался на дерево, утаскивая в зубах добычу неизвестного происхождения и сомнительного качества!

Помощник юного химика оскорбился и забарахтался в руках Наследника, пытаясь вырваться и принять гордую осанку, но тот лишь крепче прижал его к себе.

Бывший император и немногочисленные приближённые, сохранившие верность их величествам, тоже присутствовали при знакомстве, поражаясь (впрочем, как и все поначалу) диковинной дружбе котов, собак и грызуна, пусть и белоснежного.

Общество собралось в комнате, прилегающей к спальне цесаревича. Все, кроме Марии, которую болезнь позже других приковала к постели и пока не отпускала. Сёстры — Ольга, Татьяна и Анастасия — были одеты в одинаковые тёмные шерстяные юбки до щиколоток и толстые вязаные кофты (Васька

уверил гостей, что царевны сами их вязали, как и государыня – свою длинную ажурную шаль). Бледные и слабые после перенесённого недуга, они радовались возможности отвлечься от оскорбительных обвинений в измене дорогому Отечеству, предъявленных новыми властями их родителям, и с улыбками наблюдали за вознёй разномастных, разношёрстных и разновеликих зверьков.

– Вот уж кто никогда не предаст, – грустно усмехнулся государь.

– Никогда! – громким басом подтвердил Мартин и положил широкую лапу на колени бывшему царю. – Мы умеем отличать добро от зла и быть храбрыми!

– И пёс появился тогда же, когда и эта парочка! – продолжал вспоминать месть Жильяр.

– Точно! – воскликнул Алёша и смутился – он бы раньше узнал их, просто события того дня сразу заслонила болезнь. – Только он не был ранен! Уж не Джой ли его покусал?!

Кудрявый спаниель оторопел от лестного предположения, не учитывающего их с Мартином разницу в росте и весе.

– Это не его нёс на руках наш переговорщик? – вступила в беседу государыня, всё ещё с опаской поглядывая в сторону грызуна.

– Совершенно верно, Ваше Величество! – отозвался доктор Боткин. – Сейчас раны почти затянулись. У этого здоровяка крепкий организм!

Лупоглазые крохи – французская буль-
дожка Ортино и кинг-чарльз спаниель Джим-
ми – не участвовали ни в общем разговоре, ни
в играх. Они испуганно жались к хозяйкам,
не решаясь спуститься из ласковых объятий
на пол и оказаться в унижительном положении
самых маленьких, даже меньше чужих ко-
тов (с превосходством «своих» они уже давно
смирились). Не говоря о гиганте, разлёгшем-
ся у ног государя. Разве только подружиться
с белобрысым, которого всё ещё не выпускал
из рук цесаревич? А Джой, Васька и Котька –
предатели! Обзавелись приятелями, пока они
не отходили от больных княжон! И сейчас ве-
село носятся с ними по комнате, а на проверен-
ных друзей и внимания не обращают!

Гвардию новых питомцев оставили на по-
печение Алёши (поскольку именно его пёс их
привёл), «дядьки» Клима Нагорного и ещё од-
ного бравого усача – бывшего матроса «Штан-
дарт» Ивана Седнёва, по утверждению начи-
танного философа, тоже до конца сохранившего
преданность царской семье и отдавшего за них
жизнь...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Иван Дмитриевич Седнёв – унтер-офицер гвардейско-
го экипажа, проходил службу на Императорской яхте «Штан-
дарт», лакей детей Николая Второго и официант их величеств.
После Февральской революции остался с царской семьёй

и последовал за ними в ссылку. Возмущался условиями содержания царской семьи в доме Ипатьева и воровством охраной их вещей. Был арестован и вскоре убит большевиком незадолго до расправы над царской семьёй.

Глава 68

БРЫСЬ ПРИДУМЫВАЕТ НОВЫЙ ПЛАН, А МАРТИН ИЩЕТ ДРАКИ

Мартин, которому в первоначальной задумке Брыся отводилась главная роль, заволновался:

– Что значит «если он не поторопится», у нас же был свой план! Пафнутий и туннель нашёл!

«М.н.с.» приоткрыл сонные глазки-бусинки и возмущённо пискнул:

– Да, между прочим!

– Уж больно они немощные: бледные, на ногах едва держатся. Государыня вообще с трудом ходит. Куда с такими в подземелье?! – вздохнул руководитель миссии. – К тому же очень холодно! Я таких морозов в марте месяце не припомню...

Пришельцы из будущего пригорюнились – при ближайшем рассмотрении августейшее семейство и впрямь разочаровало. Неясно даже, откуда черпают силы и стойкость духа, чтобы переносить свалившиеся на них несчастья.

– План Б? – вопросительно произнёс

Рыжий, и все с надеждой воззрились на изобретательного Брыся.

– Их следует арестовать!

– Но они и так под арестом! – возразил Савельич.

– Фрейлина Анна тоже находилась здесь под арестом, но её же увезли в Петропавловскую крепость!

Савельич озадаченно молчал, не понимая, к чему клонит предприимчивый друг, и руководитель миссии приуныл: уж если умнейший философ не может ухватить его гениальную идею, то что говорить об «Атосе», до которого ещё нужно дотелепатироваться!

* * *

Штабс-капитан вздрогнул – кольнуло в сердце – и окончательно пробудился. Питерский доктор был прав: мятежная волна сметёт их прежнюю жизнь, не пощадит никого, а тем более оклеветанную царскую семью: их величества, великих княжон и Наследника, которые слишком благородны, чтобы безропотно не принять самую жестокую участь...

Мысли, отрывочные и туманные, стали вдруг проясняться и выстраиваться в логичную цепочку действий...

* * *

Новый комендант установил строгие порядки. Отныне высокородным узникам и тем, кто

добровольно к ним присоединился, позволялось покидать дворец не более двух раз в сутки и только под строгим надзором конвоиров. Последние определяли и длительность прогулок, в зависимости от своего настроения и морозоустойчивости – в отдельные дни первого весеннего месяца температура падала почти до минус тридцати, с лёгкостью побивая зимние рекорды и заставляя птиц, воспрянувших было под радостными лучами солнца, боязливо умолкать...

Для арестантов выделили небольшой кусочек парка, прилегающий ко входу в апартаменты. За его пределы ходить запрещалось. Воду теперь носили вёдрами из полыньи в ближнем пруду, грелись у каминов, стараясь экономить дрова, которые сами же и кололи, читали при свечах, и даже продолжили Алёшино обучение.

Поскольку из учителей во дворце остался лишь мецье Жильяр, то учебные предметы распределили по принципу «кто в чём силён». Государь взялся преподавать сыну историю и географию, Александра Фёдоровна – религию, её подруга и фрейлина баронесса Буксгевден – литературу и английский язык, ещё одна подруга императрицы и бывшая воспитательница великих княжон госпожа Шнейдер давала уроки математики, доктор Боткин – русского языка и правописания, мецье Жильяр, как и прежде, занимался с любимым учеником французским...

– Жаль, что Люди не понимают по-нашему, а то бы я растолковал Цесаревичу химию и экономику! – посетовал Пафнутий, не принимая близко к сердцу насмешливое выражение в глазах руководителя миссии. (Простодушный Мартин после неожиданного заявления грызуна стал относиться к нему с почтением, а недоверчивые от природы коты лишь удивлённо переглянулись, гадая, с чего вдруг питомец Вовы Менделеева возомнил себя не только однофамильцем великого учёного, но и обладателем глубоких познаний.)

При появлении бывшего императора караульные уже не вытягивались по стойке «Смирно!», но Николай Второй по старой привычке дружески здоровался с солдатами и заговаривал со стражниками, которые следовали по пятам за каждым из членов царской семьи. Однако в ответ натёкался на дерзости. Вскоре произошёл и вовсе вопиющий случай – государю подставили подножку и он упал под оскорбительный гогот охранников. Дежурный офицер покраснел и едва слышно извинился. Пробормотал, что не имеет права наказать наглецов.

Пришельцам из будущего о происшествии поведал Джой – августейший любимец сопровождал Алёшу с отцом на прогулке. То есть гулял только он, а хозяйева чистили дорожки от снега.

– Ты укусил нахала? – оживился Мартин, жалея, что его не было рядом.

Джой смущённо потупился – он хотел, но как воспитанный питомец послушался запретительного приказа Николая Александровича.

Мартин глубоко задумался. Он бы непременно наказал обидчика своего Человека, пусть бы его лучше потом отругали! Выходит, что он невоспитанный?!

Вероятно, кудрявый спаниель рассудил именно так, потому что попросил могучего приятеля впредь держаться поблизости.

К сожалению и даже расстройству путешественника во времени, применить замечательные крепкие зубы для защиты чести и достоинства бывшего императора ни разу не пришлось. А ведь он так пристально вглядывался в каждого солдата, чтобы не прозевать грубый поступок и тут же учинить расправу!

Огорчённый, Мартин собрался пожаловаться на вынужденное бездействие руководителю миссии, но тот опять исчез...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Баронесса София Карловна Буксгевден (нем. Sophie Vixhoveden; 6 сентября 1883, Санкт-Петербург – 26 ноября 1956) – фрейлина последней русской императрицы Александры Фёдоровны. После Февральской революции осталась с царской семьёй и сопровождала её в ссылку в Тобольск. Была отделена от семьи Николая II незадолго до расправы. Уехала в эмиграцию через Сибирь, Японию и Северную Америку. Жила в Копенгагене, а затем в Лондоне. Написала три книги воспоминаний.

С ПАФНУТИЕМ ОПЯТЬ СЛУЧИЛСЯ КОНФУЗ

Пафнутий увлечённо перекладывал лоскутки ткани в нарядной, обшитой блестящим розовым атласом коробке из-под ручкоделья, подаренной ему великой княжной Анастасией для комфортного проживания. Конечно, не шикарная клетка со спортивным тренажёром и зеркалом, да и цвет для особи мужского пола вроде бы неподходящий, но зато уютно и тепло.

Для всяких необходимых организму дел «м.н.с.» выделили поднос, не иначе серебряный! Во всяком случае, смотрелся не хуже нового домика. В импровизированный лоток вложили газеты, но их тут же забрал Савельич – изучить сводки с фронтов и обстановку внутри страны после «избавления» от самодержавия.

Ничего хорошего вычитать не удалось: сквозь радужные заверения о стремительном приближении светлого будущего проступала совсем иная картина: крестьяне прятали продовольствие, в городах начинался голод, повсюду царили воровство и грабежи, потому что Временному правительству пришла в голову странная идея выпустить из тюрем уголовников;

армия стремительно разваливалась – оравы революционных агитаторов призывали солдат дезертировать, и они бежали с поля боя целыми батальонами, превращаясь в толпы вооружённых бандитов. На флоте заправляли матросские комитеты, открыто не подчиняясь общему командованию. Враг наступал...

Впрочем, чтобы понять, что власти не справляются с наведением дисциплины и порядка, достаточно было полюбоваться (в кавычках, разумеется) на неопрятных караульных, сменивших во Дворце красавцев-казаков и элегантных офицеров. (Из знаков препинания кавычки нравились Пафнутию больше всего – уж очень загадочное действие оказывали они на слова. Например, прочтёт умный чёрный кот «победа» и добавит, что напечатано в кавычках, сразу становится ясно – на самом деле случилось поражение!)

В военных неудачах по-прежнему винули императорскую чету, каждый день, словно пирожки, «выпекая» свежие нелепые истории их «измены» Отчизне.

– Вы только послушайте, – возмущённо воскликнул философ. – Сестра милосердия (имя не указывается) из лазарета, расположенного в Екатерининском дворце, сообщает, что своими глазами видела, как из личных апартаментов Их Величеств до самой Германии тянется телефонный кабель, по которому они выдавали врагу все секреты!

Утверждение, что с того места, где они находятся, можно рассмотреть конечную точку «маршрута» кабеля, вызвало в маленькой голове Пафнутия большие сомнения. Но как научный сотрудник серьезной экспериментальной лаборатории он не стал полагаться на домыслы – вылез из уютной коробки, вскарабкался на подоконник и долго вглядывался в заслоняющие горизонт кроны деревьев.

– Неужели в редакциях газет рассчитывают, что читатели поверят в такую чушь? – наконец пискнул помощник юного химика, хотя его совесть немного отягощало отсутствие бинокля, необходимого для чистоты эксперимента.

– Сила печатного слова! – вздохнул Савельич. – Людям всегда проще верить, чем думать.

Мартин вернулся с прогулки грустный. Наверное, опять не удалось ему показать силу и вступить за членов царской семьи – в присутствии огромного, по-боевому настроенного пса никто из охранников дерзить не решался. И в комнату к цесаревичу перестали заглядывать. А вот всем остальным домочадцам пришлось менять привычки и запираť двери, а не оставлять их, как прежде, нараспашку.

Свободно бегать по коридорам августейшим питомцам и друзьям-спасателям удавалось только в часы дежурств 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Его солдаты и командиры хоть и принесли присягу новым

властям, но в душе сохранили симпатии к бывшему государю.

– Ты что-то потерял? – заботливо поинтересовался «м.н.с.», заметив, как приятель с разочарованным видом исследует запахи. (Нос Мартина напоминал Пафнутию пылесос – казалось, втяни он воздух посильнее, и запросто прихватит в свои вместительные ноздри длинный лысый хвост!)

– А куда Брысь отправился? – расстроено спросил пёс, обнаружив следы руководителя миссии на подоконнике. Они не оставляли сомнений, что неугомонный друг не стал дожидаться смены вредных караульных, а воспользовался своей кошачьей ловкостью и ускользнул из-под стражи через форточку, которую ненадолго открывал «дядька» Клим Григорьевич для проветривания густонаселённого помещения.

– Ушёл в разведку! – беззаботно успокоил Пафнутий, ничуть не жалея, что предводитель операции не взял его в напарники. Всё-таки второй этаж Дворца – это даже не третий в их кирпичном доме из далёкого будущего, а гораздо опаснее. Поэтому кандидатуру мелкого грызуна Брысь отмёл сразу. По той же причине он отверг пожилого книгочея и Рыжего – у того вдруг обнаружился страх высоты. Робкий и стеснительный Котька вообще не рассматривался.

В отличие от могучего приятеля, Джой радовался, что гуляние прошло без грубых выхо-

док конвоиров, а заодно поделился подслушанными у охранников сплетнями: их сослуживцы вырыли из могилы гроб с телом Распутина!

К огорчению кудрявого спаниеля, загадочный поступок солдат потряс только Рыжего, который всё ещё находился под впечатлением от страшилки о таинственном старце, рассказанной ему питомцем великой княжны Ольги. Сдержанный философ слегка вытаращил глаза, но поскольку он читал газету, то Джой не понял, относится ли реакция чёрного кота к сообщённой им новости или к другим человеческим странностям. Мартину фамилия Распутин ничего не говорила, а потому он равнодушно буркнул:

— И мороз им не помеха!

«М.н.с.» тоже не собирался расспрашивать о незнакомце (берёт место в маленькой голове). Однако в его планы вмешался Рыжий — ему вдруг приспичило поделиться знаниями. Бывший эрмик навис над коробкой-домиком, так что белобрысый грызун вместе с хвостом отразился в жёлто-зелёных «блюдцах», и трагическим шёпотом поведал историю необычного сибирского мужика.

Пафнутий немножко подумал над рассказом, особенно над последней его частью, связанной с кончиной «Друга» царской семьи, сопоставил с принесённым кудрявым спаниелем известием и... упал в обморок. А поскольку с помощником юного химика подобного конфуза

давненько не случалось, Рыжий остался доволен безобидным, на его кошачий взгляд, развлечением...

Глава 70

БРЫСЬ ОГОРЧАЕТСЯ

После расставания с «Атосом» прошло несколько дней, и Брысь почти потерял надежду, что штабс-капитан сдержит слово, данное при прощании. Поначалу руководителю миссии казалось, что ему удалось перекинуть невидимый мостик и установить телепатическую связь с человеком, так похожим на славного мушкетёра. Но время шло и уверенность таяла, приводя Брыся в отчаяние, которое он тщательно скрывал, чтобы не расстраивать остальных.

Когда пришельцы из будущего познакомились со всей августейшей семьёй и на себе прочувствовали, какие это простые и сострадательные Люди, желание спасти их только усилилось. Тем более что ни сами они, ни те, кто сохранил им верность, не представляли, насколько ужасной будет судьба. Единственное, что занимало сейчас благородные умы и сердца, так это тревожные сообщения газет о падении боевого духа армии и непрекращающихся забастовках, демонстрациях и бунтах,

которыми руководила новая грозная сила — большевики.

Клевета в адрес императорской четы, безбоязненно распространяемая писаками, если и ранила души арестантов, то виду они не подавали, оберегая друг друга.

Брысь всё чаще ловил на себе обеспокоенные взгляды товарищей, которые они украдкой бросали в его сторону. И заботил их не только вопрос, появился ли у предводителя операции очередной гениальный план, но и как долго продлится действие волшебного эликсира, ведь с момента перемещения в прошлое минуло уже три недели. Укладываясь спать, путешественники во времени боялись, что проснутся на Сашинем письменном столе, а те, к кому они успели привязаться, будут с грустным молчаливым укором смотреть на них с чёрно-белых фотографий...

По ночам Брысь пытался наладить мысленную связь с «Атосом», а днём то и дело вспрыгивал на подоконник, проверяя, не растопило ли солнце морозные узоры на стекле и не превратится ли он в меховую сосульку, если пойдёт на разведку.

Когда он изложил Савельичу идею, что штабс-капитан мог бы с помощью добытых ими важных вещей вывезти царскую семью из Дворца, философ долго и удивлённо изучал рисунок на его мордочке, словно впервые обратил внимание, что один янтарно-жёлтый глаз

таращится на собеседника с белого фона, а другой – с серого.

– Под предлогом, что их переводят в новое место заключения! Например, в Петропавловскую крепость! – пояснил Брысь, не дождавшись ответа. – Обманули бы не только стражников, но и арестантов, ведь они отказались спасаться, когда им Керенский предлагал!

– Ты думаешь, Человеку можно внушить столь сложный план действий? – наконец скептически произнёс Книгочей. – К тому же понадобится большая машина. И куда девать их питомцев? Вряд ли начальник дворцового караула поверит, что узники помещаются в казематы с домашними любимцами!

– Блестящая идея! – пискнул подслушавший разговор Пафнутий, и было непонятно: то ли грызун утешил руководителя миссии, то ли поехидничал.

О судьбе обладателей драгоценных ошейников Брысь решил подумать позже, а вот упоминание о средстве передвижения напомнило ему об Императорском гараже и щуплом французе с пышными усами – друге штабс-капитана. Поэтому он добавил в еженежный сеанс телепатии пункт об Адольфе Кегрессе...

* * *

Откладывать отъезд становилось опасно – порядок, обещанный новым руководством страны, не только не наступал, но отодвигался

всё дальше за туманный горизонт. Оставалось придумать, как покинуть смятенную Россию — железнодорожное сообщение не работало, вокзалы и депо были захвачены бастующими рабочими...

Обширное хозяйство Адольф Кегресс передал начальнику автобазы Временного правительства. Ночью моторы должны были перегнать в Петроград, а заодно перевезти туда гроб с телом Распутина, выкопанный солдатами из мёрзлой земли. Мистический страх, который старец внушал властям даже после своей смерти, не укладывался в прагматичной голове инженера-изобретателя.

В гараж вошёл один из техников, впустив вместе с морозным облаком серо-белого кота. Зверёк с важным видом прошёлся вдоль рядов железных красавцев, будто выбирая наиболее подходящего для дальних путешествий, но, увидев личного шофёра государя, подбежал поздороваться — потереться о штiblеты и помурчать.

Адольф Кегресс обрадовался знакомцу, помнившему о раненой дворняге и его собственном друге. От штабс-капитана давно не поступало известий, и он знал лишь, что дворцовый гарнизон полностью сменили.

Француз присел на корточки и пощекотал Брыся под белоснежным подбородком.

— Как поживает твой приятель-пёс? А ты пришёл полюбоваться на моих любимцев?

Вовремя! – голос бывшего заведующего Императорской технической службой погрузнел. – Заберут их сегодня!

– Что за невезение?! – с досадой воскликнул руководитель миссии и от злости распушил полосатый хвост, так что он потерял сходство с жезлом постового.

– Пойдём-ка, угощу тебя чем-нибудь! – предложил «усач», и Брысь уныло поплёлся за гостеприимным иностранцем...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

В начале марта 1917 г. Временное правительство приняло решение о бесследном уничтожении останков скандального фаворита императорской семьи Г.Е. Распутина, убитого в ночь на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Ф.Ф. Юсупова. Глава правительства князь Г.Е. Львов и министр юстиции А.Ф. Керенский всерьёз опасались, что захоронение Распутина станет местом объединения «тёмных сил» сторонников монархии. Могила на окраине Александровского парка была разрыта, а гроб с телом «старца» перевезён в Петроград на грузовике в сопровождении 16 автомобилей, а затем организована секретная операция по его уничтожению. После сожжения трупа в котельной Политехнического института в ночь на 11-е (24) марта 1917 г. участники этой акции составили акт, в котором был зафиксирован сам факт сожжения, но его место указано в завуалированной форме. Документ появился в ходе бурных событий первых дней Февральской революции 1917 г. и поступил в фонды Государственного музея Революции. В середине 1930-х гг. среди других «неэкспозиционных материалов» его передали в Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), откуда документ был впоследствии похищен. В 1995 г. с помощью жителей

города и сотрудников «Радио Балтика» уникальный документ был возвращён на место своего первоначального хранения в Музей политической истории России.

Глава 71

ЕЩЁ НИЧЕГО НЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ

Экран телевизора, вопреки расхожей поговорке, был вовсе не голубым, а жёлтым в густую зелёную крапинку с чёрным круглым пятном посередине. Судя по картинке, шла передача о грызунах – вот только Вовка забыл включить звук, а между тем герой как две капли воды походил на младшего научного сотрудника экспериментальной лаборатории и Пафнутий с удовольствием послушал бы, что о нём рассказывают.

– Очухался? – спросил ведущий, зачем-то скопировав бархатистый тембр пушистого рыжего кота, с которым помощнику юного химика довелось побывать в прошлом с ответственной миссией по спасению последнего российского государя и его семьи.

Пафнутий напрягся, вспоминая, чем закончился исторический вояж, а белобрысый крысюк в разноцветном экране потешно похлопал глазками-бусинками, словно передразнивал.

– Эй! Не молчи! Обиделся, что ли? – продолжил общение со зрительской аудиторией голос «за кадром».

Телевизор вдруг исчез – его загородило нечто лохматое, сквозь которое просвечивали гладкие розовые выпуклости, подозрительно смахивающие на подушечки кошачьей лапы, и осторожно потрогало «м.н.с.».

– Что это с ним? – с любопытством склонился над Пафнутием питомец Наследника, свесив в атласную коробку длинные кудрявые уши. Они-то и восстановили в затуманенном мозгу пришельца из будущего цепочку событий – ещё ничего не закончилось...

– «Воззвание к народам мира» с предложением покончить со всеми войнами на земле, – шурша газетными страницами, пробормотал философ. – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал, – пояснил он оглянувшимся на него друзьям. – И у Людей бывают светлые идеи! Жаль, не умеют воплощать их в жизнь...

– А вы свои идеи когда начнёте воплощать? – деликатно осведомился Котька.

– Прямо сейчас! – раздался от дверей возбуждённый голос руководителя миссии, и все вздрогнули...

* * *

...Брысь поднялся следом за французом по винтовой чугунной лестнице, расположенной в самом углу огромного зала, не переставая вздыхать и сетовать на очередное препятствие в благородном деле. Из-за этого чуть не пропу-

стил тихий возглас позади себя. «Усатый» его услышал и обернулся.

– О-ла-ла! Без окровавленной повязки ты мне нравишься больше! Впрочем, мне жаль твою бородку а-ла королевский мушкетёр. И штатское тебе не идёт, позволь заметить!

Брысь полностью согласился со всеми замечаниями иностранца в адрес «Атоса», поскольку и сам с трудом его узнал.

– Я, конечно, надеялся тебя застать, но почему ты всё ещё торчишь здесь, а не мчишься на всех парах туда, где безопасно?! – Штабс-капитан тоже не стал тратить время на: «Привет, как поживаешь?»

Бывший государев шофёр горестно развёл руками:

– На чём?! Поезда стоят, а в гараже мне ничего не принадлежит! К тому же он сегодня опустеет. Приказ Временного правительства – переправить моторы в столицу! Я уже сдал хозяйство.

«Атос» нагнулся и поднял Брыся на руки.

– А этот как в твоём хозяйстве оказался? – спросил он, заглядывая в бездонную глубину чёрных зрачков, преследующих его несколько ночей подряд.

– Явился буквально перед тобой! Я обещал угостить его вкусеньким как старого знакомого. Тебе тоже перепадёт, если расскажешь, для чего конспирация.

За шутливым тоном иностранца скрывалось

облегчение, что приятель находится в добром здравии.

Штабс-капитан опустил Брыся на пол, и они вошли в квартиру. Правда, расположились не в столовой или на кухне, а в кабинете инженера-изобретателя, заваленном рулонами чертежей.

– Как скоро вы сможете собраться? – огоршил «Атос» своего друга и, не давая тому опомниться, продолжил по-военному отрывисто и чётко: – Другой возможности не будет! Нам нужны два мотора.

– Кому «нам»? – растерялся Кегресс.

* * *

Изумрудные глаза философа превратились в чёрные и исчезли, полностью слившись с угольным цветом шерсти.

– Они собираются угнать автомобили из Императорского гаража?!

– Ух ты! – хором воскликнули остальные...

Глава 72

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ

...**Ф**ранцуз вскочил и возбуждённо забежал по комнате, так что Брысю пришлось перебраться на стол, чтобы бывший личный шофёр императора не отдал своим гостю полосатый хвост.

– Допустим, нам это удастся... Но на дорогах патрули! Нужны какие-то документы! Или ты, по вашему русскому обычаю, рассчитываешь на «авось»?

– Не только, – серьёзно отозвался штабс-капитан, – я рассчитываю на темноту, неграмотность солдат и то, что, по их мнению, отличается важный документ от простой бумажки.

Он продемонстрировал печать, добытую руководителем миссии в ратуше.

– Хорошо, но зачем нам два мотора? Мы прекрасно поместимся в одном, из вещей возьмём лишь самое необходимое! – продолжал недоумевать и волноваться господин Кегресс.

– Один для тебя и твоей семьи. Другой... для семьи государя.

Француз остановился.

– Я не прошу тебя рисковать вместе со мной. Но выполни просьбу – в Петрограде завези пассажиров вот по этому адресу... – штабс-капитан взял из резной деревянной карандашницы остро отточенный грифель и быстро написал что-то на листке.

Брысь заглянул – улица Гороховая, дом... Уж не тот ли, где жили предки Вовы Менделеева и где побывали Пафнутий и Мартин?!

– Каких пассажиров? – голос бывшего царского шофёра всё ещё выдавал смятение.

– Вот этих! – «Атос» кивнул на Брыся.

Обладатель пышных усов тоже посмотрел на серо-белого кота.

– Я понял! – радостно завопил руководитель миссии и кинулся к выходу, но тут же вернулся, опасаясь, что пропустит важные подробности...

* * *

Кудрявый спаниель Наследника повёл себя точно так же, как француз, – вскочил и забежал по комнате.

А Пафнутий, поднявшись на задние лапки и вцепившись передними в края розовой атласной коробки, вдруг затянул писклявым голоском:

– Вихри враждебные веют над нами...

– Тьфу на тебя! – рассердился Савельич, и «м.н.с.» умолк, вспоминая что-нибудь более ободряющее, но из песен в голове крутились только революционные, выученные им ещё в первое путешествие по грозному времени.

– Так каков план? – нетерпеливо усталились на Брыся питомцы цесаревича и «спасатели».

– Для начала приведите сюда Ваську! – потребовал руководитель миссии.

Когда основные участники операции собрались (Ортино и Джимми не позвали – они по-прежнему исполняли роль «никчёмного балласта»), Брысь торжественно распределил обязанности:

– Ваша задача убежать во время вечерней прогулки. Лупоголазую мелочь придётся тащить в зубах Мартину и Джою...

Пафнутий мысленно подобрался: он уже побывал в пасти у кудрявого спаниеля и перенёс это с достоинством и даже в полном сознании. На то, что его причислили к «лупоглазой мелочи», решил пока не обижаться.

– Да я один могу их обоих... – начал хвастаться гигант, и «м.н.с.» принялся загибать крохотные пальчики – количество не срасталось. Неужели ему придётся бежать по морозу самостоятельно?! Он же отстанет и пропадёт!

Руководитель миссии строго оборвал Мартина:

– Никакой самодеятельности! Доставите августейших питомцев в гараж к французу и поедете вместе с ними в Петроград!

– А как же я?! – наконец не выдержал мощный юного химика.

Брысь кинул на него суровый взгляд:

– А ты снова будешь главным!

Если бы руководитель миссии знал, что у белобрысого грызуна возобновились обмороки, то поостерегся бы употреблять столь неоднозначную формулировку. Но слова вылетели, и Пафнутий опять рухнул на разноцветные лоскутки ткани, которыми любовно выложил дно коробки.

* * *

...Бывший шофёр императора ещё раз перечитал Постановление об аресте царской семьи, которое показал ему штабс-капитан, и помолчал, о чём-то размышляя.

– Но разве по такому сюжету ты можешь явиться за ними один?

– Я не один. Со мной надёжный человек, мой хороший друг из Питера. Это к нему домой ты должен отвезти животных...

Глава 73

ГДЕ ЖЕ МЫ ВСТРЕТИМСЯ?

Рыжий заглянул в атласную коробку.

– Ну и шутки у тебя! – пожурил он руководителя миссии, будто бы сам не испытывал недавно крепость нервной системы «м.н.с.» страшилкой о Распутине.

Августейшие питомцы посочувствовали белобрисому крысюку – быть главным несладко, сплошные заботы и ответственность! А философ искал в янтарно-жёлтых глазах приятеля озорные искорки, но не обнаружил.

– Ты действительно собираешься поручить Пафнутию нечто важное? – удивился он.

– Ну, если ты сможешь перегрызть телефонный кабель...

* * *

...Француз колебался, качая головой и цокая языком:

– Ах, как это опасно! А если начальник караула не поверит и позвонит в Питер?!

— Во Дворце отключены телефоны. Ему придётся идти в центральный пункт связи в подвал. Надеюсь, он поленится, да и дозвониться в правительство сейчас почти невозможно! Если это всё же произойдёт, они будут выяснять, не исходит ли приказ от Петросовета... Неразбериха во власти сыграет нам на руку. Тем более, лояльный его величеству 4-й стрелковый полк вечером сменится и на дежурство заступит 1-й. Там лишь обрадуются известию, что Семью поместят в Петропавловскую крепость.

Несмотря на уверенный тон штабс-капитана, опасения иностранца с пышными усами показали руководителю миссии обоснованными — следовало немедленно заняться пунктом связи!

Он стал царапать в дверь, намекая, что готов приступить к выполнению плана (сработала всё-таки его телепатия!). Но, прежде чем выпустить кота, француз высказал ещё одно сомнение:

— Предположим, тебе удастся их вывезти... Но ты не сможешь обманывать государя дольше, чем вы минуете Петроград!

— Я знаю из надежных источников, что его величество обращался к Керенскому с просьбой дать им возможность остаться в России как частным лицам и получил отказ. Думаю, он поймёт, что пути назад нет и нужно спасать детей...

– Я смогу перегрызть! – с готовностью воскликнул Мартин. Он гордился, что первым подружился с «Атосом». И был единственным, не считая лежащего в обмороке Пафнутия, кто лично знаком с питерским приятелем штабс-капитана, который, судя по всему, так и не попал на фронт.

– И сделаешь это так же незаметно, как «м.н.с.»? – простодушно осведомился Рыжий. Он не отходил от коробки, карауля, когда несчастный помощник юного химика очнётся и откроет свои смешные бусинки.

Мартин смутился – пожалуй, по незаметности равных грызуну нет...

– Тебе тоже найдётся, чем занять зубы! – порадовал пса руководитель миссии. – Снимешь ошейники царским любимцам, а то в изделиях от Фаберже они по нынешним временам много не набегают!

– Но где же мы встретимся? – не унимался Мартин.

– Дома, в будущем! Расскажите, удался ли наш план! Или хотя бы та его часть, которую успеете увидеть, прежде чем закончится действие эликсира...

Августейшие питомцы переглянулись.

– Вот все удивятся, когда вы исчезнете у них на глазах! – озвучил Васька общее беспокойство.

В коробке зашелестело, и над её розовым блестящим краем показался Пафнутий. Кис-

лое выражение на острой белобрысой мордочке свидетельствовало о том, что «младший научный сотрудник» не забыл, по какому поводу лишился чувств.

– Вот и отлично! – воскликнул Брысь. – Нам пора! Чем быстрее управимся, тем лучше!

Бывший «никчёмный балласт» нехотя вылез из тёплого домика и побрёл к двери.

– Постой! – вскричал вдруг молчаливый Котька и одним прыжком настиг маленького пришельца. – Постой! Я хочу, чтобы ты знал – ты самый отважный грызун в целом мире! Я... мы все очень тебе благодарны и никогда не забудем, что ты для нас сделал!

Джой от души лизнул упитанное тельце, а кот великой княжны Ольги принялся усиленно тереть глаза лапой.

Рубиновые бусинки засияли, и Пафнутий приосанился – всё-таки в звании «Главного» имелись свои преимущества!

– Это вы ещё не слышали о моих приключениях зимой девятна...

Но руководитель миссии не дал помощнику юного химика договорить, выпихнув его в коридор. Сам он высокопарных прощаний не любил, а потому лишь бросил короткий взгляд на августейших питомцев, замерших посреди уютной комнаты со светлой деревянной мебелью и весёлыми оранжевыми шторами, совсем не похожей на покои Наследника российского престола...

КАПРИЗЫ ФОРТУНЫ

Фортуне, кажется, надоело испытывать «спасателей» на прочность, а возможно, она признала достойными уважения крепость их духа и твёрдость намерений. В общем, что бы ни послужило причиной, но капризный рок сменил гнев на милость и в самый ответственный день принялся усиленно помогать. Для начала понизил температуру на улице до вполне терпимого морозца. Затем облегчил состояние великой княжны Марии, так что девушка смогла присоединиться к остальным домочадцам.

Потом расщедрился ещё больше и занял умы дворцового коменданта и караульных необычным событием – по распоряжению Временного правительства солдатам гарнизона надлежало извлечь гроб с телом Распутина из могилы и подготовить к отправке в Петроград. Мистический ореол вокруг загадочного старца ещё не померк, и всем хотелось пощекотать себе нервы и взглянуть хотя бы одним глазком на домовину сибирского мужика, который, как уверяли газеты, почти десять лет вершил власть в стране.

Так что, когда Брысь с Пафнутием пробирались в подвал, разговоры охранников кру-

тились вокруг этой таинственной новости, и руководитель миссии с усмешкой подумал, что вместо незаметного грызуна на задание с не меньшим успехом мог отправиться внушительный Мартин.

Двери в комнату связи были распахнуты, потому что те, кто находился внутри, спорили с теми, кто стоял снаружи.

– Ей-богу живой! – крестясь, уверял один из солдат остальных.

– Да как же живой, когда он уж, почитай, четыре месяца под землёй пролежал! – сомневался другой.

– Да что ему сделается! Вот тебя сначала отрави, а потом застрели – ты помрёшь? А этого ещё и топить пришлось! Точно живой, вам говорю!

– Кабы мёртвый, так зачем его на проверку везут? – резонно заметил третий.

Последний аргумент затмил предыдущие рассуждения и караульные вместе с дежурными связистами принялись строить догадки, каким образом Правительство собирается избавляться от неубиваемого старика. Сошлись на том, что сжечь мало, нужно обязательно развеять прах и, желательно, в разных местах. Однако тут возникло новое подозрение – не успели дух Распутина переселиться в кого-нибудь из тех, кто с ним тесно общался.

– Точно вам говорю! Недаром же фрелину в Петропавловку забрали! Видали калеку?!

А ведь помереть должна была, когда поезд с рельсов-то кулдыкнулся! Доктора лишь руками разводили, а энтот пошептал над ней — и готово!

— Дык, тогда нужно всю государеву семейку в крепость посодить, а они в хоромаш нежатся! Небось он их науськивал наши секреты немцам выдавать!

— Слыхали, до самой Германии кабель приладили!

Здесь фортуна дала промашку — не следовало ей переключать беседу на телефоны. Пафнутий, конечно, почти управился и со злорадным аппетитом пережёвывал последний провод из десятка ему подобных (всё-таки сестра милосердия присочинила — тут непонятно, какой до Питера тянется, не то что до иностранной державы!), но возглас «Крыса!» заставил «м.н.с.» броситься к выходу, лавируя между мебелью и ногами и жалея, что не удалось дослушать занимательный разговор до конца.

Солдаты с азартом швыряли в него мелкие и крупные предметы: кто свечки, кто стулья, а самые шустрые стащили сапоги, но ни один не попал. Возможно, удача опомнилась и вернулась к пришельцу из будущего. Или Пафнутий с перепугу творил чудеса юркости. Как бы то ни было, белобрысый питомец Вовы Менделеева вылетел из пункта связи невредимым и, разбирая дороги, помчался вперёд, подгоняемый улюлюканьем и свистом.

Остановился лишь, когда заскочил в спасительное отверстие в дубовой дверце. За ним протиснулся запыхавшийся Брысь. Свет померк – преследователи загородили лазейку снаружи чем-то тяжёлым.

– Тебя подземелья магнитом, что ли, притягивают?! – возмущённо прошипел руководитель миссии.

Пафнутий приняхался, прислушался и пригляделся – место, несомненно, знакомое. Кажется, и дыра – его произведение!

– Так это же... – неуверенно начал помощник юного химика.

– Оно самое! – сердито оборвал Брысь.

От бетонных стен несло холодом, и редкая шерстка «м.н.с.» вздыбилась, а зубы, покрытые прочной эмалью, принялись выстукивать обыкновенные и десятичные дроби, о существовании которых Пафнутий (вместе с Наследником) узнал недавно на уроке математики.

– Задание хоть выполнил? – потребовал отчёта руководитель миссии.

В ответ питомец Вовы Менделеева выразительно поклацал жёлтыми резцами.

– Ладно, побежали другой выход искать, а то совсем окоченеешь! – подобрел Брысь и устремился вглубь туннеля...

Пафнутий добросовестно перебирал лапками, подсчитывая в уме количество времени, проведённое им в подземельях, начиная с того переломного момента, когда он свалился

в туннель в счастливой роли кладоискателя. Однако одного посещённого урока математики явно не хватало, чтобы сложить полученные цифры.

Мрак слегка рассеялся, напомнив «диггерам» о воздуховодах. И вскоре «м.н.с.» снова карабкался вертикально вверх по кирпичной кладке в надежде увидеть что-нибудь ободряющее. Что именно, руководитель миссии не объяснил, и помощник юного химика волновался, как бы не перепутать.

Уцепившись за железные прутья решётки, Пафнутий собрался вылезти навстречу звёздам, проклевывающимся на фиолетовом небе, но внезапно их заслонила огромная морда. Крошечные пальчики разжались, и обладатель изысканного маникюра сорвался вниз...

Глава 75

СУДЬБА ДЕЛАЕТ ПОДАРКИ

Всё произошло так внезапно, что Брысь не успел подставить лапы и смягчить грызуну падение, потому что ещё раньше инстинкт самосохранения и потрясающая кошачья реакция отдёрунули его в сторону. Пафнутий приземлился с громким шмяком и теперь лежал на спине с вытаращенными глазками-бусинками и застывшим взглядом, устремлённым вверх.

Брысь невольно проследил за направлением и увидел прижавшуюся к решётке растерянную морду Мартина.

– Кажется, я его напугал! – озабоченно пробасил пёс.

– Как ты здесь очутился? Наш план сорвался? – встревожился руководитель миссии. – Где остальные?

– Они пролезли через прутья, а я дырку в ограде искал: ворота закрыты, а охранники в караульном помещении сидят, опять старца обсуждают. Да ты не волнуйся! Ошейники я им снял, а до гаража близко – добегут!

Не волноваться Брысь не мог, тем более что «м.н.с.» всё ещё не подавал признаков жизни. Ответственный за сохранность команды прижался мягким ухом к белобрысой шёрстке – к счастью, «богатый» электричеством орган колотился исправно.

– Видимо, шок! – констатировал Брысь. – Пусть отлежится!

– А как вы собирались вылезти? – с любопытством осведомился Мартин.

– С твоей помощью! – не смущаясь, заявил руководитель миссии, словно заранее просчитал появление могучего приятеля в определённом месте в нужное время.

Впрочем, следующая фраза поколебала веру простодушного пса в невероятные телепатические способности котов.

– Кстати, как ты нас нашёл?

– Просто рядом оказался и услышал, как вы разговариваете! – скромно ответил Мартин, хотя учуял друзей издалека. – Решётка поблизости от ограды! – пояснил он.

– Тогда действуй! – распорядился предводитель операции.

Пёс попробовал подцепить тяжёлую железку лапой, но она не поддалась.

– Рычаг нужен! – поддерживал снизу умными советами руководитель миссии. – Тащи какую-нибудь палку!

С палками проблем не возникло – они росли вдоль парковых дорожек стройными рядами. Перепробовав несколько толстых веток, Мартину удалось найти такую, которая не сломалась, когда один её конец он подсунул под прутья, а другой – обхватил крепкими зубами и прижал к земле. Решётка нехотя сдвинулась.

– Повезло тебе! Вот если бы они ещё были покрыты прочной жёлтой эмалью! – подал тонкий голосок вовремя очнувшийся Пафнутий, так что Брысю не пришлось тащить грызуна за шкуру, и они друг за другом выбрались на поверхность по опущенному в воздуховод сучковатому «рычагу».

Послышался рёв моторов – по ту сторону чёрно-золотой ограды в направлении столицы проследовала кавалькада почти из двух десятков машин. Среди них грузовик, который увозил от места упокоения гроб с телом

сибирского старца. Замыкал процессию «Делоне Бельвилль», любимый автомобиль Николая Второго...

* * *

...Первый подарок судьба преподнесла штабс-капитану в Петрограде, когда он нашёл своего лучшего друга Валерку Менделеева. Начавшиеся беспорядки всё-таки помешали тому попасть на фронт, и он скрывался дома от охватившего город безумия. Хотя Временное правительство издало Указ, запрещающий солдатам разоружать офицеров, он повсеместно нарушался и часто заканчивался убийством последних...

На другие дары фортуны заговорщики не рассчитывали, но из всех возможных (точнее, практически невозможных) для спасения августейшей семьи дней они выбрали именно тот, когда Императорский гараж ещё не опустошён, а внимание дворцового гарнизона приковано к таинственному действию извлечения останков знаменитого старца! И пусть совпадение было случайным, им хотелось видеть в нём второй добрый знак.

Начальник дежурной охраны «пошёл ещё дальше» и разглядел в истории с гробом Распутина специально организованный отвлекающий манёвр, чтобы доставить высокородных арестантов в Петропавловскую крепость в целостности и сохранности под прикрытием почти двух десятков моторов, присланных для

сопровождения необычного груза. Для порядка он, конечно, пробежал глазами Постановление и даже позвонил бы (тоже исключительно для порядка, а не из сочувствия к семейству бывшего государя, которому отныне предстояло познать все «прелести» мрачных казематов), но что-то случилось со связью, а задерживать выполнение секретной миссии он счёл себя не вправе...

Пригодился и актёрский опыт Валерки Менделеева (в ученические годы он блистал на сцене театра их кадетского корпуса). Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда царская семья трогательно прощалась с немногочисленными приближёнными и слугами, ошеломлёнными внезапным расставанием. И когда великая княжна Мария, ослабленная только что перенесённой болезнью, пошатнулась на ступеньках высокого крыльца и к девушке бросился доктор Боткин, он нахмурился, изображая недовольство и нетерпение.

Их высочества держались гордо. Хотя глаза распухли от слёз, связаны они были с исчезновением любимых питомцев и опасением, что животных постигла та же участь, что и несчастных колли.

А тот факт, что в тюрьму арестантов повезут в бывшем семейном автомобиле, все сочли очередной издёвкой новых властей. (Напрасно Адольф Кегресс думал, что доставит своим выбором удовольствие пассажирам.)

Себе государев шофёр тоже выбрал «Делоне Бельвилль», и штабс-капитан надеялся, что он благополучно миновал посты и уже добрался до Петрограда. Жаль только, что среди тех, кого француз увёз из Царского Села, не было отважной дворняги и серо-белого кота. И забавный белобрысый грызун куда-то запропастился...

Глава 76

БРЫСЬ ИСПОЛНЯЕТ СИМФОНИЮ

Мартин с шумом втянул большими ноздрями шлейф выхлопов, повисший в морозном воздухе.

– «Атосу» всё удалось! – радостно сообщил он. – Они в том последнем автомобиле! А наши уехали ещё раньше!

– Уверен? – с подозрением подвигал розовым носом помощник юного химика.

Пёс оскорбился и гордо заметил:

– Собачье обоняние превосходит человеческое почти в миллион раз! А ваше?

Пафнутий открыл рот, вспоминая, но руководитель миссии положил конец разгорающемуся научному спору:

– Уймись!

(Про свой нюх ему была известна более скромная цифра – «домашние» кошки распознавали запахи лишь в четырнадцать раз

лучше Людей, а грызуны небось и того меньше, иначе не попадались бы так легко в острые когти.)

Пафнутий снова принялся дрожать и выстукивать зубами морзянку, не понятную сухопутным, в роду которых не было корабельных предков.

Брысь покосился на подпрыгивающего на крошечных лапках грызуна и произнёс волшебную фразу, которая, по его мнению, должна была зарядить приунывшего «м.н.с.» новой порцией энергии:

— А не проверить ли нам наш клад? — подмигнул он Пафнутию янтарно-жёлтым глазом.

— У вас есть клад? — поразился Мартин, поскольку всё ещё был не в курсе невероятных подробностей приключений белобрысого грызуна.

Руководитель миссии попал в самую точку — упоминание о сокровищах согрело «м.н.с.» лучше, чем пушистый хвост Рыжего, а возможность хвастаться героизмом и смекалкой, проявленными в первом путешествии во времени, не давала замёрзнуть оставшуюся часть пути до особняка. Пафнутий даже умудрялся забегать вперёд, чтобы видеть потрясённое выражение на морде могучего слушателя.

Территорию бывшей императорской резиденции Мартин покинул через ворота напротив Екатерининского дворца, где располагался лазарет и движение не прекращалось ни днём,

ни ночью. Короткое расставание с друзьями, которые перебрались за ограду незадолго до того сквозь прутья чёрно-золотой решётки, стало единственным моментом, когда в его уши не вторгался надоедливый писк, и пёс восхитился самообладанием Брыся, вынужденного слушать историю во второй раз. Если бы не занимательный сюжет, он давно велел бы грызуну заткнуться!

Деревянный «дворец» был погружён в темноту – владельцы клада почивали в постелях, не предполагая, что кому-то известно о потайной нише. Идея спрятать часть драгоценностей пришла в их головы сразу, как только по Царскому Селу прокатилась волна грабежей, а слуги нацепили красные банты и поувольнялись, охваченные революционной горячкой. Правда, потом просились обратно, но купеческая чета решила повременить, подождать развития событий, а то как бы не пришлось и вовсе покинуть растревоженную страну. Если бы не морозы, то сундучок зарыли бы в саду, а так пришлось соорудить в подвале кирпичную стенку, надёжно укrywшую фамильные драгоценности от алчных взоров.

Мартин с любопытством оглядел творение архитектора Кольба, дополненное и усовершенствованное более поздними пристройками.

– А как вы собираетесь попасть внутрь? – озвучил он вопрос, вертевшийся на язычке у Пафнутия.

Ну, то есть за себя «м.н.с.» не беспокоился, у него имелась лазейка в цоколе, проделанная Кларочкиными прапра... А вот старшему кладоискателю вряд ли удастся повторить тот путь, которым он забрался в подвал в прошлый раз, воспользовавшись разрухой в особняке.

Брысь ответил загадочно:

– У меня есть ключик от входных дверей, называется «Симфония мартовского кота»! Так что до встречи в подвале!

И, воинственно задрвав полосатый хвост, руководитель миссии направился прямо к стеклянным створкам, покрытым изящными узорами, будто их морозцем прихватило (впрочем, и настоящий наверняка внёс свою лепту в кружевной рисунок).

Усевшись на крыльцо, искатель приключений издал длинную руладу из таких оглушительных «мао!», что Мартин бросился искать укрытие подальше от «сцены», где разворачивалось действие спектакля, а Пафнутий припустил к отверстию, опасаясь, что компаньон с его талантами попадёт на место гораздо раньше.

Оказавшись в знакомом подвале, питомец Вовы Менделеева первым делом печально вздохнул – нельзя было и мечтать о том, чтобы встретить серую подружку, ведь крысы, с их ускоренным метаболизмом, живут всего около двух лет, так что Кларочке ещё только пред-

стояло появиться на свет следующей зимой. От унылых мыслей отвлек топот человеческих ног наверху и сердитые крики.

Мартин восхищённо наблюдал из-за кустов, с какой ловкостью Брысь уворачивался от потоков воды, которыми разбуженные хозяева целились в него из кувшинов через окна второго этажа, где, вероятно, находились спальни. При этом серо-белый авантюрист не только не замолкал, но вопил ещё пронзительней. Наконец распахнулась стеклянная дверь, и руководитель миссии тут же исчез в доме, да так проворно, что выбежавший на крыльцо разгневанный полноватый мужчина не заметил кошачьего коварства и долго озирался, отыскивая нарушителя ночного покоя...

Глава 77

МАРТИН ПРИДУМАЛ, НА ЧТО ПОТРАТИЛ БЫ СОКРОВИЩА

Брысь проскочил застеклённую веранду и просторную прихожую с огромным изразцовым камином и очутился в парадном зале, заставленном диванами, креслами, круглыми чайными столиками под кружевными скатертями и кадками с мохнатыми пальмами. Исследователь приключений подождал, когда стихнет

скрип деревянных ступеней под тяжёлыми шагами хозяина дома (тот отправился досматривать прерванный сон) и покрутил головой в поисках хода в подвал.

Сквозь тюлевые занавески проникал голубоватый ночной свет. За окнами покачивались на ветру кусты сирени (наверное, во время цветения они наполняли комнату нестерпимым ароматом), шевелились и причудливые тени на паркетном полу, покрытом коврами. Узорная лепнина на потолке поблёскивала, перекликаясь с золотистыми вертикальными полосками на шёлковых обоях и портьерах.

– Бедолага! Ты и не догадываешься, во что тебя превратят! – пожалел путешественник во времени особняк, не подозревающий о грядущих печальных переменах.

Витые чугунные балясины лестницы обнаружились в углу за камином – тем самым, что одним изразцовым боком выходил в прихожую, а другим – в зал и топка которого находилась в цокольном этаже. Вот только радость настигла кладоискателя преждевременно – крутые ступеньки упёрлись в запертую дверцу!

* * *

Подвал выглядел в точности таким, каким запомнился младшему научному сотруднику Вовкиной лаборатории, когда его забросила сюда нелёгкая судьба экспериментатора-натуралиста при содействии чудодейственного

эликсира. Пробежав знакомым маршрутом, Пафнутий наткнулся на свежую кирпичную кладку, которая недвусмысленно указывала, что «пещера Алладина» наполнилась драгоценностями и ждёт своего первооткрывателя! А в том, что эта честь принадлежит именно ему, Пафнутий убедился, когда не обнаружил лазейки в сокровищницу.

Шум наверху давно стих, а компаньон почему-то не спешил присоединиться к приятелю. «Небось любитесь домом, пока его не разграбили!» – почти угадал «м.н.с.» и от нечего делать принялся грызть уже затвердевший раствор. Он оказался неожиданно вкусным – видимо, в состав подмешали что-то съедобное. Пафнутий почмокал губами, определяя любопытный ингредиент. «Сырые яйца, для клейкости!» – возликовал он и снова с аппетитом вонзил жёлтые зубы в препятствие, отделяющее от вожделенного сундука.

Окрылённый близостью сокровищ, кладочискатель чуть не забыл о руководителе миссии. От него по-прежнему не было ни слуху ни духу – музыкальные таланты явно не способствовали продвижению к цели. С сожалением посмотрев на плоды упорного труда – до необходимых размеров отверстию оставалось совсем чуть-чуть (всё-таки он растолстел с возрастом!) – Пафнутий направился в ту часть подвала, куда с первого этажа вела чугунная лестница.

* * *

Брысь снова подпрыгнул и повис на латунной ручке, однако дверь восприняла его очередную попытку с холодным безразличием и не приоткрылась ни на миллиметр.

«Неужели на ключ заперли?!» – возмутился искатель приключений и от досады боднул неподатливую преграду.

– Ван Дейк, это ты? – раздалось по ту сторону дубового полотна.

Писк младшего компаньона впервые показался Брысю исключительно приятным.

– А я клад нашёл! – не замедлил похвататься грызун, и руководителя миссии охватили противоречивые чувства, в которых ликование смешалось с завистью и горьким сожалением, что он опоздал к такому потрясающему событию.

Последние два перевесили первое, и вместо поздравлений он сердито спросил:

– Почему не предупредил, что тут дверь?!

– Забыл, наверное! – ответил Пафнутий чуть смущённо (он же не виноват, что у него голова маленькая!) и, не дожидаясь приказа разгневанного начальства, надкусил деревянный краешек...

* * *

Операция по извлечению клада затягивалась, и Мартин устал сидеть на одном месте и таращиться на тёмные окна. «Хоть бы соба-

ку завели! – укоризненно подумал он о хозяевах особняка. – Было бы, с кем поболтать!» Воодушевление, связанное с ожиданием несметных сокровищ (жаль, нельзя захватить их с собой в будущее, чтобы купить новую говорящую утку!), почти улеглось и перестало согревать тело. Пёс перебрался поближе к дому и устроился сбоку от крыльца, где не дуло. Путешественник во времени привычно спрятал нос под белой кисточкой, а перед глазами замелькали видения из недавно пережитого.

Очень быстро картинки перемешались и слиплись в комок, который подобрала чья-то незнакомая рука и швырнула в Мартина. Комок приближался с противным свистом, превращаясь в камень. Неведомым образом на пути смертоносного снаряда очутился Пафнутий. «М.н.с.» прикрыл голову крошечными лапками и писклявым голоском запел что-то про враждебные вихри. Мартин и возникший рядом штабс-капитан наперегонки бросились вперёд, чтобы загородить собой отважного грызуна от неминуемой гибели, но их опередил Брысь. Кот изловчился и поймал булыжник, оказавшийся на поверку красной латексной уткой, и пёс только сейчас понял, как соскучился по своим игрушкам, подстилке в уютной детской, по маленькому Саше, маме Лине, папе Николаю Павловичу и вообще по жизни, где Люди не смотрят друг на друга с ненавистью... Вот на что он потратил бы сокровища – на Мир!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Мир! — повторил Мартин и открыл глаза. Прямо перед ним чернела ножка кресла с зазубринами от щенячьих зубов. Он их узнал и даже вспомнил день, когда обнаружил в своём новом жилище ещё не тронутый им предмет мебели и с упоением вонзил в него острые молочные клыки.

Вот если бы перед носом оказалась мягкая подстилка или любимая утка, то пёс решил бы, что продолжают видения, а поскольку об испорченных в детстве вещах он предпочитал не думать даже во сне, то выходило, что он...

— Вернулся! — завопил Мартин и вскочил на длинные лапы.

В квартире царила тишина, но на всякий случай он промчался по всем комнатам и заглянул в прихожую и на кухню. Из крана в раковину с тихим шуршанием стекал тоненький ручеек (папа Николай Павлович каждый день собирался починить неисправность, но всё время отвлекался на другие дела). На ламинатном полу выстроились в ряд разноцветные пластмассовые мисочки с чистой водой и съедобными сухариками для котов. Его самого кормили строго по часам завтраком и ужином, а вот приятели имели доступ к еде в любое время су-

ток – видите ли, в умной книжке написано, что коты не любят принуждения к порядку! Мартин хмыкнул и опустошил плошки – не вкуснее каши с мясом, но сойдёт до возвращения Саши из школы (маленький хозяин втихаря нарушал его расписание приёма пищи, добавляя полдник).

Пёс ещё раз обошёл трёхкомнатные апартаменты. И как он раньше жил без кошачьей компании? Скучно! Красная утка понуро молчала – обижалась, что он ей свистелку выгрыз! Он уж сам сто раз пожалел... Обсудить пережитые приключения было не с кем, и они уже начинали казаться обычным... нет, очень даже необычным, но тем не менее лишь сновидением...

– Чхи! – раздалось из детской, и Мартин радостно подпрыгнул.

Савельичу попала в нос длинная шерстинка от Рыжего, появившегося на письменном столе одновременно с философом, и он ещё раз чихнул.

– Будь здоров! – от души пожелал ворвавшийся в комнату Мартин и с замиранием сердца спросил: – Ну что там? Всё получилось?

– Надемся! – ответил Рыжий. – Действие «перемещателя» закончилось в тот момент, когда царский шофёр доставил нас вместе с августейшими питомцами в дом на Гороховой улице и мы только приступили к знакомству с мальчиком Колей и его мамой.

– Коля Менделеев – бывший, то есть будущий подопечный Пафнутия! – гордо поделился Мартин сведениями из рассказа «м.н.с.» о его похождениях.

– Кстати, а где они, Брысь и Пафнутий? – покрутил головой философ.

* * *

Хруст дубовой двери потревожил сонный покой особняка, и в спальне наверху заскрипела кровать, предостерегая кладоискателей об опасности.

– И где этот Васька-паразит? Совсем загулял! Мыши вон обнаглели! – раздался ворчливый женский голос.

«Уж не тот ли самый Васька, который будет здесь жить, когда купеческий дом превратится в детский, и которого я спас от отравления?» – подумал «м.н.с.», переживая вызванное им недовольство.

Спускаться хозяева поленились, и вскоре оба этажа огласил дружный храп.

Под этот раскатистый звук Пафнутий завершил начатое, и старший компаньон протиснулся в подвал. Окинув взглядом пустое обширное помещение, поделённое кирпичными перегородками на несколько отсеков, Брысь вспомнил, сколько хлама напихают сюда будущие жильцы. Немудрено, что грызун заплутал и не нашёл дорогу к сокровищнице.

Вдоль стены рядом с каминной топкой вы-

силась поленница дров. Другая стена была наполовину покрашена белой масляной краской – вероятно, хозяева собирались сделать подвал светлее и уютнее, но из-за революционных событий бросили хлопотную затею. Початая банка стояла тут же. Крышка отсутствовала, и содержимое покрылось толстой желтоватой коростой.

Больше из любопытства, чем с определённой целью, искатель приключений проткнул её острым коготком, и на поверхность выступила белая маслянистая капля.

– Будем отпечатки рисовать? – деловито осведомился «м.н.с.». – Ну, на будущее! Неизвестно ведь, когда за сокровищами отправимся! – сконфуженно добавил он, увидев в янтарно-жёлтых глазах лёгкое недоумение.

Брысь ещё раз окинул подвал пытливым взором – вот тут будет стоять старый диван с торчащими наружу пружинами, там этажерка с пыльными стопками виниловых пластинок, патефоном и детскими игрушками, чуть дальше... Оказывается, его уникальная кошачья память хранила все подробности грядущего беспорядка!

* * *

Вернувшийся из школы Саша тут же позвонил другу и радостно сообщил, что теперь не только Брысь лазает в квартиру к Менделеевым, но и Пафнутий освоил путь к приятелям,

поскольку обнаружен на письменном столе в его комнате в компании котов и Мартина.

Путешественники по историческим эпохам взволнованно вглядывались в чёрно-белую фотографию. Им казалось, что семья последнего российского государя и августейшие питомцы тоже смотрят на них сквозь время, ласково и благодарно...

ЭПИЛОГ

Луна нежно улыбалась, разглядывая спящего искателя приключений. Длинные пышные усы и лапки серо-белого зверька подрагивали, мордочка забавно морщилась, будто он и во сне продолжал кого-то убеждать, с кем-то спорить, куда-то мчаться... Ночное светило давно с симпатией наблюдало за необыкновенной жизнью кота с отважным сердцем. И команду он собрал такую же храбрую и преданную их крепкой дружбе...

Янтарно-жёлтые глаза внезапно распахнулись, и Луна не успела отдернуть лучик, чтобы спрятаться за штору.

– Бодрствуешь? – спросил Брысь старую знакомую и широко зевнул. – И мне не спится! Всё думаю, какое благородное дело ты имела в виду?

– Разве то, что вы совершили, ты не считаешь достаточно благородным? Вы спасли жизнь

многим хорошим Людям и сделали историю вашей страны чуть более светлой. Взгляни на меня повнимательней – разве тебе не кажется, что я стала сиять ярче? А всё потому, что воздух теперь прозрачней!

Брысь присмотрелся – пожалуй, лунный диск и впрямь больше похож не на головку сыра, а на огромную монету из червлёного золота.

– А как же сокровища? Ведь мы до них так и не добрались!

– О, это сложная цепочка причин и следствий! Не уверена, что земному коту под силу её понять.

– Я попробую! – заупрямился путешественник во времени.

– Посуди сам, если бы вы с грызуном не обнаружили следы-подсказки, то не добрались бы до потайной ниши. Если бы ты не расстроился из-за пропажи драгоценностей, то не задал бы мне вопрос, на что ты их потратил, и не задумался, какое доброе дело совершить. Если бы вы после исполнения миссии не вернулись в деревянный особняк за кладом, то твой маленький приятель не прогрыз бы лазейку в нише и не обнаружил бы сокровища во время своих приключений, и детишки остались бы без новогоднего праздника. Если бы вы не оставили отпечатки, то не нашли бы нишу и ваш благородный исторический вояж так бы и не состоялся! – терпеливо объяснила Луна.

Брысь надолго задумался, и ночное светило осторожно потянуло к себе луч, чтобы незаметно исчезнуть, а то философские рассуждения порядком его утомили.

– Постой, но где же всё-таки клад? И кто расширил лаз до кошачьих размеров – опять разволновался искатель приключений.

Луна вздохнула.

– Не догадываешься? Кот и крыса. Васька и Кларочка. Ведь после того, как Пафнутий покинул детский дом вместе с мальчиком, кто-то должен был продолжать заботиться о сиротах? Так что драгоценности купцов пошли на хорошее дело! А жемчужину Клара оставила для себя – уж очень они ей нравились!

– Бедный Пафнутий! Не получит своих десяти процентов! – посочувствовал грызуну старший кладоискатель. – А он так мечтал отправиться в морское путешествие!

– О! Твой друг, по недомыслию, затеял опасное! Ты уж его не бросай...

Луч растаял, оставив Брысю новую загадку...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Брысь придумывает план	7
Глава 2. Брысь пытается раздобыть нужные сведения	12
Глава 3. Брысю пришлось вспомнить мушкетёрское прошлое.....	18
Глава 4. Друзья проявляют находчивость и силу воли	22
Глава 5. У Пафнутия есть поводы для волнения.....	26
Глава 6. Пафнутию очень стыдно.....	30
Глава 7. Мартин чуть было не справился сам.....	36
Глава 8. Знакомство	40
Глава 9. Коварные даты	45
Глава 10. Царским питомцам открывают зловещую правду	49
Глава 11. План спасения по Брысю	54
Глава 12. Злой рок	58
Глава 13. Пафнутию достаётся главная роль	63
Глава 14. О верности и предательстве	68
Глава 15. Пафнутий отправляется выполнять задание	72
Глава 16. Кленовая гостиная	76
Глава 17. Опять вдвоём	81
Глава 18. Друзья узнают расклад сил	85
Глава 19. Пафнутию опять не везёт.....	90
Глава 20. Друзья устремляются по следу ...	95

Глава 21. Пафнутию помешал лишний вес	100
Глава 22. Подземный ход	104
Глава 23. В туннеле	108
Глава 24. Загадки.....	112
Глава 25. Савельич отвечает на вопросы ...	118
Глава 26. Экскурсия продолжается.....	123
Глава 27. Вольные каменщики.....	127
Глава 28. «Отчёт» Шуши.....	131
Глава 29. Мартин заводит новое знакомство.....	136
Глава 30. Савельич проводит лекцию	141
Глава 31. Мартин попадает в Императорский гараж, а Брысь и Пафнутий идут дальше.....	146
Глава 32. Мартин проявляет самостоятельность	152
Глава 33. Пафнутий огорчился.....	157
Глава 34. Мартин остался голодным, а Пафнутий струсил	161
Глава 35. Савельич узнает то, чего не знал	165
Глава 36. Мартин не догадывается, как тесен мир.....	169
Глава 37. Мартин отправляется в гости, а Брысь и Пафнутий обнаруживают то, что искали ...	175
Глава 38. Мартин поел, а Брысь сделал вывод	179
Глава 39. Голод оказался кстати.....	185

Глава 40. Брысь переживает за Мартина	189
Глава 41. Мартин обретает надежду	194
Глава 42. Пафнутий подсчитывает моральный вред	200
Глава 43. Брысь не спит, а императорский шофёр рассуждает о фаталистах	205
Глава 44. Начало противостояния	211
Глава 45. Брысь сообщает о пропаже.....	217
Глава 46. Джой оправдывает охотничью родословную	221
Глава 47. Васька не знает дороги	226
Глава 48. Мартин волнуется, а Савельич ищет слушателей	231
Глава 49. «М.н.с.» поразил Савельича.....	235
Глава 50. Штабс-капитан и Пафнутий размышляют о государях.....	239
Глава 51. Рвётся связь	245
Глава 52. Тени прошлого.....	249
Глава 53. К бою!	254
Глава 54. В осаде.....	258
Глава 55. Переговоры	264
Глава 56. Кот и пёс	269
Глава 57. Брысь размышляет над изгибами судьбы	273
Глава 58. Друзья создают свой Штаб.....	278
Глава 59. Доктор рискует, а Рыжий уговорил взять его в разведку	282

Глава 60. «Разведчики» следят за каретой	286
Глава 61. «Разведчики» попадают на митинг	292
Глава 62. Пленники чести	297
Глава 63. Брысь добывает важную вещь ...	301
Глава 64. Пафнутий снова главный.....	307
Глава 65. Две важные вещи	312
Глава 66. Штабс-капитана принимают в «клуб заговорщиков»	316
Глава 67. Друзья знакомятся	320
с августейшим семейством	320
Глава 68. Брысь придумывает новый план, а Мартин ищет драки.....	325
Глава 69. С Пафнутием опять случился конфуз	330
Глава 70. Брысь огорчается	336
Глава 71. Ещё ничего не закончилось.....	341
Глава 72. Распределение обязанностей.....	344
Глава 73. Где же мы встретимся?.....	348
Глава 74. Капризы фортуны	352
Глава 75. Судьба делает подарки	357
Глава 76. Брысь исполняет симфонию.....	362
Глава 77. Мартин придумал,	367
на что потратил бы сокровища	367
Глава 78. Возвращение	372
Эпилог.....	376

Читайте в серии:

Приключения котёнка Брыся.

Брысь, или Кот Его Высочества.

Брысь, или Один за всех, и все за одного.

Брысь, или Приключения одного т.н.с.

Брысь, или Тайны Царского Села.

Мифические эксперименты, или...

Левенги Зетти Московской, или...

Тайна за сетью печатяти, или...

По вопросам приобретения книг обращайтесь по
контактам, указанным на сайте автора
olgamalyshkina.ru

Ольга Малышкина
Брысь, или Тайны Царского села
(Второе издание)
Литературно-художественное издание

Маркировка согласно федеральному закону № 436-
ФЗ: 6+

Редактор О. Малышкина
Художник О. Кагальникова
Дизайн обложки В. Жариков
Верстальщик М. Носов
Корректор А. Ярлыкова

Гарнитура «SchoolBookС» Формат 84x108/32
Бумага офсетная 80 гр. Тираж 2000 экз.

ЕАС Изготовлено в России. Брысь & Со
Отпечатано в АО Т8 «Издательские технологии».

Москва, Волгоградский пр., 42, корп.5, 1 эт.
Тел.: +7 (499) 332-38-31